

МАРИЯ БОТЕВА

НОВОЕ ЧЁРНОЕ ПАЛЬТО

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Иллюстрации Вольги Пранкевич

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2) 6-44
Б86

Ботева, Мария.

Б86 Новое чёрное пальто : Повести и рассказы [для ср. и ст. шк. возраста : 12+] / Мария Ботева ; ил. Вольги Пранкевич. — М. : КомпасГид, 2022. — 272 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-807-5

Каждую среду после уроков новенькая напрашивается в гости к однокласснице и сидит у неё до темноты, отключив мобильник. Тринадцатилетняя школьница находит родственную душу в соседке по больничной палате и понимает, что так легко ей ещё ни с кем никогда не было. Парень из престижного химико-биологического лицея учит девочку из обычной школы слушать ветер, сидя на крыше дома, и спасает её отца, выступающего против закрытия школы, из-под ковша бетономешалки...

Это лишь три сюжета. Но за каждым из них — пронзительное повествование. Рассказ о сиюминутных ситуациях, невозвратном прошлом и тревожном ожидании будущего. Описание жизни такой, какая она есть, когда тебе от 13 до 15 лет: чудак учитель, в которого влюблены ученики, отец, пишущий рэп, знакомая библиотекарьша, угощающая чаем с курабье, отчим, спасший твою жизнь ещё до рождения, мама, с которой так классно разгуливать по торговому центру и есть дома горячие сырники!

Герои-подростки — живые и вызывающие симпатию. Трогательные и отзывчивые. Они говорят нормальным языком. Переживают друг за друга, ищут поддержку, взаимопонимание и любовь — друзей и близких.

Всего в новом сборнике Марии Ботевой пять повестей и рассказов. Пять историй из жизни. Пять мини-спектаклей, в которых одна мизансцена сменяет другую. Для каждого сюжета автор выбирает новый язык, раскрывает очередную сторону бытия героев, показывает разные жизненные коллизии.

Мария Ботева — журналист и драматург. Финалист и лауреат литературных конкурсов. Произведения писательницы переведены на иностранные языки. А книги «Мороженое в вафельных стаканчиках» и «Маяк — смотри!» включены Мюнхенской международной детской библиотекой в список выдающихся детских книг мира «Белые вороны» и выдержали несколько переизданий в «КомпасГиде». Также по книгам Марии Ботевой ставятся спектакли и проводятся театральные читки.

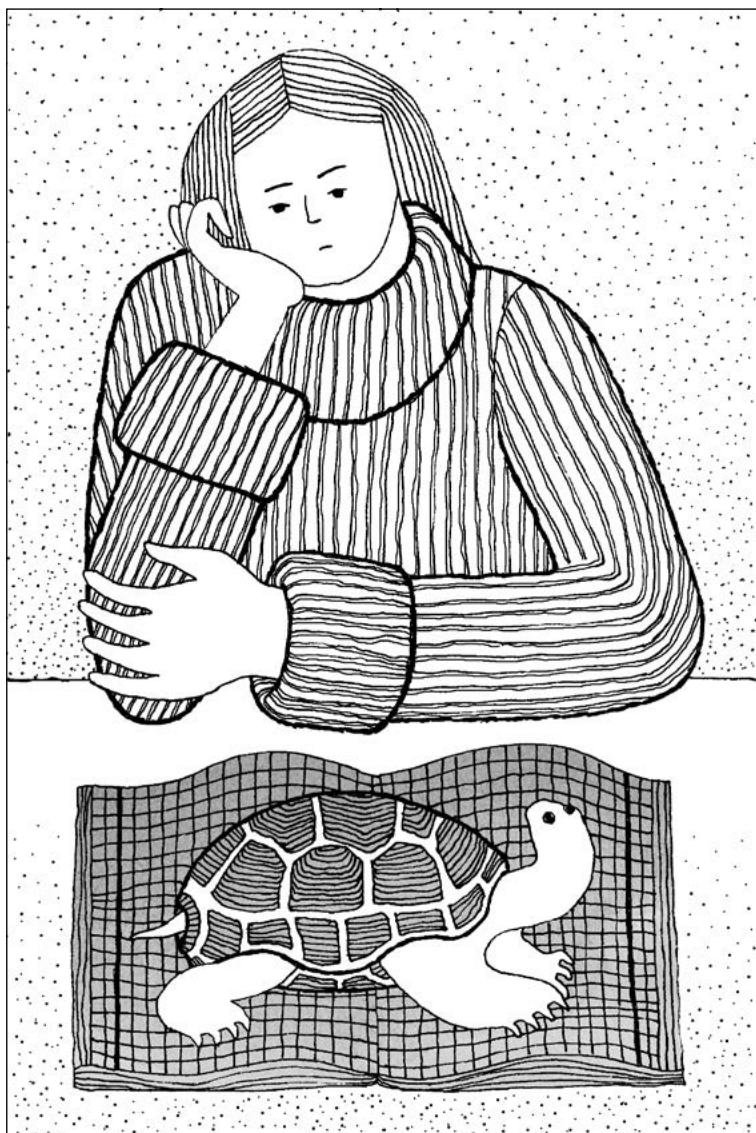
УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2) 6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-807-5

© Ботева М. А., текст, 2022
© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2022

КУПЛЮ ЧЕРЕПАХУ

МАМА И СЫРНИКИ

Наш учитель истории — самый лучший, это давно и всем известно, даже вспоминать не стоит. Учитель года.

— Ой, да когда это было-то? — говорит мама. — В две тыщи лохматом году. И не в вашей школе, между прочим. Возьми-ка винограду в холодильнике, я купила.

Мама моя весёлая сегодня, счастливая, люблю, когда она такая, хоть поговорить можно. А то всё — как в школе, да как здоровье, да почему дома сидишь, а на улице как хорошо. Вот когда мама сдаёт свой квартальный отчёт, с ней можно по-человечески разговаривать. Дня два, а когда повезёт — неделю. Мне тогда из дому совсем выходить не хочется, я бы всё так сидела и сидела рядом с мамой. Ей, кажется, тоже такая мысль приходила в голову. Однажды будит меня шёпотом, говорит:

— Галка, Галка, Галчонок мой, спишь?

Я только начала один глаз открывать, как слышу, она шепчет опять:

— Ну ты поспи, а я посижу.

А мне уже расхотелось спать. Думаю: происходит что-то или мне кажется? Глаза не открываю. Мама и в самом деле сидит на моей кровати рядом, не уходит. Вдруг как каркнет:

— Кра! — и руками ещё взмахнула, и снова: — Кра!

Я подпрыгнула, чуть в потолок не влетела.

Мама смеётся:

— Хорошее, — говорит, — я имя тебе придумала, а, Галчонок?

И смех и грех. Напугала меня, а как её ругать: так ей весело. Пусть этот день у неё таким и будет, радостным до ушей. Мы смеёмся вместе.

— Мама, — говорю.

— Нет, только не сегодня, — перебивает она меня.

— Да ты послушай, ты же не знаешь, о чём я.

— Знаю я, всё про тебя знаю, сейчас спросишь, кто твой отец да где он. Так?

— Так, — отвечаю, хотя думала совсем не об этом, хотела позвать маму гулять целый день, покупать тонкие колготки, брюссельские вафли и мороженое. Но раз уж разговор зашёл... — Так, — говорю, — правда, Расскажи про него.

— Ай, прощелыга тот ещё, — отвечает она. А настроение, чувствую, нисколько не испортилось. Обычно в этом месте она начинает грустить.

— Ага, понятно, — говорю, — а отчество у прощелыги какое?

— Погоди, — мама задумывается, — дай-ка вспомнить. Мольбертович, что ли?

— Ну мама!

— Говорю же, только не сегодня.

И мы идём гулять. То в один торговый центр, то в другой. Мне так нравится там ходить! Всё яркое, блестящее, покупатели ходят радостные. Или озабоченные ходят. Но по всем видно: люди делом заняты. И просто мне нравится в магазинах, на рынках — жизнь! Кипит и клоочет, а не так себе проистекает. Тут кричат продавцы, там заманивают, тут хвалят свои товары, показывают их во всей красе, там чуть не бегут за тобой с какой-нибудь кофточкой или тапками.

Купили мне водолазку бирюзовую, а маме зимние ботинки со снежинками.

— Мама, — я ей говорю, — ты как маленькая! Хорошо, что снежинки, а не снеговики.

— А что, бывают? — мама спрашивает. И я закатываю глаза. А-а-а! Вот это мама. Как это я с ней ещё держусь сегодня, с такой дикой.

Мы спускаемся на эскалаторе, а времени уже три часа, и я хочу есть. Мы так за целый день и не поели никакого мороженого, никаких вафель.

— Пойдём перекусим? — наклоняется ко мне мама, и тут мы видим, как навстречу нам поднимается моя классная, Валерия Геннадьевна.

— Здравсьте, — говорим с мамой в один голос.

А Валерия нам пальцем грозит, и я не могу понять, это она всерьёз или в шутку. Никогда она мне пальцем не грозила — и вдруг.

— Не думай даже, я ей позвонила утром, отпросила тебя. Сказала, надо в больницу.

Какую ещё больницу? И тут я вспомнила, что утром мы в самом деле заходили в поликлинику, взяли направление на анализы крови и мочи. Мне и маме заодно. А может быть, это мне заодно, а главное — маме. Не знаю.

Потом мы пошли шляться по магазинам, и я совсем про это забыла. Вот это подарок мне сегодня. Завтра в школу, но в субботу ничего сложного. География, химия и физкультура. А у меня освобождение по здоровью, так что я иду только на два урока, виват!

В субботу мне приходится вставать самой. У мамы законный выходной, и она спит сколько хочет. Не знаю, когда она встаёт. Может, ещё долго лежит, но не удивлюсь, если она после моего ухода вскакивает и прыгает на кровати. Хотя нет, на наших кроватях не попрыгаешь, там какие-то хитрые матрасы. Ну, всё равно что-нибудь делает моя мама. По субботам я прихожу, а дома пахнет горячими сырниками. Маме отменно удаются именно сырники. Блины не получаются, на пироги ей не хватает терпения, а вот сырники — думать позабудешь, пока их ешь.

Сегодня только собралась домой, стою, натягиваю свою куртку. Идёт он — Лев Ильич Давыдов, учитель года две тысячи лохматого года, наш историк.

— Ты куда это? — спрашивает меня.

— Домой, — отвечаю, — куда ещё?

— Рановато, — он мне говорит.

— В самый раз, — отвечаю, а сама чувствую: не клеится у нас с ним разговор. У него одна настройка, а у меня другая, что-то не так.

- Погоди, а ты карточки мне расписала?
- Конечно, во вторник ещё. Вы же видели.
- А-а, — тянет он, — это во вторник было, да? Вот время-то.

И идёт себе дальше. А я стою, у меня куртка только на одну руку натянута, стою и думаю: что-то тут не так. Хотя кому какая разница, что я думаю, мне можно и вовсе ни о чём не думать. Взять да пойти домой. Так я и делаю.

— Погоди! — снова говорит он. Я уже у дверей, а он чуть ли не бегом бежит ко мне. — Погоди, а куда ты их положила? Что-то я не помню. И вообще, рассказала бы, что там да как? Ты же была на этом, на слёте археологов?

Вот тоже мне! Не мог сразу же с этого и начать. Всё хорошо в нашем учителе, только это и плохо — не может сразу о деле спросить, издали начинает. Не видать мне тёплых маминых сырничков, приду, когда они уже остынут. Хотя нет, не всё пропало.

— Мама, — говорю я по телефону, — я, оказывается, задержусь тут, надо рассказать о собрании.

— Ясно, — мама мне отвечает, — это ты Льву будешь рассказывать, да? Давай-давай. Я всё поняла, позвони, как соберёшься домой.

Но я позвонить забываю. Я вообще обо всём забываю, потому что в кабинете у Льва такое!

- Кто это сделал? — говорю.
- Кто-кто, — отвечает Лев, — самый ваш лучший учитель.
- Ну ни фиги себе! Это вы сами?
- Ну да, — он говорит и по усам себя гладит, — сами.
- А когда? А почему меня не позвали? Я тоже хочу!

В классе у Льва две парты сдвинуты, а на них — бумажный макет нашего летнего раскопа.

— Узнаёшь? — спрашивает он.

Ещё бы не узнать, сколько мы там зависали. Я разглядываю макет медленно, вспоминаю, где что выкопали. Не напутал ли учитель немного.

— Нет, правда, что ли, сами сделали? — спрашиваю.

— Ну, нашёлся добрый человек, помог. Новенькая ваша.

И тут она заходит, прозвенел звонок, физра кончилась, Катерина переделалась там последней, как всегда. И прямой дорогой сюда, к Лёве. Ну и мы вдвоём с ней уже возле макета зависли. Оказывается, она его ещё не видела собранным полностью, только частями.

Лев достал карточки, которые я заполняла, отдал мне в руки, сказал, чтобы по макету разложила. А я в шапке, в куртке хожу вокруг макета. На север кладу карточки с находками, которые там были, на северной стороне раскопа, на запад — те, что западные. Катерина мне помогает. Лев только ходит за нами следом. Мы положим карточку, он поднимет, прочитает, обратно кладёт. Любуется. Так день и прошёл. Домой я привалила только вечером. И маме забыла позвонить.

КАТЕРИНА

Засада в том, что нас теперь стали путать. Меня с Катериной. Казалось бы. Я в школе с первого класса, а она только что пришла. Это из-за фамилий. Разница в одну букву, а сколько неприятностей. Один раз меня хотели выгнать с биологии из-за

неё. Из-за самой Катерины, а не фамилии. Римма ходила по рядам, смотрела, все ли записывают д. з., она всегда так делает. Как будто это чему-то поможет. Вот Дизель в любом случае всё выучит, а я — ещё подумаю, стоит ли какая-нибудь инфузория-туфелька моих стараний. Да и что там учить эту биологию. На уроке слушаешь — всё понятно. Ну, что-то запомнить надо специально, да. В тот день Римма задавала нам чуть ли не всё, что мы прошли за четверть, да ещё что-то вспомнила с прошлого года. И ещё конспектировать статьи из энциклопедии, это она любит, постоянно хочет, чтобы мы их читали. Говорит, любые энциклопедии, а не этот ваш интернет. Законспектируешь, а она потом читает и пишет в тетрадке, что в этой энциклопедии никакой подачи материала. Непонятно, что она хочет сказать всем этим.

— Имейте в виду, — говорит, — эти вопросы будут у вас в итоговой работе. Учите сейчас, не ждите следующего года.

Очень быстро она всегда говорит, не всегда успеваешь за ней уследить. Начинает нормально, но к концу урока обычно как ведущие утром по радио торопятся всё сказать.

— Проверю всё и у всех: и конспекты, и самостоятельные работы, и устные...

— Ой, а можно как-то избежать этого? — спросила вдруг Катерина.

— Нельзя, — без перерыва сказала Римма. Они это так дружно сказали, сначала одна, потом другая, будто репетировали, — этого избежать нельзя. Даже если вы перейдёте в другую школу, даже если вы заболете — этого не избежать.

— А если умрём? — спросила Катерина.

— О-оу, — сказал Митенций.

— Даже если умрёте, на вашем могильном памятнике будет написано, что вы не учили биологию. Так что избежать не удастся ни при каком раскладе.

— А если... — стала спрашивать Катерина.

— Гудина Екатерина, если ты сейчас не замолчишь, выйдешь из класса.

— Дудина, — сказала я, — это я — Гудина.

А Катерина сказала, что она не Екатерина, встала, собрала сумку и вышла.

Я подумала немного и тоже ушла. Но не знаю, как это считается: что меня выгнали или что я сама ушла? Потому что, когда я открывала дверь класса, прозвенел звонок.

Она такая, Катерина. Не может, когда её называют по-другому. Это у неё с детства.

Самой первой её увидела я. И то потому что она все уроки просидела за последней партой. Я на среднем ряду сижу, а она села у окна. И никто её не заметил! Несмотря на внешность: волосы белые, я таких раньше не видела. Они белые, совсем, без вариантов! Так и не обращали на неё внимания до предпоследнего урока. До истории. Конечно, Лев, как вошёл в класс, тут же её углядел.

— Ого, — говорит, — у вас в классе пополнение, — и вызвал её к доске. — Посмотрим, — говорит, — как вы знаете материал, познакомимся.

Это бывает с нашими учителями, давно замечено. Начинают вдруг ученикам говорить «вы». Математичка Ираида Натановна, например. На уроках — со всеми на «вы». А на перемене встретит, говорит:

— Где ты бегаешь? Приходи контрольную переписывать!

После этого идёшь на урок, а она — та же самая математичка — вызывает к доске, говорит: «Докажите теорему». Вот и пойми.

Ну, новенькая вышла, Лев её спрашивает имя, фамилию.

— Катерина Дудина, — говорит.

Все сразу на меня заглядывались. Ещё бы!

— Как? Дудина или Гудина? Имейте в виду, Гудина у нас уже есть.

— Катерина Дудина, дэ, Дионис, — новенькая повторила.

Хорошо, не Гудина, всё-таки на одну букву различаются наши фамилии.

— Катя, а вы...

— Извините, — перебивает она его, — Катерина. Пожалуйста.

Бледная, волосы белые, даже брови. Ресницы тёмные, понятно, покрашены, а так тоже белые, вот нисколько не сомневаюсь. Глаза большие, голубые, что ли. Или серые? У меня, конечно, острое зрение, но не настолько, чтобы всё замечать. Цвет глаз на таком расстоянии мне не видно.

Ладно, историк тоже представился, ну, что зовут его Лев Ильич Давыдов, он учитель истории. Кажется мне, он любит с людьми знакомиться, всем повторять, как его зовут. Я уже только за этот учебный год слышала раза три. Он представился,

а заодно спросил: из какой школы она к нам посреди сентября? Она сказала, что из лингвогимназии, перешла к нам по месту жительства.

— Да? — говорит Лев. — Да вы что!

И сидит на неё смотрит, рот раскрыл. Неожиданно, конечно, мы тоже удивились, что такая птица к нам залетела. Из гимназий и лицеев нормальные люди не уходят. Если только их не выгоняют. Там двери в одну сторону работают — на вход. Если уж ты там оказался — держись, учись, а не как у нас. Каждый месяц, говорят, там такие контрольные, тесты, зачёты — мало не покажется. Я это знаю, у меня троюродный брат, Славка, учится в экономическом лицее. Как их там гоняют! Поэтому все ученики там такие нервные, ходят и подёргиваются. Ну ладно, я не проверяла сама, как-то не было повода. Хотя эта наша новенькая спокойно так стоит, не трясёт её. Исключение, которое только подтверждает правило. Что вот ей у нас надо? Учиться надоело, что ли? Расслабиться решила? Лев её спрашивает:

— А чего ушли? Хорошая же гимназия. Говорят, даже лучшая.

— Сами тоже ушли, — она отвечает.

Кто-то присвистнул, не знаю кто, но очень хорошо его понимаю. Сама бы от удивления засвистела, только сразу не сообразила. Наш Лев работал там! Это одна причина свиста. А другая — новенькая. Никто не думал, что она такая. Дерзкая, что ли. Катерина. Лев молчит, все молчат, тишина. Слышно, как Губанов набирает что-то на экране телефона — он никогда звук не отключает. Понятно, ищет уже новенькую в интернете. Лев говорит:

— Я по семейным обстоятельствам.

— Я тоже.

Помолчали опять. Потом историк опомнился:

— А классный руководитель? Кто?

— Леди Ди.

— О! Дина Валерьевна? Хорошая!

— Ну да. Нормальная.

Лев смотрит на новенькую, Лёвушка наш, смотрит, улыбается и вдруг начинает быстро трындеть с Катериной. Про эту самую Леди Ди, да в каком кабинете она работает, да заменили или нет диваны в холле, да была ли новенькая в здании младшей школы после ремонта. И всё такое. Диваны у них, гляди. В холле.

Дизель поднял руку.

— Что? — спрашивает Лев.

— Я извиняюсь, можно нам выйти?

— Куда? В туалет? Иди, конечно.

— Нет, совсем. Мы тут, кажется, не нужны. А я бы по физре домашку доделал. Нам отжимание задали, боюсь помешать. Вам всё равно, а мне приятно.

Такой он, Дизель, как скажет.

— Так, — говорит Лев, — так. Ты прав, конечно. Продолжаем урок. А вы идите на место. Поздравляю вас с нами, а нас с вами!

— О! Неужели из самой лингвогимназии? Вот счастье-то! — сказал Дизель. — Нет, в самом деле удивительно.

— Бородулин! — говорит Лев.

— А?

— Урок. Откройте учебники.

А Дизель не думает молчать:

— Оукей! — и громко выкладывает из сумки учебник, тетрадь, ручку. Потом как будто вытирает рукавом пот со лба, такой делает вид. Новенькая улыбается учителю, потом всему классу. Говорит:

— Надеюсь, мы друг другу понравимся.

И садится на своё место. Урок начинается, надо же.

Странно, я совсем не помню, что мы в тот день проходили. Всегда уроки истории самые интересные, а тут был обычный. Как какая-нибудь физика. Лев говорил не так, серо, что ли, тускло. А к перемене совсем сдулся, даже ничего не задал. Нашим легче, конечно.

На перемене к ней подошли одноклассники, к Катерине. Ирка, ясно, не стала утруждаться. Да ей Губач всё рассказал, он уже страницу новенькой почитал, фоточки поглядел. Зафрендил. Катерина Дудина, так она и записана.

— А почему не Екатерина? — спросила Дарико.

— Так привыкла, — сказала новенькая, — с детства.

Не понравилась она мне, пожалуй. Спина прямая, как будто не гнётся. Волосы белые, таких не бывает. Не блондинка, ещё бледнее. Фамилия на мою похожа. Надо же так.

А может, и понравилась. Опять же фамилия почти как у меня. Ну, так.

НЕ ХВАТАЕТ ЧЕРЕПАХИ

Я говорю Дизелю:

— Привет, Федосья!

Ему не нравится это имя, но от меня он терпит.

— Чего, — спрашивает, — как сама?

— Нормально. Читаю вот твой комментарий.

Это он оставил под рисунком Катерины, новенькой. Конечно, как только она пришла, все кинулись смотреть её страницу в интернете, и я тоже, и Дизель вот. У неё не было этих дурацких котиков, единорогов и кто там ещё бывает. И цитат тоже не было будто бы умных, а на самом деле каких-то... Я не знаю даже, как назвать. Не люблю я их, словом. Зато были какие-то короткие записи, видно, что не списано. И рисунки. Сама, похоже, рисовала. Мне один понравился очень, последний, она его вчера только поставила. Вот странно: человек живёт себе и живёт, ставит, как всегда, как раньше, на свою страницу рисунки, а утром встаёт и идёт в другую школу. А тут — рисунки, будто ничего не изменилось. Ничего такие, только люди там как будто не совсем настоящие. То ли голова у них слишком маленькая, то ли ноги длинноваты. На этом рисунке, который мне понравился, город и дождь. И девушка в синем платье идёт под дождём. Без зонта, просто идёт. Очень высокие дома. Есть в этом какая-то тоска, что ли, но не смертельная, а та, что проходит, когда после раскопа возвращаешься домой, а там горит свет, есть горячий чай. Ну, такая.

Мне хотелось написать комментарий под этим рисунком. Ну, например: не хватает черепахи. Катерина, конечно, обомлел, а потом спросит: почему черепахи? А я откуда знаю, почему именно черепахи? Интересно было бы тут её увидеть, правда. Синее платье, девушка, высокие дома, дождь. И черепаха. Маленькая, такие в детских садах, бывает, живут. У нас жила в группе, Карабас. Еле удержалась, чтобы не написать

про черепаху. Через час где-то снова открыла рисунок, а под ним Дизель написал: «Котика не хватает!» Черепаха, котик — опять у нас с ним мысли совпали. Я уже ничему не удивляюсь. Даже вот совсем не странно будет, если он мне сейчас позвонит.

И он позвонил. И тут я ему сказала, что сама хотела написать комментарий, только не про котика, а про черепаху.

— Почему про черепаху? — спрашивает Дизель.

— Не знаю, почему нет?

— А. Ну да.

И замолчал. То ли забыл разговаривать, то ли думает.

— Федь, — говорю, — чего звонишь-то?

— А, да, — он отвечает. — Завтра чего делаешь?

— Учусь.

— Да это понятно. А потом?

— Потом. Потом у Льва посидим. Перед собранием, массовым. И это, гусятника ещё не было, тоже об этом подумаем. Может, там и отметим, на собрание. Придётся?

— Да ну. А кто ещё будет?

— Ну... Наши. Приходи, ты же тоже ездил.

— Не. Я не могу. Потом на гусятник приползу. Ладно, что ли. Поке.

И повесил трубку. Вот человек. Я посидела, открыла страницу Катерины и написала под тем рисунком: «Черепахи!» Федос тут же ответил: «При чём тут черепаха? Коты спасут вселенную!» Вот замахнулся. И мы начали переписываться, перебрасываться комментариями. Так подумать — ничего особенного, но нам смешно. Я пишу про чёрные дыры, а Дизель отвечает, что две приличные дыры можно победить сотней черепах.

А я ему — про котов, которых надо разогнать в адронном коллайдере, выпустить на улицу и посмотреть, что будет. Всякий бред, короче говоря, мы строчили. До вечера. Вечером пришла Катерина и написала: «Э-э-э. WTF?» Сразу видно человека из лингвогимназии. Больше никто ничего, замолчали. Думаю, ещё никогда у неё на странице не было такой переписки. Я посмотрела — вообще почти нет комментариев.

А я так развеселилась, что не смогла остановиться, придумала ещё немного про черепах. Ну, так. Но записала уже у себя, конечно, на своей стене.

ЧЕРЕПАХИ

При написании этого рассказа ни одна черепаха не пострадала. Говорю это для того, чтобы засвидетельствовать, что ни одна черепаха действительно не пострадала. По крайней мере ни одна из ближайших ко мне черепах. Что было с другими черепахами — бог весть. Думаю, что они тоже не пострадали. Довольно трудно, вообще говоря, представить страдающую черепаху. Мне ни разу не доводилось видеть такую.

НЕЖНЫЕ ПОЧКИ

Наверное, какие-то бури в космосе происходят. Не может же человеку вдруг ни с того ни с сего опостылеть абсолютно всё. На физру было неохота идти, я думала свалить, но меня заметила завуч, Эм-Си. Посмотрела своим фирменным взглядом на часы.

Ну да, да, начался урок. Не спорю. Пришлось поворачивать обратно. Всё равно у выхода охранник остановил бы. Сегодня Серёга, у него фиг просочишься. В раздевалку я зашла, когда все давно утопали в зал. Почти все, только Катерина ещё осталась. Неожиданно. Я дверь открыла, а она сразу спряталась за футболкой своей. Очень её понимаю, я тоже не люблю, если меня кто-то видит, когда я переодеваюсь. Поэтому я до последнего жду, пока все уйдут. И всегда опаздываю на физру и на урок после неё. Каждый раз. Получается, я теперь не одна буду.

И правда, после урока она последней переодевалась.

— Гос-споди! — сказала на это Ирка. — Было бы на что глядеть! Ни рожи ни кожи.

— Нет, ну на любителя, — Дарико ответила. — Может, кто любит таких... ровных. И белобрысых.

Это они разговаривали уже когда из раздевалки вышли, нарочно так громко. Катерина услышала, покраснела. Боги мои, когда всё это кончится, школа, физра, трёп этот дурацкий. Скорее бы, что ли, каникулы. Или по крайней мере Львиный факультатив, «Юный археолог». Надо же такое название придумать. Хорошо, не «Юный копатель истории» или там «Юный любитель старины». Тут явно постаралась дорогая Маргарита Сергеевна, не зря же её называют Эм-Си. Ну, такой себе Эм-Си.

Явно что-то не так, даже на факультатив сегодня не особо хотелось. Все вокруг Льва собрались и обсуждают, что на слёт взять, какой там номер представить. А я села подальше и сижу. Он обиделся, кажется. Ни разу ко мне не подошёл. Нормальный человек, нет — на ребёнка обижаться? Ну ладно, на подростка, но всё равно. А я, между прочим, ради него скетчбук купила,

буду учиться рисовать. Чтобы потом в раскопе всё фиксировать. Всё по правилам.

Вообще-то наши сборища сложно назвать факультативом. Мы там над чем-нибудь постоянно хохочем, слушаем байки историка. Он рассказывает о своих экспедициях, вспоминает наши приколы. Честно говоря, в его пересказе это иногда выходит смешнее и интереснее, чем было на самом деле. Мы так и называем эти рассказы — Львиные сказки. Так бы и слушала.

Сегодня собирали вещи, завтра утром поедem на областной слёт таких же археологических кружков. Называется он — сюрприз! — «Юный археолог». Оригинально. В области, наверно, тысяча археологических кружков, и все они называются одинаково. Не буду повторять в третий раз.

Парни все куда-то после уроков сдулись, так что нам самим приходилось таскать из подвала лопаты, вёдра, котлы. На себе. Почему так? Но я не успела подумать над этим поглубже, пострадать как следует. Дизель взял у меня из рук лопату, а у Дарико — ведро с посудой и потащил наверх. Гляди-ка, пришёл!

Оказалось, что не один, с ним вместе Катерина. И Лев уже вокруг неё прыгает, рассказывает про факультатив, раскопки, завтрашний слёт.

— А вы, — говорит, — поедете? Приглашаю! Ребята, вы же не против?

— Нет, — отвечает за всех Дизель, — не против. Погнали!

— Я бы с радостью, — говорит Катерина, — но уроки. Завтра пятница.

— Я в список тебя внесу, — Лев наконец-то переходит на «ты», — а дома отпустят?

— Да, конечно. Благодарю!

— Дизель, э-э-э, Федь! Расскажешь Кате, что взять с собой?

— Ну, — отвечает Дизель. А новенькая говорит:

— Только Катерине.

— Чего? — не понял Лев.

— Катерине, не Кате.

— А-а. Да-да. Федя, Расскажи Катерине всё. Проинструктируй. Особенно про почки. Что надо беречь! — он постучал указательным пальцем по виску и ушёл в подвал.

Это какой-то бзик у нашего Льва, идея фикс. Он каждый раз нам напоминает про наши почки. Если увидит кого на земле без сидушки, кричит:

— Встань! Скорее! Почки свои нежные застудишь! Вставай!

Всё хорошо в нашем учителе, и маленький рост, и большая лысина, только не эти крики о нежных почках. Приходится вставать. Когда кто-то легко оделся, тоже кричит. И когда обувь промокнет. И лужи когда видит, твердит, чтобы обходили. Боги мои, за что это? Его послушать, так почки можно застудить даже стоя в тёплой воде дома под душем. Дома, не в палатке.

Федос и рассказал ей о том, что у Льва такие гнетущие мысли о здоровье. А совсем не про то, что надо почки беречь. Это и так понятно. Правильно, я считаю, пусть побережёт нашего учителя, как мы все его бережём. Его нервные нервы. Ну и я помогла, присоединилась, рассказала ещё про то, что если Лев внезапно заснёт посреди разговора, то это не страшно. Не стоит к этому серьёзно относиться, его всегда на природе вырубает. Такой организм. Обычно он минут через десять просыпается —

и снова участвует в жизни! А Федька рассказал, как Лев может затопать — это если что-то интересное в раскопе виднеется, но пока ещё из земли не достать. Он выскакивает мухой наверх и там ногами топает. Топает, свистит и кричит: «Е-е-е!» Потому что в раскопе не больно-то разбежишься и вообще нельзя. Дизель рассказывал, мы слушали, а потом оказалось, что мы вышли из школы и все вместе идём. Причём не к дому, а куда-то в сторону ипподрома.

— Погодите! — сказал Федька. — Зачем мы здесь?

— Это мы меня провожали, — Катерина говорит, — вот тут мой дом, — и показывает на двухэтажный блочный барак. Старый, его после войны построили.

— Ого, а я думала, там только бездомные живут, алкаши всякие.

— Ну, мы тоже тут пока. До завтра!

И ушла в подъезд. Набрала код на домофоне. Просто ушла.

— Жаль, — сказал Федька, — я только хотел спросить, что она думает о черепашестве.

— Спроси у меня.

— А, да это я и так представить могу.

ЧЕРЕПАШЕСТВО

Что мы знаем о черепашестве? Как можно судить о нём? Только очень отважный человек осмелится сделать вывод обо всех черепахах, видя перед собой только одну из них. Да хоть бы даже и двух!

Совсем другое дело — человек. Как часто встречаем мы в книгах или так, в интернете, рассуждения обо всём человечестве, основанные на наблюдениях за одним или несколькими (до пяти максимум) людьми. Как распространены такие, например, сетования: ах, если б тот человек поступил иначе (если бы был жив, убит, здоров, сыт, весел), как потекла бы далее жизнь человеческая!..

Кто встречал такие же рассуждения о черепахах? Да никто.

СЕДИНЫ ЛЬВА

Утром и без того настроение хмурое, погода так себе, а тут ещё Ирка. Разумеется, она едет. Придётся держаться от неё подальше.

Дизель — понятно, куда без него. Все эти его ломания — да я не знаю, да ещё подумаю — это для виду только, он так кокетничает. Поедет, куда он денется. Гитару взял, петь будет опять, о боги, услышите его и заткните же наконец. Одна надежда — напоить Федьку из родника, может, охрипнет. Или осипнет, всё равно, лишь бы не пел вот это вот своё: жираф большой, ему видней. Старьё какое-то, в самом деле. Наверно, это пласт восемнадцатого века, пятьдесят сантиметров ниже уровня поверхности. Или даже семнадцатого. Поёт и поёт каждую ночь, одна радость — днём затыкается. Днём некогда — копает, как бульдозер на дизельном топливе, вот и получается — Дизель. Летом в раскопе только и слышно со всех сторон: Дизель, к нам! Нам помощи, Дизель! Как дурачок, бегаёт и помогает всем

и сам, получается, без участка своего остаётся. Губанов его спрашивает: не жалко тебе без своего оставаться? А Дизелю не жалко, он всё равно тут за компанию со всеми, без амбиций.

Или вот Дарико поехала. Спрашивается, для чего? Унылая как смерть. Квёлая с утра, не получилось выспаться. Конечно, нахватала себе забот, теперь спать некогда. Тут модерировать группу, там администратором вызвалась. Пялится в телефон, ну-ну. Там связь будет так себе, вот у неё начнётся. Ломка. Из-за Льва поехала, ясно же. Можно подумать, кто-то тут не из-за него. Все, все поголовно. И я тоже. Интересно, в этом году он споёт что-нибудь, нет? В прошлом году спел, так Дизель от восторгов в три раза громче потом засипел своё. Не знаю, я на его месте уползла бы куда-нибудь под куст, чтобы в жизни не позориться больше. Нет, до Дизеля не доходит. Воеет, и всё.

Ладно, кто там ещё? Давид и Акпер. Казалось бы. Казалось бы, для чего людям, которые собираются поехать жить в Армению, знать, что там лежит в никульчинской земле? Скучной, надо отметить, земле. Дня не проходит, чтобы один или другой не сказали: а у нас в Армении. Или: когда мы приедем в Армению! Счастья, как у маленьких щенят. Глаза горят, наверно, в Армении видно. Отсвечивает что-то. «О, — говорят в Ереване, — это же наши там, Акпер и Давид».

Лилька приползла. Рюкзачина с неё ростом — кто бы объяснил, что брать на два дня? Ладно, на три дня и две ночи. Сегодня только к полудню доедем. Пока палатки поставишь, пока костёр разведёшь — вот и вечер. Ужин. Конечно, до ужина ещё дожить, это же Лев. Его только допусти к земле, он

тут же начинает раскопы делать, измерять всё своими угломерами и уклономерами, стрелять из нивелира. Как маленький, увидел землю — считай, пропал. Нет человека, был, а теперь в земле копается. Не Лев, а крот вылитый. Всё. Потеряли. Но нет, он же кричит оттуда, смеётся. «Культурный слой! — кричит из-под сухой полыни. — Всего в тридцати сантиметрах!» Дизель бежит к нему со штыковой лопатой, кричит: «Где? Сейчас!» За ним несутся Давид, Акпер и Губанов. О боги мои. Начинается. Получается, ужин готовить снова нам. Хоть бы воды кто принёс, дров. Вдруг парни срываются с места и бегут в лес. Быстро приволакивают дрова, Губанов тащит воды из родника — ведро, его догоняет Дизель с котлом. Всё успевает: и за дровами, и за водой, и вот он снова первый рядом с учителем. «На лопату!» — кричит Лев. А Дизель уже давно стоит рядом, улыбается во весь рот. Кто бы догадался из мелких в школе, что он может так широко улыбаться! На переменах он идёт и смотрит под ноги — того гляди раздавит первоклашку какого. Правда, никто из начальных классов и не рискует на наши этажи забираться. Они ещё учителей уважают и слушаются. Не то что мы.

Мы приезжаем в Никульчино первыми, вот ещё почему Лёвушка так рад — первыми и копать начнём. Кажется мне, что он всё надеется совершить тут какое-нибудь археологическое и историческое открытие. Да нет, скорее всего, так и есть, не кажется. Вот уж безнадёжно. Нас потому и пускают в Никульчино, что мы ничего толком тут не найдём, ничего не сможем напороть. Как хорошо о нас думают, да?

Через полчаса после нас выруливает автобус. Там люди из Моломы, потом подъезжают из Ильмян, Крежецка. «Хорошо, мы первые успели», — говорит Лилька. Это она про наш лагерь, что мы первыми выбрали место, где поставить палатки, уже развели огонь в нашем костровище. Нашла чему радоваться. Даже если бы мы приехали последними, никто бы наши места не занял. Мы с Лилькой готовим макароны с тушёнкой, Ирка валяется в палатке. Для чего она ездит? Хоть бы тогда на раскопе была, помогла бы чем. Нет. Я на неё посмотрела, а она вдруг говорит: «Ты, Галчонок, наверно, думаешь, чего это я приехала». Вот зараза! Именно так я и думаю. «Но тебе, Галчонок, не понять моей тонкой душевной настройки, так что отвернись к костру и готовь нам ужин. Только смотри, чтоб не пригорело, как в тот раз». И смеётся. Кочерга. И Губанов, слышу, смеётся, и Давид. И даже друг мой Дизель. Но это они над историком. Он, когда работает, свистит тоненько. Нормально не умеет, только как первоклассник какой. Смешно получается: такой взрослый лысый дядька, а так неумело свистит. У костра его даже не слышно, так, если ветер чуток донесёт.

Ладно, эти слова Ирки я пропущу, сделаю вид, что не слышала. Тоже мне, ещё и Галчонком называет. Это только некоторым разрешено.

Вода закипела, где эта Лилька с макаронами? Пора закидывать. Вот она, стоит возле раскопа, пачку в руках держит. Пришлось кричать. Прибежала такая радостная, говорит, что нашли скребок из камня. Кремешок. Каменный век, не просто

так. Порядок, у Лёвушки настроение исправится, а то в автобусе был злой, как пиранья. Думала, на людей станет кидаться.

После ужина темно, слава богам! Совсем не хочется вечер посвящать копанию. Вообще-то мне нравится, но только не в темноте. Хотя со Льва станется под фонарями копать. А если Дизеля к этому привлечь, он с фантазией подойдёт — факелов наделает, воткнёт по периметру раскопа. Было уже такое, я помню. Но не сегодня, а когда учитель находил что-нибудь интересное. Или чуйка бы включилась — так он говорит, когда ему не сидится, только бы копать, копать. В такие дни, когда у него чуйка, мы и правда что-то интересное находим. Бусины, кости. Ну, такое.

А мне сегодня как-то неохота ночью в земле рыться. Пусть уж лучше Дизель поёт, что ли. Ирка опередила его, говорит: «Спой, Дизелёк, а то после такого ужина как-то тоскливо». А я только хотела встать, пойти в гости к креженцам. Теперь подожду немного, а то подумает, что я на неё внимание обращаю. «Нормальный ужин, ты чо», — сказал Дизель, а сам уже гитару настраивает сидит. Сейчас он споёт одну песню, тогда пойду. Да. Надо тарелку свою вымыть, а то до завтра вот это жирное замёрзнет, совсем противно будет возиться. Я зачерпнула немного горячей воды из котла, смотрю, а у Дизеля уже чистая посуда. Когда успевает всё?

Первым делом Дизель спел, конечно, свою «Батарейку». Терпеть не могу, а всем остальным нравится. На голос прибежали парни из Моломы со своими кружками, со своим чаем

или что у них там. Не чай, совершенно точно. Когда Лев отворачивался или уходил подальше от костра, молотские давали отхлебнуть из кружек нашим — всем, кто хотел. Дизель стал петь громче, но только иногда он забывал провести рукой по струнам, и некоторые песни становились пустоватыми, с провалами. Я сходила в гости к Крежецку, посидела возле их костра. А потом пошла спать, пока не замёрзла, — ночью в сентябре уже холодно. Я легла с краю, скоро пришли Дарико, Лилька, Ирка, Катерина. У костра остались Лев с молотским учителем Михал Василичем. Сначала они что-то негромко обсуждали, но потом наш Лев Ильич разошёлся: «Ну пусть! — кричал. — Пусть учатся! А я им всё расскажу, научу! Может, потом хоть цветочек на могилку принесут мне». Вечно он со своим цветочком и могилкой. Всё в нём хорошо, в нашем учителе, кроме этих слов. Только я успела об этом подумать, как проснулась. Темнота. Рядом со мной посапывает Лилька. Я выбралась из палатки — знаю, потом фиг согреешься, но мне очень уж захотелось в туалет. Костёр прогорел, только светились красным три-четыре уголька. Надо мной стояло чёрное небо с белыми звёздами. Я отошла недалеко, буквально двадцать шагов — и вот палатки уже, можно сказать, слились с ночью.

В этих экспедициях, на этих сборах мне определённо не спится. Я проснулась самой первой, выползла из палатки. И чуть не вляпалась во что-то... Кому-то ночью было плохо, кого-то ночью вырвало. Точно, в кружках у молотских был совсем не чай. Ну вот, будет сегодня нам а-та-та от Льва. Начнёт

свое: а я думал, порадуете старика, а вы на мои седины... Ну, в таком роде что-нибудь, как что не так — он вспоминает о седирах. Хотела бы я знать: где на его лысине седины? Всё хорошо в нашем учителе, и громкий голос, и рыжие ботинки, только не седины, пожалуй.

Я взяла лопату, подцепила это тошнилово вместе с землёй и утащила под ёлку. И причитать никто не будет с утра. Вот так.

ВОТ КТО БУДЕТ РИСОВАТЬ!

Боги мои, случилось внезапное: Лев нашёл находку! Ну, так это называется, когда кто-то обнаруживает в земле что-то редкое. Утром он нашёл такое в земле и закричал, как жираф. Не знаю, может, и не как жираф, но мне хочется думать, что именно так они и кричат.

Мы завтракали, он разглядывал землю — всё как бывает на этих слётах. Короткое время работы, маленький раскоп. И вдруг — крик!

— А-а-а-а! Детишки!

Все подскочили и побежали к историку. Ирка подавилась, её Губач по спине немного постукал и тоже побежал. Со всех сторон, от каждого костра бежали люди к нашему раскопу.

Лев стоял с поднятой вверх рукой. Правой, кажется. Это неважно, а важно, что в руке у него было что-то крохотное, цвета земли.

— Ну? — спросил Дизель. — Что это?

— Я не знаю, — сказал Лев, — но это находка.

— Что тут у вас? — спросил Михал Василич из Моломы.

— Находка! — сказал Дизель.

— Да ну! Покажите!

Лев передал ему своё сокровище. Михал Василич повертел его в руках, потёр пальцем, понюхал. И сказал:

— Угу. Где было-то, покажи!

Лев наклонился, стал рассказывать:

— Вот тут я смотрю — что-то должно быть, чуйка, понимаешь, включилась с самого утра. Должно что-то быть, и всё. Смотрел-смотрел — точно! С кистью подошёл, только раз провёл — выпало!

— Ага. Ну, рисуйте теперь, чего. Через час викторина.

Как-то сухо сказал моломский учитель, без огонька. Может, позавидовал? А у нашего Лёвушки глаза просто горели.

— Детишки-детишечки! — сказал он и вылез из раскопа. — Хоть кто-нибудь из вас взял карандаши и бумагу? Сможете ли хоть приблизительно нарисовать?

Все молчали.

— Снова мне придётся. Детишечки, всем вы хороши, только вот рисовать никто не умеет.

— Катерина умеет! — сказал Дизель. — Ты же умеешь, да?

— Да я же так. Не очень, — ответила она.

— А тут очень и не нужно. Главное — точно нарисовать.

— Может, сфотографировать? — спросила Катерина.

— Обязательно! Но и нарисуем тоже! И даже в первую очередь! — кричал Лев. — Боже мой, какое счастье! Наконец-то у нас будет рисовальщик!

И он полез в палатку за миллиметровой бумагой и карандашами. Потом вылез и начал объяснять Катерине, как нужно нарисовать, что должно быть обязательно изображено. Таким голосом он это говорил, будто упрасивает. Сто лет я знаю этого человека, нашего учителя, а ещё ни разу не слышала, чтобы он кого-то уговаривал. Стареет, что ли?

Мы пошли на викторину, а Катерина осталась в раскопе — измерять расстояния рулеткой, рисовать. Лев был с нами и не с нами. То и дело он срывался с места и бежал смотреть, что там у новенькой получается. И вдруг закричал:

— Да-а! Моя ты красота! Ура!

Мы проиграли в этой викторине, немного, но всё же. Наша слава непобедимых львят была сокрушена. Но Лев Ильич не обратил на это никакого внимания: конечно, у нас же была находка.

— Наконец-то у нас появился художник, — говорила после викторины Ирка, — Шишкин.

— Репин, — ответила ей Дарико.

И они засмеялись. Понятно, не будет новенькой житья от наших девчонок.

— Точно Лев Ильич сегодня «Бабайку» вечером споёт. Вот увидишь, — сказала Ирка.

И правда, у нас был фантастический вечер у костра, нерепальный! Эту «Бабайку» Лев спел раза четыре! И каждый раз говорил:

— Дети! Эта песня 16+! Не слушайте её!

И мы все кричали во всё горло. Все, кто приехал на слёт:

Бабайку на пол уронили!
И разорвали олимпийку!
А я скажу вам всем, в натуре,
Я не забуду свою Мари-инку!

Всем было весело, Дизель только что-то грустил. Я спросила, чего он хмурый. Он только покачал головой. Ладно, захочет — сам расскажет.

Когда я ушла спать, песню начали в пятый раз.

СЕНСАЦИЯ

Шумно как было на этом собрании, просто невозможно. Не люблю шум, сборища, толпняк этот тесный. Лёвушка с самого утра в понедельник повесил объявление на доске списанием:

Сегодня состоится

ЛЕКЦИЯ-ОТЧЁТ

о поездке учащихся восьмых классов
на слёт «Юный археолог» и нашей находке.

Докладчик: Лев Ильич Давыдов.

Будьте все! Такого больше не повторится!

СЕНСАЦИЯ!

«Сенсация» была написана красным маркером. А все остальные слова — чёрным. Сразу заметишь. Такие бумажки висели

на каждом этаже, на лестницах. Ещё была на буфете. На решётке гардероба. Только там было добавлено: «Не уходи! Поспеш на собрание!»

Целый день Лев гонял по коридорам, будто ему кто придал ускорение, глаза его сверкали, лысина блестела, а редкая поросль топорщилась во все стороны. А за ним так же быстро гоняли и Дизель с Губановым. И были примерно в таком же состоянии: растрёпанные, быстрые и счастливые. Конечно, это же они были рядом с историком, когда нашлась находка, это же они помогали ему!

На собрание в актовый зал пришло столько народу — чуть не полшколы. Девятые, восьмые, десятые классы. Не полностью, конечно, но очень много людей. Гам, как я уже сказала, стоял невообразимый. Вообще-то за время учёбы в школе и не к такому привыкаешь, но за лето я успела немного передохнуть от шума и гула, поэтому мне так не нравилось. Придётся заново приспособливаться к массовке. Хоть бы скорее вышел Лев, рассказал всё. Разумеется, я и так знаю, что он скажет. Но просто охота лишний раз послушать нормального человека.

— Детишечки! — крикнул он.

— Мы! — кричали ему. — Мы!

— Что там? — спрашивали одни.

— Слушаем! — говорили другие.

Это лишь то, что я смогла разобрать. Остальное — неразборчивые фразы и голоса. Бултыхаются и плещутся, в стекло бьются.

Лев Ильич поднял руку, снова сказал:

— Детишечки!

И так стоял, пока в зале не стало тихо.

— Вот что я могу вам сказать, вот какой поделиться радостью, — говорил Лев уже спокойным голосом, — но сначала отчёт о слёте.

Зря он так. Лучше бы обрадовал сразу. Вот чего не хватает нашему учителю — тонкости в работе с людьми. Все заёрзали, заговорили вполголоса. Лев снова поднял руку, и все второй раз замолчали.

— У нас три достижения. Во-первых, наша команда заняла второе место.

— Фу-у! — закричали в зале. — Облажались! Фу-у! Неудачники!

— Во-вторых, мы произвели разведку и прикидку на следующие экспедиции. В процессе разведки была найдена находка!

— Ура! — закричали все. — Находка! А-а-а!

Кто-то даже засвистел, но, когда директор привстала со своего места, тут же перестал. Все замолчали.

— Расскажите подробнее, Лев Ильич, — попросила она, видимо, чтобы два раза не вставать.

— Ну что я могу сказать? На первый взгляд ничего особенного в этой находке нет. Маленький предмет, в земле. Вот он, лежит теперь на моей руке. Но на второй взгляд, когда мы аккуратно отмыли его в воде, нам открылось чудо!

— Да ну! — крикнул кто-то на последних рядах. Очень вовремя крикнул, потому что Лев Ильич надулся от важности

своего сообщения и чуть не вылетел в окно, как воздушный шар. А от этих слов он сдулся обратно.

— Да! — ответил он. — Да-да, чудо. Это находка эпохи бронзы! Если подобные находки повторятся, мы сможем с уверенностью сказать: в Никульчине жизнь цветёт ещё с самых древних времён. У нас жили древние люди! Ура!

И все снова закричали, захлопали, засвистели, направились к выходу. Очень быстро направились. Всем хотелось погулять в последние тёплые дни — на выходных обещали перемену погоды, холодный ветер.

— Но это ещё не всё, — сказал Лев Ильич.

В это время на сцену вышла Наталья Олеговна, директор, и сказала:

— Внимание всем!

Вот не люблю, когда говорят так. Нет бы там «внимание, все», так нет — всем внимание.

— Внимание, — повторила директор, — завтра, во вторник, объявляется субботник по уборке территории. Все слышали?

Но почти никто уже не слышал — в зале становилось всё меньше и меньше людей, всё тише, слава богам. Остались только мы, те, кто был на слёте, наш «Юный археолог». Директор сползла со сцены.

— В-третьих, — тихо, только для нас почти прошептал Лев, — в-третьих, я поздравляю нас с приобретением художника. Отныне во все экспедиции мы берём с собой Катерину. Правда?

— Ну-у, — говорит она, — ну-у. Это очень неожиданно. Можно подумать?

— Думай, — ответил Лев Ильич, — следующее занятие в четверг, если кто не помнит, — спрыгнул со сцены на пол и ушёл из зала. Вот такой он стремительный.

— Что тут думать? — спросил Губанов Катерину и постучал себе по лбу. — Кого ещё Лев так запросто пригласит в экспедицию? Ты понимаешь?

— Ничего, пусть девочка подумает, — сказала Ирка, — только хорошенько. А то нам второй такой, как Галка, не нужно. И вышла из зала.

— Чего это она? — спросил Дизель. — Какой такой? Ты-то тут при чём?

МОЛОЧНЫЙ БРАТ

У меня что-то с лицом — меня никто не любит. Ну, кроме самых близких. А особенно Ирка не любит, терпеть не может. Говорит, что признаёт только совершенство. Или хотя бы того, кто к этому совершенству движется. Все наши девчонки попадают в эту категорию и почти все парни. А я — из другой системы координат. От красоты, ума и нормального характера я настолько далеко, что можно даже не пробовать встречаться с ними. Мы никогда не пересекаемся, примерно как параллельные плоскости, но только по-другому. Сомневаюсь, что вообще кто-то знает, как нас совместить. Во всяком случае, так можно подумать, если всерьёз слушать Ирку. У меня не получается не всерьёз. Она недели не может прожить, новый изъян во мне находит. И оказывается права, вот в чём дело.

Прихожу домой расстроенная, что-нибудь ем. Почти всё ем, мало чего остаётся. Вот и толстая. Вечером мама спрашивает:

— Что, опять Ира? Рассказывай.

И я говорю:

— Я толстая.

— Допустим, просто крупная, но это израстётся, вот увидишь, — отвечает она. — Что ещё?

— Мало, что ли?

Мама молчит.

— У меня противный голос, — продолжаю я.

— Совершенно милый голос, — говорит мама, — я, когда его слышу, всегда радуюсь. Звони мне почаще.

— И ещё у меня круги под глазами.

— А вот тут я соглашусь! — вдруг соглашается мама. — Но это исправимо. Просто не сиди по полночи у компьютера.

— Ну мам!

— И Ирку свою не слушай.

И так мы каждый вечер. Я всё про Ирку ей рассказываю, моей бедной маме то есть, всё, что мне Ирка говорит. На маминем месте я бы уже кого-нибудь из нас начала бы убивать. Меня или Ирку. Лучше Ирку, конечно. А она — ничего, слушает каждый день.

— Не обращай, — говорит, — внимания.

Она всегда мне советует не обращать на что-нибудь внимания. Ещё с того возраста, когда я не могла выговорить слово «внимание», а говорила приблизительно: мань-манья. Нечего возразить, разумеется, не стоит обращать внимание на Ирку. Всё тлен и мрак, мама права. Но у меня не получается.

После уроков я спускаюсь по лестнице и думаю, что сейчас приду домой и съем половину батона! С молоком. Никому не нравится молоко, я знаю, а мне нравится. И хлеб давно никто из наших девчонок не ест, чтобы не поправиться случайно. А я ем. И внимания ни на кого не обращаю. Мань-манья! Может, маме позвонить?

— Мне некогда, — говорит мама, — я тебе рада, но совсем не могу говорить, вот поляки в дверях, целую, пока, — и кладёт трубку. Вечно эти поляки. Мама работает бухгалтером. Их фирма покупает в Польше рождественские украшения: венки, светящихся ангелов, санта-клаусов в красных ботинках. Как ни позвонишь, у неё каждый раз поляки в дверях стоят. Удивительно.

Был бы рядом Федька — рассказал бы что-нибудь. Пусть ерунду, главное, весело. У него почти всё выходит смешно. Я имею в виду, когда он рассказывает, оказывается, что даже на самом скучном уроке (это химия) у нас бывает прикольно. У Льва тоже так. Везёт же людям, а я вот этого сама не замечаю. Но Федьки нет, он как раз погнал в химический кабинет расспросить про опыт с серой. Или не с серой? Вот упёртый. Сказал, что будет в медицинский поступать, а там нужна химия. До медицинского ещё три с лишним года, а он уже органические соединения изучает, мы до них только к десятому классу доберёмся. Точнее, это они доберутся, я уйду в училище какое-нибудь. Ну пусть изучает себе.

У гардероба стояла Катерина, копалась в своей сумке. Лицо красное, волосы белые — непередаваемо. Ирка бы обязательно остановилась полюбоваться картиной.

— Ты чего? — спросила я. Надо же было что-то сказать.

— Похоже, ключи забыла. Мама сегодня выходила после меня, я и не запирала дверь.

— У вас там что-то запирается? Я думала, так, проходной двор.

— Запирается.

— Позвони маме.

— Она в техникуме, как раз сейчас лекция идёт. И трубку не возьмёт. Приедет часа через три.

— Тогда пошли ко мне, — говорю.

— Правда?

— Ну! Я тут рядом, в семи шагах.

И мы пришли ко мне. Для начала спустились погулять с Маркизом. Я думала, выбегу с ним на минутку, вернусь, но Катерина отправилась со мной. И мы дошли до сквера. Давно пёса так не радовался! Одной мне лень с ним долго ходить, а за компанию — хорошо. Да и вообще всё было нормально, мы поели, поучили геометрию. Потом я вышла из комнаты, поставила чайник, слышу — Маркиз лает. Королевский пудель — голосина у него! Захожу, а там Катерина стоит ногами на кровати моей, закрыла лицо руками. А пёс лает, на неё смотрит. Я его успокоила, больше он не лаял, но Катерина всё равно боялась, ходила по стеночке. Позвонил Федька, говорит:

— У тебя, что ли, Маркиз орёт? Я сейчас по лестнице поднимался.

— Да ну его, балбес совсем. О, тебе привет от Катерины, кстати, вот она машет рукой, — она в самом деле махала, но,

кажется, не Федьке, а мне, потому что Маркиз опять начал к ней ближе подходить.

— Сейчас приду к вам, только булку слопаю. С молоком.

— Ты уверен? — спросила я, но он уже не услышал, положил трубку. Дело в том, что он страшно матерится, когда не в школе. И не на раскопе. И не дома. Когда у меня, тогда почему-то он сильно матерится.

Я телефон на стол положила, Маркиза приструнила, сообщила, что сейчас Дизель придёт.

— Это он звонил? — спрашивает Катерина. — Я ему привет передавала?

— Ну.

— Слушай... Он твой парень, что ли?

— Хо. Парень. Брат.

— Как — брат? А почему у вас...

— Молочный. Только ты не говори никому, ага? Никто не знает.

Не знаю, зачем Катерине вдруг сказала. Случайно вышло.

ФЕДОСЬЯ

Придётся тут прерваться, чтобы рассказать о Дизеле. Как так вышло, что мы с ним вроде брата и сестры, а на самом деле совсем не родственники. Зато у нас дни рождения близко и мамы наши лежали в одной палате в роддоме. Ну и живём мы в одном подъезде. Долго рассказывать, и зачем я только проговорила Катерине? Много слов, не люблю, когда много слов.

Когда Федька родился, мне было уже два дня. Но росла я не очень, ела плохо. А у мамы было много молока. И она делилась им с тётей Аней, для Федьки. Так мы и выросли — на одном и том же мамином молоке. В детском саду и в школе — мы всегда были вместе. Только он крутой, а я — ну, так. Со мной никто почти не разговаривает, на переменах могут поболтать, но не больше. Да и мне не очень интересно с одноклассниками. Ну и не с одноклассниками тоже. Вообще мало что интересно в этой жизни, разве только археология. И то если бы не Лев, то я бы об этом и знать не знала. Не представляла бы даже. Домой я всегда иду одна. Или с Дизелем. И мы в одно время по утрам из дома выходим, так что и в школе появляемся одновременно. Всегда. Если бы не Федька, то моя жизнь была бы уж совсем мрачной и тленной. А было же и другое время, поnormalнее. С Иркой мы не то что на переменах, а и после уроков разговаривали, и в бассейн вместе ходили. Идём из бассейна по темноте, купим в пекарне по булочке с корицей — красота. Идём, смеёмся. Дружим. Но это раньше. Тогда и все остальные на меня смотрели не как сейчас. А обычно.

Кажется, я всё рассказала про Дизеля. Не всё, конечно, но чувствую, что больше нечего говорить. То есть слов про него почти не осталось. Странно, а я бы могла рассказать очень много. Это примерно так же, как я писала сочинение про маму. Написала на тройку, и то мне оценку завысили. Я там только и смогла выдать из себя, что мама красивая, добрая и вкусно готовит. Ну и рецепт маминых фирменных сырников.

Вот это засада так засада. Кого любишь, про тех слова те-
ряешь. А про других можешь говорить долго. Вот про Иркут, на-
пример. Но это как-нибудь потом, не сегодня.

ПЛАСТМАССОВАЯ ЧЕРЕПАХА

Мне хотелось перестать думать про черепаху, и я почти перестала, но вдруг эти черепахи стали одолевать меня. Пойду ли в ювелирный магазин, просто посмотреть, что там новенького, — а там черепаха с блестящими камушками, та-кая подвеска. Или вдруг услышу песню черепахи, она очень из-вестная. Или вот включишь телевизор, там всё тревожное-тревожное, и вдруг выезжает черепаха на скейте, звезда эк-рана, главная героиня внезапной рекламы. Да смешно сказать, даже мой пин-код на телефоне — это слово «черепаха» в нуж-ной транскрипции. Словом, оказывается, черепахи всюду. Кончилось дело тем, что в магазине «Всё за 57» я купила иг-рушечную черепаху из Китая. Долго думала, выбирала. Вот черепаха знакомого с детского садика окраса, панцирь мато-вый. Вот черепаха морского окраса, но земной формы, тоже матовая. И снова классическая черепаха, но уже глянцевая. Лапы, хвост и голова у всех резиновые, панцирь можно разо-брать, если будет такое желание, это хорошо, хоть увидишь, как всё внутри устроено у них. Я выбрала классическую ма-товую черепаху за 57 рублей. Все ругают Китай, но есть поль-за и от него.

КОПИЛКА БЕСПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ

Каждую среду мы с Катериной после школы идём ко мне. Не знаю, что там у неё происходит в этот день, почему она не может сразу после школы идти домой. Я могла бы спросить, но на что мне это? Ещё одни сведения в копилку бесполезных знаний. У меня и так там накопилось достаточно, так и катаются, погромыхивают. От Дизеля, например, мне досталось такое: скальпель держат в руке так же, как держат ручку. Теперь я это уже несколько дней знаю. Зачем? Или вот раза два мы с Митрохиным таскались по помойкам, искали корм для всех окрестных собак. И я за это время столько всего услышала: где какую рыбу ловить, где в городе больше всего голубей, где собак. Абсолютно бесполезные для меня знания, абсолютно. Но зачем-то они застревают в голове и иногда показываются миру. Шли как-то в среду с Катериной и моим Маркизом гулять, куда-то далеко забрели. Вдруг я вижу, на доме написано название улицы: Июньская. В этом районе все улицы с какими-то такими названиями: то Июньская, то Ромашковая. И тут я говорю Катерине:

— Если идти вниз по этой улице, выйдешь к остаткам старицы, там можно поймать сома. Мне Митька сказал.

— Митька? — спрашивает Катерина. — Это Женька, что ли?

— Ну да, Митрохин.

— Слушай, чего его все гнобят?

— Так это ж Митька. Маленький, псиной от него несёт, весь в собачьих слюнях. Ходит, ищет чего пожрать для собак. Голубей

стреляет, рыбу ловит — всё для них. Я с ним ходила как-то, так он знает, где больше всего собак и кто может им отраву подсыпать. Вот про сомов, видишь, сказал — он знает, где какую рыбу ловить.

И я рассказала, как Митька однажды чуть не утонул. Весной сидел на льду, рыбачил. А лёд уже тонкий, апрель. И Митроха провалился. Начал под воду уходить. Хорошо, что был не один, отец его вытащил и так погнал домой греться, что у того в ушах загудело от скорости. Я сама не видела, но представляю, как младший Митрохин мчит в своей мёрзлой одежде, мокрый, но уже не от речной воды, а оттого, что взмок, так гнал. А за Женькой гонится отец, размахивает над головой жестяным рыбацким ящиком. Всё кончилось хорошо. Ящиком он никого не задел, а Митяй болел две недели. За него родители ещё и страховку получили. Они его каждый год страхуют от несчастного случая и каждый год получают страховку, потому что с ним такие случаи происходят часто. Он просто мистер Тридцать-Три-Несчастья. На уроке у него со стола скатываются ручки, сползают тетради на пол. Потом по ним случайно проходит учительница во время урока. Шнурки на его кроссах развязываются, и на них кто-то ступает. Если брызгаются водой, мимо обязательно проходит Митроха, а потом появляется на уроке мокрый с головы до ног. Словом, трудно найти другого такого же неудачливого человека. Он один — наш Митяй.

Недавно новая напасть — но про неё можно Катерине не рассказывать, она сама наблюдает, как Римма Константиновна, биологичка, на каждом уроке привязывается к нему.

Причём она так умеет сказать, что хочется её выключить, как телевизор. И не только звук, но и изображение. У неё получается смешно и обидно. Обидно тому, к кому она цепляется, а смешно всем остальным. Вот мне и хочется её выключить, потому что у меня, например, голова взрывается, не поймёшь, что делать — смеяться или сочувствовать Митьке.

— Так что, — говорю, — то, что она тебя не так назвала, — это, считай, чистая радость и удача. И не то бывает у людей-то. Сама видишь, как она к Митрохе цепляется.

Но она не ответила. Молча мы прошли несколько улиц, потом повернули в сторону дома. Маркиз уже весь изнылся, замёрз, похоже.

Дома мы пили чай, не по одной кружке выдули. Как мама выражается: шлычкали стакан за стаканом. Катерина всё удивлялась, что никто Митроху не защитит, никто не скажет Римме, что так нельзя вязаться к человеку.

— До неё не доходит, — говорю, — она себе каждый год кого-то нового выбирает.

В пятом классе ей не нравился Дизель, точнее его кроссовки на тёмной подошве. Она утверждала, что чёрные полосы на полу по всей школе — из-за его обуви. В седьмом классе Римма постоянно намекала, что некоторые очень много едят булочек. Глядя на меня. На каждой биологии! Сто раз мне хотелось просто встать и выйти из класса. Однажды вышла. Ничего хорошего. После этого в конце каждой биологии наша классная проверяла, все ли на месте. Но хотя бы Римма от меня отстала.

В прошлом году биологичка приставала к Эльке Кремлёвой, всё что-то говорила про её причёску: то она слишком лохматая, то наоборот, какая-то куцая, то цвет волос ей покажется каким-то неправильным. Вообще-то Кремлёва — одна из немногих нормальных людей, спокойная как слон. Но когда Римма Константиновна в конце третьей четверти снова завела разговор о причёске, Элька вся сжалась и хрипло сказала:

— Глохни!

Римма не поняла, говорит:

— А?

И Элька повторила, уже громко:

— Глохни, ты. Реально, — и сматерилась. И такая наступила тишина, будто оглохли все, ну я по крайней мере.

Потом, конечно, Эльку таскали к завучу, к директору, она писала какую-то объяснительную или что-то такое. Но главное — Римма от неё отстала. Она даже и не смотрела в её сторону теперь. До конца учебного года она вообще ни к кому больше не приставала.

— Если бы Митька так мог сказать, она бы отстала от него. А он видишь какой.

СХЕМА

Эта схема нам известна, всему классу, а Митьке особенно.

Катерину вызвали к доске на русском. Она вышла, пишет там, разбирает предложение. И тут Ирка поворачивается к классу и показывает, будто её тошнит. И Лилька так же. И Дарико

с Губановым. Ну, Губач не показывал, что его тошнит, просто скорчился. Потом, когда Катерина шла к своей последней парте, девчонки на неё так посмотрят — и глаза опускают, нарочно. И ехидно улыбаются.

И это теперь на каждом уроке. И на переменах не лучше. Кто-нибудь подойдёт к Катерине, спросит что-нибудь, про английский или так. Катерина начинает объяснять, а она хорошо объясняет, уж это точно. Говорит, говорит, а человек от неё отходит. Просто — ни «спасибо», ни «ой, надо бежать», ни «извини», конечно. Просто начинает не в ту сторону смотреть или уходит. Молча. Потом ещё кто-нибудь что-то спрашивает. Или даже этот же человек, только на другой перемене. И Катерина снова ему рассказывает, как будто всё нормально. Ну не знаю, мне бы с первого раза уже не понравилось, а если бы кто-то так сделал дважды — ну, я просто развернулась бы и ушла. А Дарико наверняка наступила бы на ногу. Она так на ноги ступает, только смотри за ней. Внезапно и больно. Это самая сильная сторона в её личности — ноги. Вроде бы знаю её сто лет, а всё время она застигает меня врасплох. Стоишь рядом с ней, бац! — она уже два раза тебе на ноги наступила. На обе.

Словом, никому бы не понравилось, что его перестают слушать, да ещё специально. Но только не Катерине. Она каждый раз радовалась, когда кто-то к ней подходил. Удивительно, честное слово.

Но это ещё не всё. На перемене, только Катерина выйдет из класса, любой человек, всё равно кто, берёт её сумку и куда-нибудь перекладывает. Кому-то другому, за батарею или в шкаф

с наглядными пособиями. Как-то на уроке Дарико меня попросила сумку у новенькой взять незаметно, передать дальше — наши парты рядом стоят, я уже говорила. И тут Катерине повезло. Потому что я не согласилась. Вот ещё. Сами берите, если надо.

Перед физкультурой наступала наша с Катериной мука. Сначала мы ждали, когда все переоденутся и выйдут. Потом отворачивались друг от друга и переодевались. На скорость. Потому что последнему приходилось закрывать дверь и вешать ключ на крючок в спортзале. Засада в том, что крючок очень высоко. Для меня нормально, но я ненавижу заходить в зал последней. А для Катерины высоко. Чаще всего я успевала переодеться вперёд, так что Катерина прыгала под этим крючком. Все уже бегали, разминались, а она вот скакала. Повесит ключ и потом бежит со всеми. И так говорит, негромко, но я всегда слышала:

— Тоже разминка, прыжки-то.

Последний раз, когда Катерина так прыгала, Ирка остановилась и встала скрестив руки. И Лилька, и Дарико. И вообще почти что все девчонки. Разминка сама собой прекратилась.

— Ой, ну давай я тебе помогу, несчастной, — сказала Ирка и запросто повесила ключ.

— Спасибо, — сказала Катерина. Все побежали.

Вот мне интересно: она в самом деле такая блаженная или просто хорошо притворяется, будто ей всё равно? Понимает ли она, что над ней смеются? Или просто она не знает, как ответить, вот и делает вид, будто так всё и должно быть?

А дальше будет ещё хуже, это известно.

КАРТОЧКИ

Лев просил меня расставить карточки, проверить, всё ли в них нормально. Сделать короткое описание для остальных. По-человечески. Ещё бы сказал — печатными буквами. Или там упаковать в коробку с бантиком. Ну вот, как во все экспедиции звать — так Катерину, как муторное что сделать — это ко мне. Снова я и опять я. Пользуется тем, что я могу побыстрее, чем все другие, всё сообразить и переписать. По-моему, какая-то бесполезная работа. Если тебе надо узнать, что мы откопали, так посмотри карточки сам. Всё равно, если сильно заинтересуешься, полезешь в каталог. Но Льву разве это объяснишь? Бесполезно. Я с ним не спорю, нужно — сделаю. Мне не то чтобы трудно, просто нудно. Ну ладно, оукей. На что не пойдёшь ради Льва. Тем более он тоже будет рядом проверять тетради. Можно поговорить. Хотя это вряд ли. Лев-то готов, и ему болтовня даже не мешает. Но я ничего не могу сказать, когда никого из наших рядом нет. Просто молчу и не могу выдать ни слова. Даже о погоде. Со всеми людьми так, даже с самыми интересными. Хотя нет, с Ирккой мы всё время болтали. Постоянно. Я иногда даже удивлялась, откуда у меня столько слов появляется. Однажды мы с Ирккой сидели после уроков у Льва, трындели о всяком. Было весело, начиналась весна, с крыши капало, солнце в окно. И я так разошлась, что историк даже бросил проверять тетрадки, сидел и слушал меня. Сейчас не помню, что я там говорила, остроумное что-то. Когда заметила, что Лев сидит раскрыв рот и смотрит на меня, замолчала. А он сказал:

— Вот это голова у тебя! А на уроках молчишь!

Я потом, когда шла домой, всё не могла вспомнить, о чём только что говорила. До сих пор не вспомнила.

Карточек было немного. Хоть и копали в этом году прямо в городе, но людей всё равно участвовало мало. Июль был холодный, посмотришь в окно на морось и тусклую серость — и не захочешь из дома показываться. Так многие и делали — сидели по домам. И правильно, могу я сказать. Раскопки были скучные: мы пять минут копали, потом по часу ждали, когда кончится дождь. Потом ещё сушили раскоп: берёшь губку, промокаешь её в луже, выжимаешь в ведро. До тех пор, пока всё не выжмешь. Главное тут, чтобы ведро было не дырявым, иначе всё бесполезно. И только после этого копаешь. По-моему, едва ли найдётся полных два часа, когда мы работали и не прятались от дождя под навесом.

Итак, что мы нашли в июле? Керамика — 30 штук. Точнее говоря, 30 обломков горшков, просто они так называются: керамика. Фрески — 20 штук. С фресками та же ерунда, что и с керамикой, — название для обломков расписанной стены. Я не сразу научилась отличать обломки чего-нибудь стоящего от простых камней. Да чего там, Лев тоже иногда долго думает, что это ему принесли. Камень, не камень? Смотрит на что-то непонятное в руке, бормочет: бододавка, не бододавка, додинка, не додинка. Ого, что вспомнила, из анекдота про черепаху, снова черепаха. Куда мне от них деваться? Повылазили на мою голову.

Все черепки описаны в сопроводительных карточках: на какой глубине, в каком квадрате найден каждый из них. Примерная площадь поверхности: 1 см², 5 см². Больше нам, пожалуй, и не попадались. Да чего я говорю — пожалуй? Вот у меня тут всё записано. Совершенно точно говорю: не было. Я всё собираю в одну кучку, делаю один список фресок и черепков, потом анализ: на какой глубине было больше обломков, где не было совсем. В другой день ещё посмотрю в других карточках: были ли рядом кости, человеческие или, например, собачьи? Коровьи ещё могут быть, лошадиные, да мало ли чьи? Я всё время думаю: как жили эти люди? Представить невозможно, хоть Лев и рассказывает это на уроках и так, на факультативе. И какие-то книги о древней жизни я читала, однажды сочинение на областной конкурс писала — про доисторического мальчика. Ничего не выиграла, конечно.

Я сделала список, убрала карточки на место, говорю Льву:

— Пойду, с костями буду в четверг разбираться.

— Какая молодец! Ласточка, рыбонька, солнышко, как бы мы без тебя обходились? До четверга, да? — и он даже привстал со стула и руку как-то протянул, будто хотел пожать мою. Или показалось?

Я уже была у дверей, когда ко Льву пришла Ирка.

— О, — сказала она мне, — привет! Как дела?

Клянусь, это она со мной заговорила, не я с ней. Боги мои, что-то случится!

— Ну так, — сказала я, — ничего, — и ушла.

ПЛОСКАЯ ТАЙНА

Катерина записала у себя на стене: «Тайна должна быть плоской. Тогда её никто не увидит». Я прямо замерла, когда прочитала. Это очень правильно, во-первых. А во-вторых, я тоже так говорила, в детстве, в пять лет, мама до сих пор вспоминает, а я за это злюсь на неё. Она ещё изображает, как я ладони складывала, чтобы показать, какая плоская должна быть тайна. Надо же, пока я стараюсь, другие люди пишут в открытую, у себя на стене. О том же самом. Я не успела подумать над комментарием, как написала и отправила его, очнувшись только, когда увидела: «Ничего себе!» А потом уже в личке объяснила, что я точно так же когда-то говорила. Катерина тоже написала: «Ничего себе». Потом замолчала. Через полчаса вдруг — звонок в домофон. Пришла, гляди-ка. И давай с порога мне рассказывать свою теорию о плоскости тайны и как эта плоскость в человеке располагается. Оказывается, она так немного наискосок проходит через левое полушарие мозга, горло, сердце, печень, кишечник и заканчивается в области правого бедра. Она даже открыла в телефоне рисунок внутреннего строения человека, показала наглядно. Не знаю, откуда у неё в голове взялась такая идея. В моей, например, ничего подобного нет.

— Слушай, — говорю, — допустим, так. Вот эта плоскость. Но ты думаешь, у человека только одна тайна? А если две, три? Если тринадцать?

— Но они ведь пло-ски-е! Совсем плоские, понимаешь? Как, я не знаю, лист бумаги, даже ещё тоньше! Плоскость же!

Их много может войти, но не тринадцать. Двенадцать самое большее. Потом сердцу становится тяжело, может не выдержать. Ну и мозги не резиновые, сама понимаешь. Человек не совершенен.

— Ну, — я говорю, на удивление спокойно, между прочим, говорю, потому что такую ерундель я ещё не слыхала, — ну, допустим, это плоскость. Допустим, она проходит через голову, сердце и печень, допустим, кишечник после этого остаётся целым и невредимым. Но откуда ты это взяла? Просто придумала? Так я, знаешь, тебе сейчас ещё чего-нибудь насочиняю почище этого. С чего бы начать?

А она говорит:

— А ты сама подумай! Давай, пошевели мозгами. Если у тебя одна тайна — это ничего. Потом две, три — и тяжелее в сердце. Значит, первое мы доказали: плоскость проходит через сердце. Дальше. Тебя грузят ещё какими-то тайнами — ты не все их помнишь, про что-то ты вообще можешь забыть, что это тайна. Делаем вывод — плоскость проходит через мозг. Но через какое полушарие? Давай дальше. Тайн больше, с ними ходить тяжело, не то что бегать. Вспомни, когда бежишь — в боку колет. Там печень!

— Вообще-то колет из-за селезёнки, спроси у Дизеля, он в этом отлично разбирается.

— Селезёнка болит, ладно. Так. И получаем плоскость, которая проходит по сердцу и селезёнке. И печени всё же. Если её продлить вверх — как раз попадаем в левое полушарие. А вниз — бедро. Ну вот!

Я не знала, что мне сказать. С одной стороны, это, конечно же, ерунда и чушь невероятная. А с другой — плоскость она провела, пожалуй, правильно.

— Да уж, — говорю, — никогда не думала, что меня в моём возрасте можно ещё чем-то удивить. Давай Дизеля позовём! Это не тайна?

Дизель сказал, как только услышал теорию:

— Интересно. Но антинаучно.

— Почему? Ну вот почему? А если предположить? — Катерина чуть ли не прыгала вокруг Федьки. Она даже Маркиза сегодня не боялась и не замечала.

— Хорошо, — сказал послушный Федос, — предположим. Есть плоскость, которая проходит через левое полушарие, печень и всё такое. Но почему она не мешает работе органов? Это же невозможно.

— А если толщина плоскости — всего одна клетка? А?

— Тогда кто тебе гарантирует, что плоскость будет плоской? Она же деформируется, когда огибает другие органы.

— Давай нарисую! — сказала Катерина. А я пошла на кухню ставить чайник. Ясно, у этих умников разговор надолго. Пусть они двигают и толкают науку, упираются в неё плечом. Я буду пить чай. Ничего, они скоро сами прибегут. Но послушать было интересно: вдруг в самом деле у нас может быть плоскость тайны? Я разлила чай по кружкам, поставила их на разделочную доску, положила хлеба, масла, селёдки и принесла всё в комнату.

— Тогда получается, что твоя плоскость — с дырами, чтобы не страдали внутренние органы! — уже кричал Дизель.

— Сам ты внутренние органы, то есть дыры в плоскости. Ну да, дыры, пускай, но плоскость-то есть!

— Сами вы дыры! Сами вы внутренние органы, — сказала я и дала каждому по бутерброду с селёдкой. — Давайте есть, а то кое-кто и правда слишком плоский.

Катерина вскочила, побежала в коридор.

— Я не про тебя! — закричала я, но было поздно. Она уже выскакивала в подъезд.

Я побежала догонять, но Катерина оказалась такой приткой, что ускакала с космической скоростью. Ладно, как хочет. Можно подумать, мне мало было хлопот, за ней ещё бегать.

— Что это с ней? — спросил Федька. Вот я поражаюсь: вроде умный человек, а тормозит, бывает, так, что стыдно за него становится.

— Ну посмотри на неё. Ни рожи ни кожи, как говорят. И у всех девчонок уже есть грудь, хоть какая-никакая. А у неё?

— А-а, — сказал он. — А чего ты правда начала про неё?

— Я не про неё, я тебя имела в виду! Тощий.

— Ну-ну, — сказал Федос, сделал глоток чаю и вдруг закашлялся, захлебнулся. — Вспомнила тоже. Тощий.

И правда, вспомнила. Дизеля так называл его отец. Казалось бы, это же не какое-то хорошее слово, а у него получалось хорошо, нежно. Потом он заболел, высох как-то, сам стал

тощим. Теперь уже его можно было так называть. Но никто не называл, все жалели. Потом он умер.

— Ладно, — сказал Дизель, — мне пора тоже. Поке.

И он ушёл. Тоже обиделся, похоже. Одним махом двоих сразу. Вот же засада!

ЕДИНОЕ ЧЕРЕПАШЕСТВО

Тем и хорошо черепашество, что оно едино и неподелимо. С какого боку ни подойди, всё будет правильно. Не бывает теоретического или прикладного черепашества: практика и пустое бахвальство, а также тактика со стратегией идут под ручку, а если точнее, их руки — клубок. Сплетены и спаяны, не разорвать. Не зря, не зря дан черепахе плотный панцирь, и неспроста она прячет органы внутрь — мы ещё убедимся в её правоте.

СРЕДА И ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Боги мои, как трудно бывает извиняться! Правда, мне почти не приходится. Утром мы, как всегда, шли вдвоём с Дизелем. Он молчал, я тоже. Уже у школы, на крыльце, я спросила:

— Злишься?

— Нафиг надо.

И он открыл дверь. Засунулся в коридор первым, а я за ним. В гардеробе встретили Катерину.

— Привет, — сказали мы с Дизелем.

— Привет, — ответила она. Не знаю кому: мне, Федьке или мне с Федькой. Она тут же ушла на физику.

На уроке она не смотрела в мою сторону, на перемене быстро ушла. И так же быстро уходила после других уроков. Где она околачивалась на переменах, неясно, в коридоре её было не видно. Ясно, обиделась. Жаль. Не то чтобы мне была охота с ней постоянно общаться, просто с ней бывало интересно, она рассказывала про книжки, чего-то придумывала, одна плоская тайна чего стоит. Ну вот, я вспомнила про вчерашний разговор и расстроилась ещё больше. Некрасиво как-то вышло. Я в самом деле не хотела обидеть ни Катерину, ни Дизеля. Если бы мы дольше были знакомы с Катериной, она бы это понимала. Дизель же всё понял. Хотя, конечно, нельзя же сравнивать с Дизелем. Никого.

Два дня я на переменах всё время была одна. Катерина на меня даже не смотрела. К ней всё так же подходили одноклассники, что-то спрашивали, так же уходили во время разговора. Только теперь ей было не на кого удивлённо смотреть — не на меня же, обидчицу. Не на Дизеля же. Кстати, почему бы нет?

Перед биологией ко мне вдруг подошла Ирка, спросила, выучила ли я домашку. Боги мои, я думала, небо упадёт на землю, зазвенит на всю округу. Я сказала, что почитала учебник, ещё откопала в энциклопедии немного про обмен веществ, пару определений. Ирка прочитала у меня в тетрадке, сказала

спасибо и села на своё место. Что-то небывалое. Я весь урок думала, что происходит, так ничего не придумала.

Внизу, у гардероба, я встретила Катерину. Она переобувалась. И как-то легко получилось так, что мы снова вместе пошли ко мне. Извиняться не пришлось, просто мы одновременно вышли из школы и повернули в мою сторону. По дороге она рассказывала мне, что каждую среду к ним приходит её дедушка, он полковник, очень уважаемый человек. Он приходит, а Катерина в это время сидит у меня, она не хочет его видеть. Обиделась. Из-за него им пришлось переехать. Дед и папа Катерины поругались из-за Крыма вроде бы. Ну, так я поняла. Сначала поругались и ещё раз поругались, потом друг друга не поняли, потом поняли, да не так. Словом, жизнь стала невыносимой. И их семья уехала от деда. В этот барак, тут у папы Катерины давно была одна комната, досталась от родителей. Из лингвогимназии ей пришлось уйти, потому что далеко ездить. Ага, вот в это уж я точно не поверила. В восьмом-то классе — далеко? Помилуйте! Вот и объяснилась загадка среды. Катерина каждую неделю в этот день сидит у меня, отключает свой телефон. А когда приходит домой вечером, деда уже нет, он уходит, чтобы не встречаться с папой Катерины.

Она мне всё это рассказывала, пока мы шли ко мне. Я верила и не верила. Уехать из хорошей квартиры из-за ссоры, а поссориться — из-за Крыма! Надо же. Мне казалось, это всё Катерина придумала. Хотя она могла бы и не такое придумать.

Ну, не знаю, заговор инопланетян или собрание ведьм. Шутка, конечно. Я сказала Катерине, что думала, будто по средам у неё дома собрание ведьм, а она как начала смеяться. И мне стало так легко, я поняла, что она не злится на меня и мне не придётся задавать ей плоский вопрос. Точнее, спрашивать, не в обиду ли она на меня и всё такое.

Когда мы гуляли с Маркизом, мне вдруг позвонила Ирка. Просто так, спросить, как дела. Я чего-то проямлила, что пока не очень могу разговаривать и давай потом. Она сразу поняла, говорит:

— Ты не дома, что ли? Не одна сейчас?

Я сказала:

— Ну да. Гуляем.

— А кто с тобой?

— Ну, так, — сказала я, — так, ты не знаешь.

Сама не понимаю, почему мне не хотелось говорить, что я гуляю не только с Маркизом, но и с Катериной. И не хотелось ещё, чтобы Катерина поняла, с кем я разговариваю.

— Ладно, — сказала Ирка, — пока.

— Пока.

У меня сразу же испортилось настроение. Вот зачем она мне звонила? И зачем я отвечала? И непонятно, почему я гуляю с этой странной Катериной. Никто не гуляет, никто с ней не разговаривает, ну так, по серьёзке, только я. Но прикинуть как следует мне не пришлось. Катерина вдруг сказала:

— Знаешь, я тут размышляла о твоём этом черепашестве.

— Да? — не представляла, что кто-то всерьёз может что-то думать о черепашестве. — И как? Какие соображения?

— Во-первых, она твёрдая. Панцирем. А телом, наоборот, мягкая, нежная.

— Ну.

— Ну вот.

— И?

— Ну просто, говорю тебе, думала о черепашестве. А во-вторых, есть ещё одна штука. Ты знаешь про Ахиллеса?

— Из Древней Греции? Он на пятку был слабый, да?

— Ну да. Ты знаешь, что он не догонит черепаху?

— Почему?

— Такой парадокс. Учёные доказали.

— Как не догонит? Он быстрее её!

— В 10 раз. Допустим. Сначала стартует черепаха. Она проползает 10 метров, и он начинает бежать. Пока он бежит эти 10 метров, она проползает один метр. Он бежит метр, она проползает 10 сантиметров, он пробегает 10 сантиметров, она — один, он — сантиметр, она — миллиметр. И так далее. И он никогда не сможет её догнать.

— Как не сможет? Обгонит в два счёта.

— Ну да, где-то в бесконечности есть та точка, в которой он её догонит. Где расстояние перестанет дробиться. И время. Беда Ахиллеса в том, что он дробит задачу, не решает её целиком. И поэтому не догонит.

— Он сам дробит, что ли? Он бежит.

— Понятно, что дробит тот, кто решает. Сам он обгонит и не задумается. Эта задачка про недоступность познания. Ты никогда всего не узнаешь. Приближаешься к границе, а она ещё далеко.

Дальше мы шли молча. Я пыталась понять про Ахиллеса и черепаху, мысли про Ирку сдуло со страшной силой. О чём думала Катерина, мне неведомо.

НЕМНОГО О ЧЕРЕПАШЕСТВЕ

Устроена черепаха просто: твёрдый панцирь, мягкое внутреннее содержание. Такова любая черепаха, какую ни возьми. Должно быть, это неспроста. Мне подумалось об этом сегодня вечером, но кто знает, смогу ли я подумать об этом завтра. Размышления о черепашестве отнимают много сил, далеко не каждый день я могу спокойно подумать о мягковнутренности черепах, об их твёрдой поверхности. Сегодня я больше не буду рассуждать о черепашестве, предоставляю это вам.

АХИЛЛЕС НЕ ДОГОНИТ ЧЕРЕПАХУ

Так странно. Я написала про черепашество у себя на странице, но почти сразу стёрла. Как будто кто-то узнал про меня что-нибудь плохое или смешное. Или, наоборот, хорошее. Нет, что-то, чего я никому никогда не рассказывала. Да и не собиралась

вообще-то. Я посмотрела-посмотрела на эту запись пару минут и стёрла её. Заменяла на другую, просто написала безо всякого заголовка, есть ли тут кто-то, кто понимает про черепаху и Ахиллеса. Через час Катерина написала под вопросом: «Я же тебе объясняла». Я стёрла. Потом удалила сам вопрос. Вот ещё. Мне не хотелось, чтобы кто-то видел комментарий Катерины.

Хотелось что-нибудь написать о черепашестве, но на ум ничего не приходило. Какая-то пустая была, ничего в голове нет, а что-нибудь написать хочется. Никогда такого не бывало со мной. Надо спросить Федоса, что это. Как будущего врача и надежду медицины. Так я подумала, но не стала спрашивать. Посидела, потупила в компьютер, пошла к маме. Спросила про Ахиллеса с черепахой. Я же не засну, если не пойму.

— Не знаю я ничего про черепаху и Ахиллеса, — сказала мне мама, когда услышала наконец-то. Сто лет пришлось ей один и тот же вопрос задавать. У неё был включен телевизор, она смотрела какой-то фильм и кому-то что-то писала в телефоне. Настоящий Гай Юлий Цезарь моя мама, умеет заниматься разными делами одновременно. Я подумала, что Цезарь не так уж далеко ушёл от Ахиллеса, может, мама и сообразит чего. Рассказала ей про парадокс. Она задумалась. Правда, всерьёз задумалась. Говорит:

— Дай мне полчаса.

Ну ладно. Пока я с мамой говорила, Катерина на своей странице выставила чертёж. Ахиллес и черепаха. Как ось X, на которой точки A, A1, A2, Ch, Ch1, Ch2. Уверена, никто ничего

не понял, это она для меня нарисовала. Я поглядела на её график, но не скажу, чтобы он мне как-то помог в этой жизни.

Прошло полчаса, мама попросила ещё минут десять, потом пять. Потом показала мне примерно такой же график, какой нарисовала Катерина. Но там было одно отличие. У маршрута черепахи и Ахиллеса был финиш! Им нужно было пробежать отрезок, а не бесконечно дуть по прямой. Если так посмотреть, то Ахиллес в самом деле не догонит черепаху. Не успеет, маршрут уже кончится. Она раньше придёт. Ладно, хоть так. Пусть отрезок, пусть не прямая. Так можно жить. Я думала, не написать ли мне Катерине про это. Что-то меня останавливало. Станный день какой-то, как будто живёшь в нём через силу, как будто идёшь босая по пляжу. Или в обуви, но по глубокому снегу. Или вот ещё... Ну ладно, хватит, дурацкий день. Хорошо ещё, черепаха удрала от Ахиллеса. Интересно, что бы он сделал с ней? Сварил бы суп? Бывают же черепаховые супы, я где-то слышала. Об этом я уже в кровати думала. Не удивительно, что мне приснился какой-то странный сон. Будто мне надо спрятаться, не помню от кого, и я придумала обернуться черепахой. Такой, нарисованной как будто. Ветер веет по пустыне, а я, черепаха, как лист бумаги лежу, и по мне этот ветер пролетает. А мне смешно, я поняла, что стала вдруг двухмерной, а не трёхмерной. Меня ищут, а ветер дует, а я смеюсь. Так и проснулась.

Рано смеялась, в школе было невесело. На последнем уроке биологичка опять приставала к Митяю. Прицепилась, что

он не успел котлету доесть и она у него пахнет из сумки. А он сидит за первой партой, Римма запах чувствует. Радовалась бы, не мочой ведь пахнет. Она так его гнобила, что он в конце концов заплакал. Губач ржал. Дизель поднял руку, снова, как тогда у Льва, спросил, не мешаем ли мы Римме. Но на неё где сядешь, там и слезешь. Она сказала, что нет, и начала диктовать домашку. Вот же гадюка.

Последний урок кончился, все из класса выходят, а у меня какой-то разброс на парте. Запихиваю, смотрю — Лев пришёл. В классе ещё были люди, вот Ирка была, Катерина, Митенций, Губач. Нет, Лев тут же ко мне.

— Галя Гудина, — говорит, и я тут же догадываюсь, что у него какое-то дело ко мне, какое-то задание или там поручение. А то с чего бы ему так официально ко мне подходить? — Не хотела бы ты мне помочь?

— Ну, — отвечаю, чтобы не сказать ни нет, ни да.

— Знаешь, у меня сегодня восемь уроков, вот вторая смена скоро придёт.

И я думаю: «Так, сейчас начнётся». Не умеет наш историк сразу к сути перейти, всегда издалека начинает, я это, кажется, уже отмечала.

— Съезди на собрание, хорошо?

Вот всё хорошо в нашем учителе, и костюм, и глубина исторических познаний, одно плохо: не любит общественных дел. Терпеть не может. Сам не ходит на собрания руководителей, отправляет нас. А они, эти их тусовки, как назло, раз в полтора

месяца или даже чаще. Как только сбор объявлен — тут уж берись. Увидит тебя — поедешь как миленький. Миленькая, точнее, почему-то парней он этими собраниями не тревожит, из мужской солидарности, видимо. Вот и теперь.

— Я? — спрашиваю. — Может, не я? Вон Губанов, может.

— Губанов? Нет, ну я к тебе уже обратился, при чём тут Губанов?

— Лев Ильич, я в прошлый раз ездила. Тем более сегодня! Я не могу сегодня, мы с мамой договаривались.

Ни о чём мы с ней, конечно, не договаривались, просто мне же надо было как-то отбояриться от него. И тут вдруг Ирка говорит:

— Лев Ильич, давайте я съезжу! У меня как раз сегодня свободный день.

— Точно! — говорю. — Пусть Ирина едет. Она там давно не была. И она умеет с ними разговаривать, а я-то чего.

Ирка может поговорить обо всём буквально! От меня слова, бывает, не дождёшься, я стою, меня спрашивают, а в голове звон-звон. И это я не специально, а как-то вот так выходит. Стою и молчу, не знаю, что сказать. Вот на прошлом собрании меня спросили, что у нас произошло за лето, какие экспедиции были, есть ли находки. Я сказала только, что одна была экспедиция, находок нет. Меня спрашивают: как прошла экспедиция? А я, кроме «нормально», не знаю, что и сказать. Нормально, чего тут ещё, соловьём петь? Других послушала, а они успевают за пять минут рассказать и про дожди во время

экспедиции, и что нашли, и что думали найти, но не получилось, и много ли раз купались, смогли ли построить походную баню, и даже не отравился ли кто гречкой с тушёной. Пять минут! И целое лето перед глазами, вот как так люди могут, а? Ирка как раз из таких людей. Подарок, сокровище, находка для собраний!

И Лев наш так же решил. Ирка — самый выигрышный вариант. Она, во-первых, не будет мычать, как я, а всё грамотно, с выражением расскажет. Так и вижу: все её слушают. А почему? Потому что, во-вторых, она красивая. Я уже замечала такое не раз, как она входит в класс, все замолкают, и она в тишине говорит своё. Вот если я вхожу, сажусь за свою парту, меня никто почти и не замечает. Так, Митяй кивнёт, привет там, и всё. Это почему? — думаю я. Потому что Ирка красивая, лицо такое овальное, брови тёмные, волосы тёмные, длинные. Лицо такое правильное, что ли, классическое, такое вот слово просится на язык. Классическое. Всегда кажется, что она только что думала о чём-то таком, классическом. Глубоком. Ей всегда и списать быстрее дают. Нет, мне тоже, но Ирке прямо на полсекунды быстрее. Или даже на секунду. Мне никогда её не догнать, как Ахиллосу черепаху. И не только на видимом отрезке времени, а вообще, я думаю.

Пока Лев Ильич Ирку инструктировал, что ей делать на собрании, что записывать, а чего не стоит, о чём надо сказать и всё такое прочее, я из класса ушла, пока меня Лев не видит. Он, конечно, не передумает Ирку, а не меня отправить, но на всякий случай я решила держаться подальше.

По дороге в раздевалку мне попала наша завуч, Эм-Си, мне показалось, хотела меня остановить. А что, может быть. За мной шёл Акпер, и она попросила его помочь куда-то перенести какие-то стулья, хорошо, не меня. Теперь весь вечер свободен. Ну ладно, уроки немножко можно поучить. Историю там, алгебру.

С Маркизом мы дошли до той развалюхи, дома Катерины. Так, от нечего делать. Я позвонила ей, и она вышла. Погуляли, поболтали о школе. Она гуляла недолго, сказала, что занята, переводит на английский «Слово о полку Игореве», ненормальная.

Вечером я полезла на страницу к Ирке. Там была свежая её фотография. Всё же везёт некоторым, они могут хоть каждый день фотографироваться, каждый день ставить свои фотографии, менять раз в неделю аватарки, и ничего. На каждой фотке они хорошо получаются, на каждой. Интересно, а кто Ирку снимает? Я посмотрела её страницу за последний месяц, через два-три дня новые фотки ставит. Думала, не написать ли ей спасибо за то, что пошла на собрание вместо меня, но не стала. Ну, она же сама предложила, я её не просила.

ХЛАДНОКРОВНОЕ ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВО

Что хорошо в черепахах — это их длинная-длинная жизнь. Недавно мне на глаза попало детское объяснение, почему черепахи долго живут. Оказывается, потому что они большие и хладнокровные. Чем больше животное, тем медленней

у него метаболизм. Вот взять слона. Но слона мы не будем брать, наш разговор о черепахе и черепахестве в целом. Так вот, возьмём черепаху. Ей повезло вдвойне. Она большая, и она хладнокровная. Опять же все процессы медленнее. Черепаха могла бы стать лидером среди всех, самой долгоживущей, но её обогнала гренландская акула, казалось бы, почему? Тем не менее. Есть к чему стремиться большой черепахе, есть куда расти!

ПРОГУЛКА С ИРКОЙ

Нет, она точно ненормальная, Катерина! Я так и сказала Ирке, когда она спросила, почему новенькая сошлась с Митяхой. Так и спросила: чего она в нём нашла? Тоже мне загадка сфинкса, всё просто. Подобное тянется к подобному, блаженная Катерина к добренькому Митяю. Странно, что Ирке приходится это объяснять, будто нам поговорить больше не о чем. Она мне позвонила, Ирка, говорит:

— Пошли гулять!

Я даже думать не стала, сразу согласилась. Правильно говорят, старый друг лучше новых двух. Мы встретились у «Куба», нового ТЦ. Удивительно, что он открылся, мама говорит, дела у торговых центров всё хуже и хуже. Их фирма у этого центра арендовала помещение по очень низкой цене. Фирме хорошо, а вот как будет выживать «Куб»?

Мы начали с первого этажа, прошлись по всем магазинчикам и магазинам. В один я заходить боялась, видно сразу: очень

дорогой. Но Ирке всё равно, она идёт в него, прямо к новинкам, блестящим туфлям, вечернему тёмно-синему платью. Спрашивает:

— Пойдёт мне?

Господи божечки, да конечно пойдёт! Если кому и нужно покупать такое платье, так точно Ирке. И туфли эти, хотя я не большой любитель блестящего. Так, разве что иногда ходила бы. Да нет, фиг, не стала бы. Говорю же, я не любитель.

Мы стояли у манекена, Ирка потрогала платье, понюхала. Говорит:

— Новая вещь всегда чем-то пахнет таким. Новогодним немного.

Потом мы поднялись на второй этаж, но там ничего не было интересного, магазин электроники и детский. А, ещё книжный, но мы не такие уж читатели. Спасибо, нам хватает учебников. Это Катерина бы, может, зашла в книжный. Я так и сказала Ирке. А она стала говорить, что новенькая — какая-то малахольная, странная какая-то. И вот тогда и спросила про Катерину и Митьку. Я думала, я одна заметила, что Катерина им интересуется. Вчера после уроков она спрашивала Митяя, где лучше покупать корм для птиц, а то скоро зима, а она кормушку хочет повесить. И Женька Митрохин ей подробно что-то объяснял. А она стояла и улыбалась так, будто солнце сошло на землю. Но потом они разошлись по домам, каждый своей дорогой, я видела. Удивительно, как Ирка заметила. Я думала, она и не смотрит ни на кого, кроме Дарико и Губанова. Известная неразлучная тройца в последнее время.

На фуд-корте мы взяли по стакану колы со льдом и сели за фиолетовый пластмассовый стол. Или зелёный, что ли? Сидели, болтали о школе, смотрели на людей. Перед нами уселась семья: родители и двое детей, мелкиши, начальная школа. Они взяли бургеры, дети ели, качали ногами, родители смотрели в телефон, тоже ели бургеры. Почему-то эта семейка показалась мне знакомой. Не знаю, откуда я могла бы их знать. Смотрела, смотрела, вдруг Ирка меня за рукав дёргает.

— Ты не слышишь, что ли? — спрашивает.

— А?

— Тебе же говорю, не слышишь?

— Да я как-то так, — говорю, — задумалась маленько.

— О чём?

— Слушай. Вот мы тут сидим, пьём колу. А люди занимаются серьёзными вещами.

Это я так просто сказала, чтобы не показывать Ирке, что на самом деле я ни о чём не думала, просто отключилась от этого мира, и всё.

— Кто это занимается серьёзными вещами? — Ирка спрашивает.

— Ну вот Митяй собак своих кормит, — отвечаю. — Или вот Катерина...

— Ой, ну я умоляю тебя. Митяй! А Катерина кормушки мастерит сейчас, наверно.

— Она переводит, — говорю, — на английский.

— Да?

— Ага. «Слово о полку Игореве», — и повторила: — На английский.

— Да ладно! — сказала Ирка. — Откуда знаешь?

— Она сама сказала. Недавно, где-то на днях.

Мы помолчали. Я снова уставилась на то семейство за соседним столом. Стоило ли говорить?

— Слушай, она же врёт! Катерина твоя, — сказала Ирка. — Ты вообще видела человека, который бы понял, о чём эта книга? Просто тупо понял, кто этот князь Игорь, кто эта Ярославна и кто там ещё есть? И чего им всем надо?

— Не знаю, наверно, Лев понял.

— А, точно, он должен знать, да. Но не Катерина же!

— А чего нет, — говорю, — она к нему часто теперь заходит.

— Ну да. Ну да. Но она всё равно врёт. Она всегда врёт, ты не замечала? То говорит, что училась в лингвогимназии. Ага, а чего к нам перешла? То говорит, что у неё отец пожил в двадцати городах, недавно вот мне сказала. Как ты себе представляешь такого человека, а?

— Он же военный, мог и правда...

— Галина, наивное ты дитя! Военный! Да никто двадцать городов не может это... Не может быть, короче, такого. Двадцать городов! И в каждом жить. Ну пять — это максимум.

Надоело мне спорить с Иркой.

— Ладно, — говорю, — допустим, врёт. Ну и что? Мне вот всё равно.

— Ничего ты не понимаешь, — сказала Ирка, допила свою колу, разгрызла лёд, и мы пошли домой. Доехали до нашей

остановки, дошли до школы. Дальше Ирке надо было поворачивать к себе, а мне идти дальше, прямо. Она встала на перекрёстке, говорит:

— Ну, пока. Спасибо за прогулку.

Надо же так, спасибо за прогулку. Я зашла в магазин в нашем доме, купила мороженого себе с мамой.

— Что за праздник? — спросила мама. — Как дела в школе? Уроки надо учить? Где ты была?

— Да так, — говорю. — С Иркой гуляли.

— С Иркой?

И я маме всё рассказала: что Ирка вместо меня недавно ездила на собрание руководителей кружков, и что она позвонила и позвала гулять, и что мы видели бомбическое платье, и что мы сидели и пили холодную колу.

— Ну и ну, — сказала мама, — я-то думала. Ничего, что эта Ирка тебя обзывала? И что первая перестала с тобой разговаривать непонятно с какого подкида? А тебя только пальцем помани, оказывается.

— Но она за меня ездила на собрание.

— Не за тебя, а за Льва Ильича!

— Ну хорошо. За него. Но он ко мне так пристал, я уж думала, придётся ехать.

— Я поговорю с ним. Учитель!

— Не надо! Не надо с ним про это разговаривать! Я сама.

— Да ты чего боишься?

— Ничего, — сказала я.

Засунула мороженое в морозилку и пошла к себе в комнату. Написала Катерине, спросила, правда ли она переводит «Слово о полку Игореве» на английский. В ответ получила файл с двумя страницами английского текста. В столбик. Углубляться не стала, так поверила.

ОДИНОКОЕ ЧЕРЕПАШЕСТВО

Вот ещё один факт о черепашестве. Замечено, что черепахи могут прожить без еды, воды и общества себе подобных несколько дней. И вот тут мы их отлично понимаем. Если ты живёшь без еды и воды, а рядом ещё кто-то считает несчастные дни, паникует и истерит — долго не протянешь. Рехнёшься. Так что можно брать пример с черепах, оставаться в своих бедах одним. И только когда станет совсем плохо — звать на помощь и понимать, что мы всё же не черепахи, нам всё же нужны еда, вода и рядом кто-нибудь.

ТАЙНА НЕЖНЫХ ПОЧЕК

Теперь мы иногда шли после школы к Ирке. Она ела, а я начинала учить уроки. Потом мы учили их вместе, причём у меня алгебра не получалась никогда, а у Ирки всегда всё шло с ответом. Но она ни разу мне не объяснила, как надо решать, просто закрывала тетрадь и убирала в сумку. Ладно, не больно-то и хотелось, всё равно выше тройки за четверть мне не подняться.

В эту среду мы с Ирккой уже вышли, когда меня окликнула Катерина. Я ей сказала, что сегодня иду не домой, честно говоря, совсем забыла, какой день недели на дворе. У неё такие стали глаза, будто она совсем маленькая и потерялась.

В тот день мне всё было как-то не так, не по себе. Ирка заметила, говорит:

— Ты из-за неё ещё расстраиваться будешь? Да она сидит где-нибудь в кафе, переводит своё «Слово о полку». Или к Митяю пошла.

Я точно знала, что она не сидит, у неё на это просто денег нет. И к Митяю вряд ли пошла, недавно выяснилось, что они просто дружат. Женька в неё влюбился, а она в него — нет. Я ещё спросила: как же теперь Митроха?

— А я что подделаю? — сказала она. — Не всегда же нам нравятся те, кто в нас влюблён. Или просто те, кто к нам хорошо относится. С тобой разве такого не было?

Было, ещё как, вот я до сих пор не могу понять, нравится ли мне общаться с Катериной. Может быть, я из одного человека колюбия каждую среду веду её к себе, а может, мне с ней интересно или я привыкла, я не разбираюсь в этом. Не могу понять.

Я немного посидела у Ирки, потом пошла домой, всё равно в голове сумбур. Темнело, и я решила, что не пойду через гаражи, как короче, а пойду через школу, хоть так и дольше получится. Шла и думала, как всё странно поменялось с тех пор, как мы помирились с Ирккой. Вроде бы мне должно было стать повеселее, всё же теперь есть с кем на перемене словом переброситься, не только с Дизелем и Катериной. Но всё равно

как-то не так. Может, это оттого, что в школе сейчас стало совсем тоскливо? Вместо Льва историю ведёт Александр Александрович, студент-практикант из педа. Биологию вместо Риммы ведёт Юлия Петровна, высокая смуглая девушка. Мы её не любим тоже, по наследству от биологички. Только Женька Митрохин её зауважал после того, как она сказала, что ходит волонтером в приют для собак. Это мы так познакомились, и она поведала про себя. По секрету, говорит, ага. После урока Женька к ней подошёл и долго о чём-то говорил. Да понятно о чём, сбегит своих бездомных в приют, наверно.

А Александра Александровича все любят, как и Льва, тоже по наследству. Особенно девчонки. Все, поголовно, и Катерина тоже. Кроме меня. Во-первых, я терпеть не могу, когда имя и отчество одинаковые. Александр Александрович, Владимир Владимирович, Виктория Викторовна — язык сломаешь, пока говоришь. Да и он такой мелкий шкет, что смешно его называть полным именем. Не ростом низкий, а такое лицо, будто он только ещё школу кончает. Это ладно в пятом классе, там все кажутся взрослыми. Но в восьмом-то, извините! Я уже вижу, что он совсем ненамного старше меня, какой может быть Александр Александрович? И на уроках истории теперь тоже скучно, хоть совсем не ходи в школу. Я бы и гуляла себе спокойно, но мне нельзя. Если я снова попадусь на глаза комиссии по несовершеннолетним, мама сказала, уйдёт с работы, будет всюду ходить со мной. И я несколько не сомневаюсь, что она так и сделает, но что тогда мы будем есть? Однажды мама уже начинала работать на полставки из-за меня. Дурацкий случай

у нас в третьем классе произошёл, я подралась с Женькой, толкнула его, он налетел головой на батарею, рассёк бровь, кровичей истекал. Екатерина Валентиновна, первая наша учительница, отвела его в медицинский кабинет, а врачаха взяла и вызвала скорую. Ну, приехали, вызвали полицию... Так и получилось, что меня поставили на учёт в детской комнате. Сразу же, с первого раза. Теперь приходится ходить к ним каждый год, говорить, что всё хорошо, в школу хожу, умственную бодрость сохраняю. Слушать воспитательные беседы. Да ещё они могут в любой момент прийти в школу, проверить, на месте ли я. У Митяя всё быстро зажило, ну, шрам остался, а мне теперь страдай до восемнадцати. Он меня, кстати, простил быстро, как только всё зажило. Поэтому хожу как миленькая. Одно меня утешает в этой школе, что мы теперь с Ирккой не цапаемся, нормально разговариваем. Меня и другие стали замечать, армяне наши, Дарико. Но мне до этого дела нет, я уже за первую четверть отвыкла от этого, спокойно обхожусь без них. Нет ничего общего у меня с этими людьми, кроме кружка «Юный археолог». Да и его теперь ведёт студент, так что я факультативы с совершенно чистой совестью прогуливаю.

И вот шла я домой и думала про всё это, как вдруг увидела: у школы на углу стоит Катерина. На том же месте, где стояла, когда я с Ирккой ушла. Час прошёл! Полтора!

— Ты чего здесь? — говорю.

— Ключи забыла, среда, — отвечает она, а у самой, видно, зуб на зуб не попадает от холода. Я её взяла за руку, отвела

домой. Маркиз устроил мне митинг, залаял, ругался, что меня долго не было. Я Катерину оставила дома, сама на пару минут с собакой выбежала и вернулась обратно. Прихожу, а она стоит одетая до сих пор, плачет. Этого мне ещё не хватало!

— Хватит, — говорю ей, — реветь, раздевайся скорее, сейчас чай согрею.

Ну, согрела чай, суп, мы поели. Она всё молча сидела, не разговаривала. Я не стала приставать. И так всё ясно: намёрзлась, перенервничала. Чего вот она в школу не пошла?

— Не хочу, чтобы в школе знали, — сказала Катерина, будто мысли мои прочитала.

— Так ты бы ещё ближе к школе стояла. Думаешь, не видели тебя?

Она не ответила, а снова расплакалась. Плачет, сквозь слёзы говорит, что всё, ей надоела школа эта дебильная и что каждую среду не домой идёт. Я и не знала, что сказать, по голове её погладила, обняла немного. Она сидела, голову мне на плечо положила, успокоилась постепенно. Я говорю:

— Застудила бы свои нежные почки, представляешь, как бы Лев офигел?!

— Знаешь, почему Лев из нашей школы ушёл? — вдруг спрашивает она.

Господи божечки, да откуда же мне знать? Она и не слушала, отвечу я ей или нет. Просто рассказала, что когда-то Лев Ильич работал в лингвогимназии, открыл там кружок под названием — правильно! — «Юный археолог», поражает всё-таки постоянство некоторых людей. Всё было хорошо, уроки

отличные, стал он учителем года. Карьера в гору шла, короче говоря. Но однажды в экспедиции одна ученица заболела. Застудила почки.

— Почки! — крикнула я. — Вот почему!

— А знаешь, кто это был? Моя двоюродная тётя. До сих пор болеет, раз в несколько лет лежит в больнице.

— Ого! — сказала я.

— Его никто не прогонял с работы. Сам ушёл. Несколько лет работал в магазине, продавал шторы. Но вот не выдержал, снова в школе работает. Я его сразу узнала, он у тёти Лены есть на школьных фотографиях. Правда, там он ещё молодой, без лысины.

Мы долго ещё говорили с Катериной, пока ей не позвонила мама. Я пошла её провожать с Маркизом, всё равно мы с ним только на секунду выбегали сегодня. У единственного на весь дом тёмного подъезда кто-то стоял. Какой-то человек, прямой как палка.

— Дедушка? — спросила Катерина.

— Здравствуй, Катерина, — ответил тот человек.

— Ладно, — сказала я, — пока? Пойду.

— Спасибо, — сказал Катеринин дедушка.

ОЗИМЫЕ ЧЕРЕПАХИ

Дело к зиме, и что мы видим? Черепахам не забиться в щель, не уползти на юг. Значит, нам надо позаботиться о черепахах и черепашестве. Взять в дом, напоить водой, посадить

в холодильник до вешних дней. Должны же и они отдыхать от тёплого воздуха, должны полежать немного в климате. Если всё сделано правильно, весной озимые распустятся, расцветут. Пусть же цветут, пусть дышат в полную грудь. Мы будем радоваться за них.

ДИЗЕЛЬ МАТЕРИТСЯ

На следующий день выпал снег, а Катерина не пришла в школу. Я ей весь день названивала. Но она не брала трубку, не отвечала на сообщения.

— Катастрофа, — сказала я Дизелю, — точно, это я её вчера заморозила. Наверно, почки. Могут почки заболеть, если сильно замёрз?

— А в чём она была? Обувь тёплая? Штаны или юбка? — спросил Дизель.

— Да как всегда, когда в школе.

Дизель посмотрел на меня, спросил:

— То есть примерно как ты? Форма, колготки. Были колготки?

Конечно, он же должен всё знать как врач, пусть и будущий.

— Кажется, нет, — сказала я. Ну не помню, не обращаю внимания, кто в чём ходит.

— На улице она долго была? — продолжал он.

— Это о ком вы? — спросила Ирка. Мы стояли с Дизелем у гардероба, Ирка остановилась рядом.

— Да так, — сказала я. Но Федос был быстрее, сказал, что Катерина, похоже, простыла, а я добавила: — Почки. Представляешь, как Лев офигеет, когда узнает?

— Лев-то тут при чём? — спросила Ирка и пошла домой.

— Может, Митяй знает? — спросил Дизель.

Решили подождать Митяя. Его, как назло, всё не было и не было. Кто его знает, куда подевался, может быть, в столовой, выпрашивает отходы для собак. Мы с Дизелем уже успели поговорить о почках, воспалении лёгких, коронавирусе, и тут появился Митроха. Он нёс что-то в пакете, точно, отходы. А с другой стороны, со стороны входной двери, появился дедушка Катерины. Я сразу его узнала — по прямой спине и по росту. Мы стояли посередине. Митяй и дед одновременно оказались рядом с нами.

— Где Катерина? — спросили мы с Федосом одновременно. Только он спрашивал у Женьки Митрохина, а я — у дедушки Катерины.

— Что? — спросил дедушка.

— Кто? — спросил Митяй.

— Здравствуйте, — сказала я, — это ведь вы дедушка Катерины Дудиной? Она заболела?

— Молодые люди, не беспокойтесь о ней, — ответил он и пошёл к лестнице. Интересно, как это его не остановил наш охранник?

— А сам зачем пришёл? — сказал Дизель.

— К директрисе, что ли? — сказал Митроха.

— Зачем? — сказала я.

Мы втроём вышли из школы и отправились к Катерине. У дома позвонили по телефону, но она не ответила.

Обошли дом, Митроха остановился напротив одного окна и позвал:

— Катерина!

Никакого ответа. Тогда мы позвали вместе:

— Катерина!

В окне пошевелилась шторка. Или это мне показалось? Я написала ей: «Мы тут тебя ждём». И тут штора в самом деле зашевелилась, из окна выглянула Катерина, сказала нам код от подъезда, и мы пошли к ней. Выглядела она неважно, наверно, всё же заболела.

У семьи Катерины была одна большая комната, перегородженная шкафами на две. Катерина позвала нас в ту часть, которая была поменьше, с одним окном.

— Только недолго, — сказала она. — Дедушка, наверно, скоро вернётся.

— Он в школе, — сказал Дизель.

— Дедушка хочет, чтобы я ушла из вашей школы.

— А ты? — спросили мы с Дизелем хором.

— А я не знаю, запуталась. Там языки, я люблю языки. А здесь у вас Лев, и его кружок, и вы. Если бы тут ещё квартира была получше, хотя бы потеплее. Дедушка собирается меня забрать.

— Как это — собирается забрать? Ты же не собака в приюте! — сказал Митяй.

— Ай-ай, какой ты умный, — сказала Катерина. — Пожил бы тут, я бы посмотрела на тебя. Конечно не собака.

И тут Дизель сделал то, что давно не делал, стеснялся при Катерине. Он начал материться и говорить, что никогда такого не видел, чтобы человека без спросу куда-то забирали, что это невозможно представить, если этот человек не преступник. А ты же не преступница, хватит давать рулить собой, вон в школе как над тобой смеются. Примерно так это можно перевести с его мата.

— Ай-ай, — снова сказала Катерина, — не ругайся, а? Я же не дурочка, Дизель, не слепая. Я вижу, как на меня смотрят.

— Ну и?

— Им может стать неловко. Когда человек понимает, что был неправ, ему становится неловко, правда же? — и она посмотрела на меня. Всего полсекунды, но мне почему-то стало не по себе, я вспомнила, как мы гуляли с Катериной, и мне позвонила Ирка, а я не хотела Ирке говорить, с кем я гуляю. Как давно это было, ещё до снега.

По дороге обратно я рассказала Митяю и Дизелю о черепахе и Ахиллесе, не было мне покою. Федька сказал, что тут и понимать нечего, а Митяй задумался. А потом сказал:

— Это как у меня с отходами для собак. Я их забираю, несую один двор, оставляю там половину, потом в другой — тоже оставляю половину, потому что вспоминаю, что надо ещё отнести в другие места. И везде часть оставляю, и иногда кажется, что отходы не кончатся никогда.

ЧЕРЕПАШЕСКАЯ НЕЛОВКОСТЬ

Скажи, попробуй скажи черепахе в глаза, что она не права, — и она засмеётся над тобой. Как это — не права? Черепаха, казалось бы, и вдруг! Да она Ахиллеса побеждает в два счёта, а ты говоришь — не права. Но стоит только ей намекнуть, сказать что-то вроде: а я ведь была права тогда, помнишь, гуляли, и ты говоришь — ползи. А я говорю — я не могу ползти, я ведь не черепаха. Помнишь такое? И черепаха вспомнит, прикроет глаза, чтобы ты не видела в них смущения, чтобы ты не видела в них неловкости. Скажет: да, ты была права, что отказалась ползти. Но сколько ты потеряла, не елозя пузом по траве, по асфальту, по тропочке! О, сколько ты пропустила!

ЗАЧЕМ?

Дни пошли какие-то невесёлые. Ирка вздыхает по Александру Александровичу, или Санечке в квадрате, как она говорит; Катерины нет, и неизвестно, будет ли; Лев и тот ходит опустив голову. На уроке сегодня молча сидел за партой Катерины. Практикант зато как соловей распелся, рассказывал про войну США за независимость. Вот чего ему эта Америка? Так подпрыгивает, наверно, сам туда хочет. А слушать неинтересно. Вот Лев Ильич бы так рассказал, что у посольства США в Москве очередь бы стояла из нашего класса — во как все захотели бы там побывать. Лев так всегда говорит, что мне в каждую

страну хочется, во все времена, про которые учим. Как будто я там кошелёк оставила, а мне до зарезу деньги нужны. А студент этот рассказывает так, будто сам он этот кошелёк нашёл. «Мой же, эй! Не трогай!» — хочется закричать. Жаль, не пойдёт никто. Дурацкий урок. Лев сидит, что-то пишет на листе, а сам хмурый-хмурый, никогда его таким не видела, кстати. Потом он эту бумажку вдруг положил мне на стол. Я прочитала: «После уроков сбор», — пожала плечами: сбор так сбор, приду, мне не трудно. После урока он уже всему классу объявил, что сегодня собирается кружок, чтобы не разбегались.

— Мне некогда! — выкрикнул Дизель.

— Так нечестно, надо заранее, — сказал Губанов.

— Это ненадолго, — сказал Лев. Он так это произнёс, что стало ясно: что-то случилось.

Уроки кончились, мы собрались в кабинете истории. Лев всё не приходил и не приходил.

— Ладно, — сказал Дизель, — мне пора.

И тут вошёл Лев. Без Санечки, один. Хорошо, а то я уже думала, что они теперь всегда будут парой ходить. Ну, пока Санечка на практике. Сколько ему осталось ещё у нас тут трубить?

— Ребята, — сказал Лев, — у нас ЧП.

— У Катерины почки? — спросила я. Всё-таки никак я не могла отделаться от мысли, что она простыла из-за меня.

— Какие почки? — спросил Лев.

— Вы же из-за этого из лингвогимназии ушли? Что одна ученица их застудила.

— Чего?

— Почки.

— Бог с тобой. Мне просто надо было больше денег, жена болела. Но я не об этом хотел поговорить. Сейчас, — он посту- чал пальцами по столу. — Да ты сядь, Федь.

Дизель присел на парту. Лев уселся за свой стол.

— Такое дело, — начал он, — помните нашу находку?

— Дурак забудет, — сказал Губанов.

— Ну да, — сказал Дизель.

— Помним, — сказала Ирка. А я просто молча кивнула. Дурак забудет, Губанов прав.

— Так вот, — и Лев Ильич замолчал. Поглядел в окно, сно- ва пробарабанил пальцами по столу. — Это не находка.

Все молчали. Я, например, совершенно не представляю, как на такие слова реагируют. Если не находка, то что это? Мы же её нашли!

— Как это? — спросила Ирка.

— Подделка, — сказал учитель.

— О-о! — сказал Дизель.

— Как это? — снова спросила Ирка.

Лев вскочил, начал ходить у доски — туда-сюда, туда-сюда.

— Кто-то положил в раскоп чужую находку. Иначе быть не может. Сама она не могла туда попасть. Кто? — спросил он и посмотрел на нас.

— Что? — спросил Акпер. — Я не понимаю.

Это хитрость, конечно, у Акпера такая. Он, когда хочет по- тянуть время на уроке, всегда говорит, что не понимает. Всё

он понимает, у него по русскому четвёрки, а не как у меня. Хотя, может, сейчас и не понимал.

— Кто положил находку XVII века в раскоп? Когда? Зачем? Откуда она взялась? — спросил Лев несчастным голосом. Никогда не видела его таким, никогда не слышала у него такого голоса.

Мы молчали.

— Вы хотите сказать... — начал Дизель.

— Кто-то положил в раскоп вещь другого века, — закончил учитель.

— Но как это? — спросила Ирка. — Почему?

— Это я и хочу узнать, — сказал Лев.

Все молчали. Лев ходил у доски к двери и обратно, к столу.

— Может, это кто-то не из наших? — спросил Давид.

— Зачем? — сказал Лев.

— А нам зачем?

И правда. Зачем?

— Это точно она, — сказала Ирка, когда я разлила всем чай. Как-то само собой получилось, что мы все, кроме Дарико и Губанова, пошли после факультатива ко мне. Митяй хотел, кажется, пойти с нами, но где-то отстал. Знает, что с Иркой ему не по пути.

— Кто? — спросил Дизель.

— Новенькая. Катерина эта твоя, — сказала Ирка и на меня смотрит.

Мне хотелось спросить, почему это моя, но я спросила только:

— Почему?

— До неё такого не было, никогда мы находок не находили. А тут — раз! — и нашли.

— Это ещё ничего не значит, — сказал Дизель и сматерился. Он всегда матерится, я же говорю.

Конечно, это ничего не значит, но Ирка права, никогда мы не находили находок. Потому Лев наш Ильич радовался, при- танцовывал, получал поздравления от всех.

— Но откуда у неё семнадцатый век? — спросил Давид. — Она и раскоп-то первый раз видела.

Все посмотрели на него.

— Я спрашивал, — быстро сказал Давид, — ещё когда мы ездили.

— Кстати, какого века находка, Лев сказал? Семнадцатого? На собрании говорили, что у крежецких пропало что-то, тоже семнадцатого века.

— Что? — вдруг севшим голосом спросил Дизель.

— Томар, да, кажется, томар. Костяной наконечник для стрелы. Для охоты на пушных зверей. Чтобы шкурку не испортить.

— Наконечник стрелы в семнадцатом веке? — спросил Давид.

— Да, правда? — сказал Дизель. Что-то с ним не то происходило, покраснел весь.

— Кстати, а почему это Катерины нет уже два дня? — спросила Ирка. — Почуяла, что жареным запахло.

— Её переводят обратно, в долбаную гимназию, — сказал Дизель.

— Вовремя! — засмеялся Акпер. — Вовремя!

— Может, ещё и не переведут, — сказала я, — это дед хочет, а она думает.

— Думает она! — сказала Ирка. — Надо было думать, когда находку подкладывала.

— Подожди, — сказал Дизель, — давай соображать логически. Когда бы она могла подкинуть? Она всё время была на глазах. Слонялась там как потерянная.

— А ночью, например? Или утром? Почему-то у нашей палатки утром стояла лопата, я заметила.

Тут мне стало горячо. Это же я поставила лопату!

— Это я, — говорю, — поставила. Я её брала.

— Как — ты? Для чего? — спросил Дизель.

— Кого-то стошнило ночью у палатки, я убрала. Вот и всё. Под ёлочку.

— Так, — сказала Ирка, — выясняются некрасивые подробности. Кто это?

— Я, — сказал Дизель, — кажется, я.

— То есть ты тоже шарахался не пойми где. Тоже мог находку...

— Соображаешь, нет? Откуда у меня семнадцатый век? — сказал Дизель, если переводить на обычный язык.

— Так мы все переругаемся, — сказал Давид, — каждый мог встать ночью. Да вечером бросить, когда все у костра были. Я тоже отходил, бывало, и Акпер...

— Что Акпер сразу, да? — сказал Акпер.

Ему никто не ответил. Наступила тишина, я только и слышала, как Федос очень громко отпивает чай.

— Прекрати ты! Дизель! — не выдержала Ирка.

Теперь наступила настоящая тишина. Все молча пили чай.

ЧЕРЕПАШЕСКАЯ ТИШИНА

Всё-таки черепахи — странные существа, как все уже знают. Вот наступила зима, и ты идёшь домой, смотришь под ноги, а где-то там, далеко на юге, молча плачет большая черепаха. Может быть, она в пустыне. Может быть, на необитаемом острове. Может быть, она похожа на эту ледышку у тебя под ногой. Но тут вы скажете: нет! Ни за что большая черепаха не будет похожа на эту маленькую ледышку. Может быть, и так, но мне-то что с того? Черепаха молчит, и неизвестно ещё, сколько продлится её молчание.

ВСТРЕЧА У ГАРДЕРОБА

Катерине надоело, видимо, молчание, она стала выкладывать на свою страницу рисунки. Давно же их не было! Долговязые люди с длинными руками, хмурые дни, высокие и низкие дома. Я разглядывала каждый рисунок подолгу, будто мне надо было что-то на них найти. А вот спросил бы меня кто, чего я там ищу, — не ответила бы. Ничего. Мне просто хотелось понять, кто подкинул находку. Неужели правда Катерина? Но зачем?

— Если вы хотели посмеяться надо мной, то у вас получилось, — сказал нам Лев. — Если хотели опозорить мои седины — тоже удалось. Кружок я закрываю, его больше не будет. Как я могу водить в экспедиции людей, которые надо мной смеются?

Опомнился, смеются. Мы всегда смеёмся — и над походкой его семенящей, и над словами про нежные почки. И даже когда Лев Ильич говорит, что никто ему после смерти цветочек на могилку не принесёт. Ну смешно же, правда.

Каждый день Лев приходил после какого-нибудь урока к нам в класс и стоял, пока мы собирались и выходили на перемену, грустно смотрел на всех. Невыносимо. Но что мы могли сделать? Кто подкинул находку, мы не знали. Думаю, уже самый бесчувственный бы сдался, признался бы. Оставалось надеяться, что Катерина, когда поправится, всё расскажет. Конечно, если это она. А Катерина, как нарочно, молчала, не отвечала ни на чьи вопросы. Вот только рисунки стала выставлять. Один другого мрачнее. Я ей звонила, она отвечала, что чувствует себя лучше. Перейдёт ли она в свою гимназию обратно, я не спрашивала. Мама сказала, что это не так просто сделать, наверняка на её место уже кого-то взяли, желающих много. А тут, в нашей школе, она могла и отстать от бывших одноклассников.

— Мама, — сказала я, — слушай. Да она «Слово о полку Игореве» переводит на английский. Даже староанглийский.

Ну, про староанглийский я немного приврала, понесло меня что-то. Но всё-таки. Сам факт, что человек занят таким переводом, дорого стоит.

— Мама, — говорила я, — факультатива не будет, в школу ходить незачем.

— Ну уж, — отвечала мама, — незачем.

В субботу, когда у нас обычно было занятие «Юного археолога», мы все собрались возле кабинета истории. Постучали в дверь, никто не ответил. Мы стояли минут пять.

— Двинем, что ли? Нет его, — сказал Дизель.

— Митяй, сгоняй в учительскую, — сказала Ирка.

Митроха посмотрел на неё, на Дизеля. Не знаю, побежал бы он или нет за Львом, если бы не появился Санечка в квадрате с тетрадами.

— Вы ко мне? — спросил он.

— А Лев Ильич... — начала Ирка.

— Его нет, домой.

— Ушёл? — спросил Акпер.

— Да-да, только что.

Дизель сорвался с места. Момент — и его нет. За ним рванули все остальные. Я не успела ни о чём подумать, побежала тоже. Четыре этажа — махом! Вдруг я воткнулась в спину Губанова, так резко он затормозил. У гардероба стояла Катерина и разговаривала с нашим Львом, учителем две тысячи лохматого года, археологом и краеведом.

— О-о! — сказал Дизель. А больше никто ничего не говорил, все смотрели на Катерину и Льва.

Лев и Катерина разговаривали тихо, вполголоса, но нам всё было слышно, потому что мы молчали и смотрели на них во все

глаза. Видимо, Лев уже спросил Катерину, не она ли положила в раскоп находку.

— Находку? — спросила Катерина. — Которую вы нашли 15 сентября?

— Примерно, — ответил учитель.

— Про которую потом рассказали всей школе?

— Её.

— Нет, конечно же нет, я её видела только у вас в руках.

— Но кто же тогда? — спросил Лев.

— Это она, — сказал Давид.

— Она, кто ещё-то, — как-то лениво сказала Дарико.

— Думаешь? — спросила Ирка. Помолчала и сказала: — У нас из-за этого факультатив отменяется.

— Как это? — спросила Катерина.

— Нет, — сказал Лев, — я просто ухожу из школы.

— Из нашей? — спросила я, хотя чего тут было спрашивать. Из чьей же ещё?

— Совсем, ребятки, совсем, — сказал нам Лев и погладил себя по лысине.

— Из-за Катерины, что ли? — спросил Акпер. — Бросьте. Пусть лучше она уходит.

— Почему из-за меня?

— Я же тебе писала, — сказала я. — Кто-то подкинул в наш раскоп находку другого времени. Это ты? И ещё у тебя почки. То есть нет, точнее, ты про них обманула, про почки.

— Это не я, — сказала Катерина, — это не я!

— Опять почки! Ребятки, я просто не могу больше с вами работать. Вы обманули меня, вашего учителя. Я так надеялся: вот умру, вы мне цветочек на могилку...

Но Лев не успел договорить, его перебил Дизель:

— А какая находка-то была? Костяшка? Керамика? Что?

— Томар. Наконечник для стрелы. Провели анализ, поняли, что другого века.

— Это мой, — сказал Дизель. — У меня потерялся. С такими волнистыми линиями, да?

— Феденька, — сказал Лев. — Как это — твой?

— Так. Мне крежецкие дали поддержать. А я потерял. С линиями? Я не знал, что вы её же нашли. Вы же не показывали. Как я мог догадаться, — он как-то всё быстрее, и быстрее, и глуше говорил. — У меня костяшка потерялась, выпала где-то, я вам хотел показать, а потом забыл. Если б вы сказали хоть, а то пойди гадай, что там за находка, какой там век, какая бусина или что ещё, уховёртка какая-то, крючок для рыбалки, огниво. Я потерял, а вы обидки кидаете, факультатив закрывать собрались. Могли бы сразу по-человечески...

Он бормотал и бормотал, не останавливался, мне даже страшно стало. Никогда не видела его таким. И ни слова матом при таком-то количестве.

— Феденька, Федя, мальчик, успокойся, — сказал Лев.

Губач пшикнул:

— Пф-ф, мальчик...

— А смысл? — сказал Федька. — Вы уйдёте, а нам что? Вот куда деваться Митрохе? Вы один к нему нормально относились.

А куда вот ей? — он показал на меня. — Она в школу только из-за вас приходит.

И тут Дизель сделал то, чего даже я не ожидала. Я думала, он будет ругаться, материться. А он нет. Он заплакал. Стоит, утирает глаза кулаками, полминуты, может, но всё равно. Потом прошёл медленно к гардеробу, оделся и ушёл. Молча. Все остальные тоже молча собрались и ушли. Один Лев остался. Ну и я ещё.

— Не уходите от нас, — сказала я, — не надо.

— Да-да, детишки, — ответил он, — вот так-то.

ПРОЩАНИЕ С ЧЕРЕПАШЕСТВОМ

Скоро я попрощаюсь с черепашеством. Важно сказать, что ни одна черепаха по-прежнему не пострадала во время письма. Ни одна не рассказала, как получилось так, что Ахиллес каждый день не мог обогнать её. В понедельник он почти добежал до неё, но ему под ногу попал маленький камень. Во вторник его приманил запах вкусных плюшек. В среду — ну, что уж говорить про среду, она полноправно считается днём черепах. В четверг ему пресекла дорогу кленовая стрела, в пятницу он просто устал и его рабочий день кончился раньше времени. В субботу и воскресенье он и смотреть не мог на беговую дорожку. И потом снова наступил понедельник, и Ахиллес умылся слезами, но так и не догнал черепаху. Отсюда я делаю вывод, что больше всего во всей этой истории

пострадал Ахиллес. С чистой совестью бросаю своё писание и отправляюсь на прогулку с собакой. Мы не встретимся с вами больше.

ГРОХОТ УЧЕБНИКОВ

Я думала, никто не придёт в понедельник. Я вот, например, точно не собиралась. Но утром за мной зашёл Федька, и мы потащились в школу. Он почти бодряком, я через силу. Вчера мама приготовила мне сырники, но они меня не вдохновили, настроение было поганое. Я шла и думала, что теперь и Дизелю не захочется в школу ходить. Вряд ли кто-нибудь с ним после его слёз будет разговаривать. Нет, ошиблась, все подходили, здоровались. Как обычно, как всегда. И мне стало как-то спокойнее. Что всё как всегда. И Ирка ко мне подошла, как раньше, как в прошлом году ещё. Так, поговорили немного. Про уроки, кто что выучил. Я ничего не учила, ни по каким предметам. Да и разговаривать с ней было не так уж охота. Про что? Про кого? Про Санечку Санечку? Про Льва? Про находку? Пусть с Губановым и Дарико разговаривает, у них отлично получается. Злая я была, чего уж. На всё подряд. И видеть никого неохота. Хотя нет, когда увидела, что все наши собираются, стало как-то легче. Всё же я знаю этих людей с первого класса, привыкла.

— Ты осталась? — спросила я Катерину. Она стояла у гардероба в одежде.

— Мама за документами пошла, — ответила она. — Ухожу.

— Переедешь?
— Нет, тут остаёмся. Не хочу у дедушки одна жить.
— А-а, — сказала я. И тут прозвенел звонок. Идти на историю было неохота.

По лестнице шла вниз какая-то женщина. Я сразу поняла, что это мама Катерины. По очень прямой спине. Все они, что ли, такие, вся семья?

— Всё нормально, — сказала она. — Пойдём.

— Я позвоню тебе, хорошо? — сказала Катерина. И они ушли.

В классе не было ни Санечки, ни Льва, ни кого-либо ещё из учителей. Только мы. Все сидели просто так, без учебников и тетрадей. Тоже не учили, что ли?

— Рано пришли, — сказал Губанов, — урока не будет.

— Не надо было, — поддержала его Дарико, — хоть бы как-то предупреждали, когда не будет, подольше бы поспали.

Но в этот момент зашли Лев и Александр Александрович.

— Дети-детишки, — сказал наш учитель, — мы много пережили вместе, — он замолчал.

— Урок будет? — спросил Дизель.

— Я должен извиниться перед вами. Никто из вас не подкидывал находку. Никто из вас не хотел посмеяться надо мной, вашим учителем. Никто не хотел опозорить. Это я так сказал, сгоряча. Пожалуйста, простите меня.

Все молчали. Только Митяй сказал:

— Да чего уж.

— Это была чужая находка. Другого века. К нам она попала случайно. А я, ваш старый учитель, не разобрался. Простите.

Больше никто ничего не говорил. Ни Лев, ни Санечка. Студент молча положил журнал на стол, молча начал что-то писать на доске.

— Так урок-то будет, нет? — спросил Дизель.

— Будет, будет, — сказал Лев Ильич Давыдов, наш дорогой учитель.

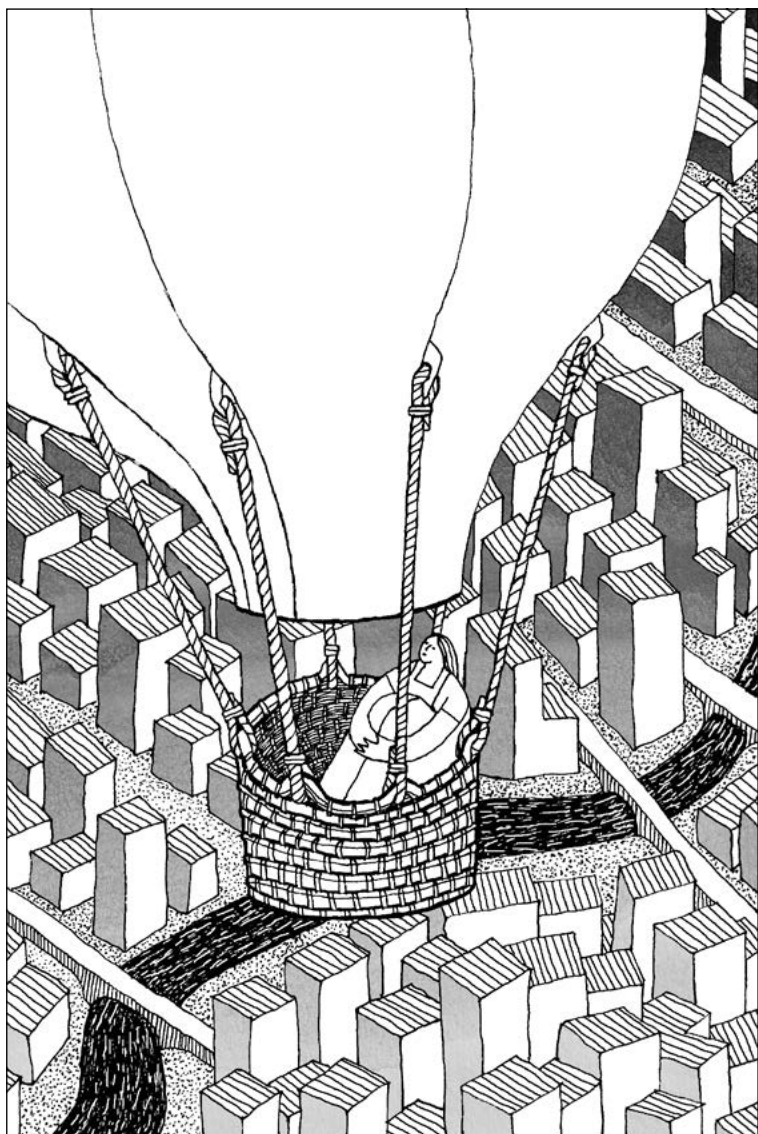
— Оукей! — сказал Дизель, достал из сумки учебник и грохнул им по столу.

И тут все стали грохать по столу учебниками, очень громко, я думала, к нам из соседнего кабинета наша классная придёт, что-нибудь скажет. Нет, не пришла. Санечка записал на доске тему урока, Лев Ильич сел за последнюю парту, на место Катерины. Начался урок.

После школы я пошла домой. Ирка звала к себе, но мне хотелось домой. Я погуляла с Маркизом, поела хлеба с молоком. Думала, не позвонить ли маме. И тут мне в голову пришла одна мысль. Я открыла свою страницу и написала:

Куплю черепаху. Назову Ахиллес.

КОСТЯ БЛЮЗ

ЖИВОЙ СТАРИК

Мне тринадцать лет, и у меня проблемы с именем. Все эти тринадцать лет. Из-за Джанис и Кости Блюза. Это они решили назвать меня как-то так. Как-то так необычно, не Дашей или Настей, как всех. Нет. Они назвали меня Хелен. Когда пойду за паспортом, поменяю его на Елену, мэйби. Ладно Джанис, она просто повёрнута на своей Америке, на своих битниках, хиппарях, волосатых и системщиках. На своём рок-н-ролле. А Блюз-то мог бы уж включить свой умище. Вон какой лоб, какие очки. Сразу видно, голова. Нет бы отговорить мать.

Мы с Курком идём немного посидеть на нашей скамейке, немного подымить. Точнее, дымить буду я, а он опять станет нудеть и дуть мне в уши всякую фигню о вреде курения. Зожник чёртов. Так-то он молчаливый, если дело не касается курения. Да я сама знаю, что это вредно.

— Зож-свистёж, — говорю я и затягиваюсь сигаретой.

Он молчит. Не в настроении. Правда, у Курка это молчание обманчивое. Он может сидеть сто лет и сопеть носом тебе

прямо в ухо. Я знаю, что значит это сопенье. Значит: зож, здоровый образ жизни.

— Замаял, Курок, — говорю я, а он машет рукой перед своим лицом, отгоняет ядовитый сигаретный дым.

Никто не зовёт его Курком, только я, нет, только все в нашем доме. В классе он — Гаджет, Хачик, Даг, у своей матери — Макс, у отца — Максуд. Столько имён для одного человека.

— Не много тебе, Курок? — как-то спросила я, а он сказал, что ему в самый раз, так ему проще шайтана провести. И улыбнулся, удивительное дело. Никогда Курок не улыбается, а тут улыбнулся. Ладно, фиг с тобой, золотая рыбка, запутывай своего шайтана, если надо.

Я специально дышу на Курка дымом. Он встаёт и идёт вниз, в овраг. Ну ок. Мы живём на краю оврага, на берегу. Вид из нашего дома — огонь. Особенно по вечерам, когда садится солнце. Белые стены монастыря, чёрные купола собора. На куполах светятся кресты, небо розовеет и в то же время остаётся голубым. Фиг знает, короче, какого цвета небо в это время, какого-то правильного. Сейчас уже глубокие сумерки, конец лета, я сижу и смотрю на небо, овраг, монастырь. Век бы так сидела, ей-богу, если бы не Курок. Прибежал, запыхался.

— Побежали! — говорит. — Там! Там дед!

Я сразу поняла, про кого он. Этот дед-сто-лет — один, кто остался жить в овраге. Виктор Петрович. Мы иногда ходим, смотрим, как он копается в своём саду. Остальные жители оврага давно разъехались, и их можно понять. Во-первых, дома

у них не очень-то, так себе домишки. Старые, деревянные. У нас, допустим, тоже старый и деревянный, но на наш хотя бы пока никто не зарится. А в овраге Засора уже ставят новые особняки. В Щавелях старые дома сожгли. Ну как — сожгли: сгорели дома, но наверняка же не сами. После пожара почти сразу туда пригнали технику, началась стройка. Центр города почти, всё близко и в то же время тишина. Вот и строят.

Прибежали к деду, Курок сразу — к нему в дом. Дед лежит на полу, не дышит.

— Помер, — говорю я.

— Живой! — кричит Курок. — Дышит. Скорую вызывай.

— А адрес?

Смешной какой Курок, какой тут адрес? Овраг, правый склон?

— На наш зови, встретишь.

Ну я, конечно, вызвала. Стою, жду. Как-то мне стало лихо: вдруг помер? Ладони вспотели. Я не видала пока мёртвых людей. Этот вот — старик как старик. Лежит на полу. Оказывается, живой.

МИССИЯ КОСТИ

Каждый день к нам приходит Блюз. Каждый день. Я отца своего вижу реже, чем его. Майк то с нами, то уходит к себе жить. Говорит: художника обидеть может каждый. И уходит. Недели на две, иногда на три. Джанис ему вслед плюёт, говорит:

— И дорогу забудь.

Всегда одно и то же, как спектакль в театре, лет пять уже. Или четыре ещё? Я помню, что ли? До этого папаша не объявлялся в моей жизни. Сидел. Он когда-то работал у нас в политехническом, на химическом факультете. Ну и нахимичил каких-то веществ. Наркотических.

— Бросил вас, — говорит Блюз.

— Он же не знал, — это Джанис.

— Мог бы догадаться. А потом уже и экспериментировать.

Майка поймали месяцев за семь до моего рождения. Пока суд да дело, я родилась. А тут и расследование кончилось, суд прошёл. Посадили. Я вот не уверена, что он мог догадаться, когда придумывал свою мурцовку. Говорят, он гений. Ну, друзья его говорят, такие же волосатые, в потёртых джинсах. Удивительно, как люди прикипают к своей одежде. Прилипают даже. Я вот жить не могу без своей рыжей жилетки. Джанис каждый раз покупает себе джинсы-клёш. Не знаю, где она их достаёт, я больше никого в них не видела. Только однажды к ней подруга приезжала из Екатеринбурга, тоже в клёшах. Ана звали. Не Аня там или Анна, а Ана. Блюз как её увидел, так немного изменился лицом. Стал серый, как сегодняшнее небо.

— Привет, Ана, — говорит. — А где Хэм?

— Хэм? В больничке отмокает.

— А я вам говорил, чтобы бежали оттуда. Сама-то как?

— Трезвая, Блюз, — говорит Ана. — Я всегда теперь трезвая.

И она показала ему руки в феньках. Блюз только глянул, улыбнулся. Позвонил Майку. Все четверо — родители и Ана

с Блюзом — сидели до ночи у нас на Поляне и пели свой рок-н-ролл. Курок пришёл ко мне, плевался.

— Там твои старики опять развели, — говорит, — свою нудятину.

Ну ок, старики — они, может, и старики, но мне, например, не кажется их музыка нудятиной. Наоборот, бодряк! У меня Джанис как слышит, что кто-то поёт Цоя или ГрОб, сразу как-то очухивается от своих бесконечных переводов, глаза живут. А Курка тоже можно понять, у него одно окно прямо на Поляну выходит, ему всё слышно прекрасно. А он эти песни не очень. Рэпчик бы ему. Ну, это его дело. Мне вот всё хорошо. Что одно, что другое. Мне нравится, когда Джанис весёлая, когда Блюз не ворчит на Майка. И когда к родителям кто-то приходит, сидит на Поляне. Ну или к Блюзу приходят. Это раньше, Джанис говорит, к нему толпы ломились. Ещё бы: гуру рок-н-рольной тусовки Кикнука, с митьками тусил, с системщиками. А теперь он сам каждого своего знакомого готов в городе схватить за пуговицу и говорить часами. Вот ему самая большая радость, когда лето, когда к нам на Поляну валят люди. Тогда я удивляюсь, откуда у нас в городе столько старых хиппарей. Многие уже лысые или с приличной причёской, почти все ходят на работу и так, по жизни, в костюмах. Но не у нас на Поляне! Тут они становятся немного дикими, как кошки. Нет, в самом деле, вот Юлиус-джан становится таким ловким, забирается на дерево и сидит там. Ему подкидывают вверх гитару, он её ловит. Поёт всем, до кого дотянется его голос. У соседа моего, Курка,

наступают тёмные дни. Я бы могла сказать, что не знаю человека, который бы так же плохо относился к нелюбимой музыке. Но я знаю такого человека. И даже не одного. Это Майк, например, мой отец. Это Костя Блюз, Джанис, дядя Юлиус-джан. Да все, все почти друзья Кости и моих родителей.

— И слышать не хочу, — говорит Джанис, если вдруг услышит рэп.

— Выключи! — говорит Майк, если это не рок-н-ролл.

— Понимаешь, — начинает объяснять Блюз про какую-нибудь попсу, — это вредная музыка. В ней нет гармонии. Ни грамма. Ты думаешь, отчего началась кали-юга? Потому что гармония исчезла. Если слушать вот это всё — меняется сознание. Побереги голову! Вот ты куришь?

— Нет, — говорю, а сама немного отодвигаюсь от него, на полшага. Но это не так-то просто, потому что Блюз тоже подвигается на полшага. Я вижу, что в двух метрах от меня стоит Малышка Ии. Вот моя цель!

— И правильно, — продолжает Блюз, — и не надо. И не пей. Я говорю, что ещё маленькая, и двигаюсь ближе к Ии.

— И ещё не ешь грибов. Вот это очень опасно! Они коварные. Сначала ты не понимаешь, а сознание уже меняется. Уже происходит. Даже собирать не надо, в лес ходить.

Пока он всё это говорит, мы придвигаемся к Малышке. Она смотрит на Юлиуса и тихо подпевает ему. Она всё делает тихо. Никогда я не видела, чтобы Малышка Ии с кем-то спорила, повышала на кого-то голос. Стопроцентная жертва для Блюза.

Мы с Костей встаём совсем рядом. Он продолжает бубнить что-то про грибы. Малышка Ии поворачивается к нам, улыбается. Костя тоже улыбается и рассказывает теперь уже не только мне. Так, сейчас надо не упустить момент, когда он будет всё больше разговаривать уже не со мной, а с Ии. Готово! Я захожу за дерево и вижу несчастные глаза Малышки, наблюдаю их беседу оттуда.

Так всегда. Я знаю, как избавиться от Костиных разговоров. Главное — найти ещё кого-нибудь, а дальше можно линять. Песни могут продолжаться, исполнители в течение вечера меняться. Солнце сядет, а Костя будет всё это время учить всех жизни. Такая у него миссия, видимо.

ПЛЮС В КАРМУ МАЙКА

Не понимаю я Майка. По мне, так он тот ещё чувак, хоть и мой отец, и так говорить про отца не принято. Но меня можно понять: я увидела его первый раз только в восемь лет, когда он вернулся из тюрьмы. Такой был солнечный весёлый день, мы ходили с мамой в магазин. Подходим к дому, вдруг она как побежит, чуть сумки не растеряла. Я тогда испугалась, думала, может, кто за нами гонится. А она бежит, кричит на всю улицу:

— Ма-айк!

Вот так протяжно: «Ма-а-айк!» Я за ней бегу, зажмурилась от солнца, запнулась и упала. Встала и реву, больно же. А Джанис уже во дворе обнимает Майка. Я как закричала:

— Ма-ма! Мама!

Майку это не понравилось, я только сейчас поняла. Потому что после того случая мама сказала, чтобы я её называла Джанис. Но в телефон я всё равно её забила как маму. А Костю Блюза — как крёстного. Поэтому, когда я теряла телефон, все звонили им. Я раз тридцать его теряла, правда, оставляла случайно в школе, в магазине где-нибудь. Один раз — в театре. Те, кто находил телефон, искали у меня в контактах какие-нибудь нормальные имена, а там из нормальных только Майк. Остальные — Джан, Малышка Ии, Курок. Одноклассники — по фамилиям просто. Не станешь ведь звонить какому-нибудь Кузнецову, чтобы узнать, чей это телефон ты нашёл. А Кузнецов и не знает, ручаюсь. Я его просто так записала, но ни разу не звонила. А про Джанис и Блюза понятно — близкие люди, мама и крёстный. Блюз даже больше чем крёстный. Если бы не он, я бы вообще не родилась. Когда Майка арестовали, Джанис думала, что не будет рожать. Но Костя её уговорил меня оставить, не делать аборт. Я так и представляю: вот он рассказывает ей, что нельзя, что плохие поступки приближают какую-нибудь двапара-югу или ещё чего. А она ему говорит:

— А работать кто будет, где деньги брать? Я же скоро не смогу.

Так, я думаю, это было. И тогда Блюз отдал ей свои деньги. И приносил потом постоянно. Где-то он зарабатывал, у братишек и сестрёнок всего Кикнука выпрашивал. Поэтому я родилась. И первое время мы могли как-то жить, это потом

Джанис вдруг вспомнила, что она училась в гимназии, подтянула свой английский и стала переводить. Теперь сидит, горбатится. А потом и Майк вернулся, здарсьте — забор покрасьте. Ну ок, теперь живём как люди. И с позавчерашнего дня я даже с китайским смартфоном.

Телефон мне, кстати, Майк подарил. Оба. Могу утверждать, что телефоны он выбирает гениально. Не зря я полтора года не могла свою звонилку ни потерять, ни разбить. И вот на днях всё же кокнула. Упала. Отсюда два вывода. Во-первых, ничто не вечно. Во-вторых, на самокате по нашему городу лучше не ездить. Даже на маленькой скорости. Нет, три вывода. В-третьих, Майк похож на нормального, хоть и гений. Как только увидел мою разбитую звонилку, вышел. Через час вернулся с этим вот дубовым смартфоном. Наклеил на него защитное стекло, поставил новую симку, отдал и говорит:

— Изделие готово к эксплуатации!

Изделие, вот ещё. Гений, чего. Не знаю, кого как, а меня лично гении пугают. Тот же Майк. Ума палата, а куда это его привело? И потом, ладно, придумал бы какое лекарство, а он... Или взять Костю Блюза. Музыкант, говорят, был от неба, с детства ездил по разным фестивалям со своей гитарой. И чего? Крыша того, слегка поехала, теперь вот каждый год примерно по месяцу лежит в больнице, как говорится, отмокает. А мир лишился гениального гитариста. Он, как гитару в руки берёт, плачет. Правда, настоящими слезами, я сама видела. Короче говоря, настораживают меня эти все талантливые и сверходарённые

люди. Непонятно, что от них ждать, то ли какой химозы, то ли нового телефона.

Ладно, плюс один в карму Майку. То есть плюс два, это же второй телефон. Это единственные плюсы у него. Остальное как по мне, так минусы. Во-первых, я не понимаю, с нами он или не с нами. То придёт, то потом поссорится с Джанис, уйдёт. Надоело уже. Больше ничего добавлять не буду, за другой минус он уже отсидел.

КУРОК НЕ ЧИТАЕТ РЭП

Когда в конце лета дело идёт к синим сумеркам, мы с Курком топаем к «Победе» и встречаем в городе Костю Блюза. Он в тельняшке и джинсах. Костю видно издалека, особенно на закате, когда его очки бликуют на вечернем солнце. А сам он — высокий, тощий и волосатый — ликует, когда видит тебя. Ликует тебе навстречу. Всем, абсолютно всем. И знакомым, и так, мимо проходящим.

Костя идёт к нам, конечно, больше-то ему некуда. Я уже говорила, что все его братушки и сестрёнки разъехались или поумирали. Или стали семейными людьми, серьёзными. Им не до него. Только с нами Костя и отводит душу, только нам и рассказывает о книгах и старой музыке. О книгах, которые раздвигают границы сознания. Представляю, как Джанис удивилась бы, если бы лет пятнадцать назад ей сказали, что сам Костя Блюз будет ей лучшим другом. Живая легенда! Сам! Каждый

новенький в их тусовке мечтал с ним познакомиться. А сейчас не все знают, жив он или уже нет. Спросили бы меня. Я бы сказала, что он жив, а к нам лично так прирос — иголку не просунуть. Или мы к нему приросли.

Мы с Курком не успеваем перейти на другую сторону улицы, Костя останавливается рядом с нами и начинает говорить что-то о Вендерсе, Бруно Ганце и последнем «Оскаре». Не успеваем мы опомниться, как он переходит к рыбке-бананке. Мы пытаемся уйти, потому что Курку надо прочитывать свои рэпчики, но у нас не получается из этого ничего. Мы двигаемся ближе к бывшему кинотеатру «Победа», и Костя с нами.

— Блюз, — говорю я, — нам надо идти.

— Да-да, сестрёнка, — говорит Костя, — но этот рассказ, ты знаешь...

Я слушаю дальше, а Курок покрывается красными пятнами — сначала шея, потом лицо. Кулаки сжимаются, а во рту как будто камни перекатываются. Никогда не видела его таким!

Но и Костя какой-то странный сегодня, как будто накурённый или пьяный, хотя этого никогда не бывает. Блюз тихонько смеётся, берёт меня за руки, чтобы я ещё немного задержалась, ещё постояла с ним. Курок хватается за руки Блюза. Что мне делать? Я смотрю на Курка, Курок — на Костю, а Костя — на небо. В глазах у него как будто бы слёзы. Совсем немного, но это не точно.

— Отпусти её, — тихо говорит Курок. Тихо-то тихо, но я не слышала, чтобы кто-то так грозно говорил отпустить. Курок убирает руки, смотрит на меня, часто моргает. Я говорю ему:

— Блюз, нам надо идти. Давай потом?

— Да-да, сестрёнка, — снова говорит он. И мы уходим. Мы идём, и я несколько раз оборачиваюсь и вижу, что Костя стоит и смотрит на небо, смотрит на крыши и солнце, которое вот-вот сядет. Но потом мы бежим и прибегаем как раз к началу. Курок прочитает свой рэпчик про рыб!

У «Победы» всё проходит как-то кисло. Точнее, у других всё отлично, все читают свои рэпчики, а Курок почему-то не читает. Испугался, мэйби, побледнел. Он ждёт до последнего, но так и не выходит. Ну ок, жалко, конечно. Мы уходим домой, молчим всю дорогу.

Дома Джанис уже спит, Майка нет, на столе лежит какая-то книжка. Я ложусь рядом с мамой, обнимаю её. Прямо в одежде.

Утром Джанис сначала ругается, что я спала в одежде, а потом говорит:

— Поеду к Косте, — и долго смотрит на меня. Мне становится жарко.

— Куда? — спрашиваю я, потому что домой к нему мы добегает за пятнадцать минут, ехать туда не надо. — Где он?

— В больнице.

— Но он только что выписался.

— В другой. Что-то с сердцем, — говорит мама. — Он пришёл вчера сам не свой. Сказал, что встретил вас по дороге. Я думала, он нервничает, что вы поздно, но Курок ведь такой надёжный. Что случилось, Хелен?

И я рассказала, как вчера мы видели Блюза в тельняшке, как он смотрел на солнце, как долго не отпускал нас.

Я рассказала почти всё. Не стала рассказывать только о том, как Курок держал Блюза за руки, как тихо и грозно говорил отпустить меня.

ЯБЛОКИ ДЛЯ КОСТИ

В больнице меня уже все знают.

— Проходи, — машет рукой Роман Сергеич, Костин сосед по палате. И я прохожу.

Неделю я не разговариваю с Курком, неделю приезжаю к Косте в больницу. Каждый день после школы. Из-за него я топлюсь поскорее выйти после уроков, забежать в магазин, сесть в автобус до Северной больницы. Немного странно, потому что обычно я из-за него опаздываю. Я встречаю Костю по дороге в школу и не могу не задержаться, чтобы поговорить минут пять. Их как раз и не хватает, когда я забегаю после звонка. Однажды весной я гнала в школу, торопилась. Но не потому что опаздывала, а потому что очень хотела в туалет. Мчу — а тут и Костя навстречу. Остановился, говорит о погоде, и чтобы я теплее одевалась, и понюхай, как пахнет весна.

— Костя, — сквозь зубы я ему сказала, — Костя, я в туалет хочу. Мне скорее.

— Ой. Ой, что же делать? Пойдём!

И он завёл меня в один закрытый двор. Просто набрал код на калитке, и она открылась! Откуда знает? Я побежала к каким-то кустам, как хорошо, что уже распустились листья. Присела

там. Костя встал неподалёку. Как мне стало хорошо! Не знаю, как сказать про такое состояние, все и так, наверно, меня поймут. Во всяком случае, все, кто был в похожей ситуации.

И вот я выбралась из кустов. Вроде бы никто не видел, хотя, если честно, мне было всё равно. В таких случаях я думаю: смотрите-смотрите, всё равно ничего нового не увидите.

У калитки нас ждал охранник, выбрался из своей будки.

— Кто такие? — спросил он. — Документики!

— Какие тебе документы, ты не полиция! — сказал ему Костя. Никогда раньше я не слышала, чтобы он так громко говорил.

— Вызову, — сказал охранник, — не переживай. Девочка, ты этого дяденьку знаешь? Кто он? Он тебе знаком?

Мне даже жарко стало. Я так испугалась.

— Знаю, — сказала я, но сама себя почти не услышала, — он мой крёстный.

— Крёстный?

— Да.

— Точно-точно?

— Да.

Охранник хмыкнул, посмотрел на нас и вдруг спросил:

— А код ты откуда знаешь, крёстный?

— Это я знаю, у меня тут одноклассница живёт. Светка Егоровых.

— Егоровых, Егоровых... Это с третьего этажа, что ли?

— Ну да. Мы в одном классе.

— Ладно, — сказал охранник. — А чего к ней не поднялась? Не успела бы?

— Ну, — ответила я, — да и она раньше выходит.

— Ну да, — сказал охранник, — ну да. Идите уже отсюда в темпе марша! Ну!

И мы вышли.

— У тебя правда там одноклассница живёт? — спросил Костя.

— Ну да. Светка Егоровых.

И я побежала в школу.

Костя сегодня выглядит уже лучше, чем вчера. Всё же время лечит, не зря говорят. Время и врачи, разумеется. Блюз не замечает меня: нашёл себе слушателя, бритого налысо парня. Тут все зовут его призывником. Ясно, подлечат и заберут в армию. Костя проводит с ним свою приготовительную работу. Втирает что-то про рок-н-ролл, музыку жизни. Так он её называет: музыка жизни! Эликсир! Вечная весна! Ну и ещё сто названий в том же духе. Кажется, парню уже надоело слушать.

Вдруг в мессенджере мне приходит сообщение от Курка. Он пишет: «Не приезжай, менты». Откуда менты? Какие ещё? Почему не приезжать?

Но я, конечно, еду. Мы с Курком договорились уже давно: если вдруг нас останавливает полиция, с ними разговариваю только я. А то у Курка акцент, хоть он и живёт тут с рождения. А из-за акцента, известное дело, могут быть неприятности. А если полицейские ещё услышат имя с фамилией — Максуд Гаджикурбанов, — точно прицепятся. Начнут спрашивать что-нибудь, а у отца Курка тут и прописки-то нет, только

временная регистрация. Вдруг им это не понравится. Родственники тёти Жени против того, чтобы она дядю Рустама прописывала. Получается какая-то странная история. Вроде бы живут вместе, но никаких документов об этом нет. Я считаю, ничего страшного, но в разных местах людям нужны какие-нибудь бумаги и справки. Как-то раз дядю Рустама побили на улице, положили в больницу, даже какую-то операцию сделали. И тётю Женю к нему после операции не пустили. Из-за того, что у неё в паспорте не записано, что они муж и жена. Потом, когда из реанимации перевели в палату, тогда стали пускать.

Значит, так. Я оставляю Косте яблоки и гоню из больницы. Кажется, он даже не заметил, что я приходила.

Во дворе у нас все соседи стоят на улице, что-то обсуждают, кто-нибудь каждые пять минут бежит к спуску в овраг, что-то выглядывает.

— Привет, — мрачно говорит Курок, — пришла полиция. Виктора Петровича обнесли.

— Какого ещё Виктора Петровича? Как это — обнесли?

— Помнишь? Ты ещё скорую вызывала.

— Ну.

— Ну вот. Его обокрали, телик вынесли.

— Ого! А у него разве телик там показывает чего? В овраге.

— Уже нет, — говорит мне Курок. — Менты спрашивали: кто скорую вызывал, кто старика нашёл?

— Ну?

— Ты вызывала, я нашёл.

Тут из дома выходит Джанис, видит меня с Курком.

— Хелен, Макс, вот вам деньги. Съездите к бабушке, поживите немного.

Курок присвистнул.

— Давайте, пока менты не видят.

— Джанис, ты чего? Они же нас в розыск объявят сразу.

— Тебя подозревают, — говорит мне Джанис. — Ты понимаешь это?

— Меня?

— Ты врачей вызвала. Как я их ненавижу, ментов этих!

— А что пропало-то у него?

— Телик, — говорит Джанис. — Медвежья шкура. Лосиные рога. Ножи очень дорогие, охотничьи. Он когда-то охотился. Собаки спать не давали, все ночи лаяли, ты маленькая была ещё.

— Ну и куда мне это? Рога.

— Они в овраге сейчас, — говорит Курок, — у старика. Ищут улики. Сказали, сюда снова придут.

У меня живот даже заболел, крутит чего-то внутри и крутит.

— Джанис, — говорю, — живот.

И тут меня стошнило. Чуть на Курка не попало. Он вскочил, а Джанис меня на скамейку уложила и говорит:

— Сунь кулак под живот и лежи.

А сама скорую мне вызвала. Ну вот. Я лежу и чувствую: не могу больше. Говорю Джанис:

— Мама, мне в туалет.

И побежала домой.

В другой раз Джанис бы рассердилась, что я её мамой назвала, но не сейчас. Когда мне плохо, мне можно делать что угодно, говорить как придумается. Если смогу, конечно. Вот сейчас смогла только пискнуть про туалет, а больше бы ничего не получилось. Хорошо, что до дома успела добежать. Выхожу из туалета — ноги слабые, перед глазами темнеет воздух.

— Хелен, деточка, врачи приехали, — мама меня встречает. Ладно, идём в комнату. Меня кладут на диван, седой невысокий врач щупает мне живот, спрашивает, какой стул, какого цвета рвота. Рядом стоит полицейский. А мне вдруг так стало не до него. Я лежу и думаю, как противно, когда тебя подозревают в чём-то. В краже ножей, к примеру, и медвежьей шкуры. И я говорю доктору:

— Я не воровала. И медведя не видела.

Врач хмурится, мнёт мне живот. Потом водитель приносит носилки, я ложусь на них, и меня уносят в машину скорой помощи. Водитель идёт впереди, а полицейский — сзади. Он держит носилки и смотрит мне в лицо. Чтобы его не видеть, я закрываю глаза.

ОДИН КАМЕНЬ С ПЛЕЧ

Наша классная, конечно, это придумала, никому другому в голову бы не пришло. У неё какая-то идея фикс: чтобы все дружили. Я с тобой, ты со мной, мы друг с другом. Я лежу в больнице который день, и сегодня телефон почти без остановки

звякает от сообщений одноклассников. То спрашивают, как себя чувствую, то пишут, чтобы держалась, желают здоровья. Можно подумать, там кто-то соскучился по мне. На первые пятнадцать, что ли, сообщений я ответила, потом не стала. Если мы не дружим в обычной жизни, то так и будет дальше. Нечего придумывать. Со мной мало кто общается, может, думают, что стрёмно, как и с Курком, я знаю, что ли. Мне кажется, просто нет никакого повода со мной говорить. Блоги я не смотрю, так, иногда, мэйби, и музыка у меня другая. Точнее сказать, никакой нет. Я большой знаток рок-н-ролла, между прочим, из-за Джанис и всех её друзей. Но лучше об этом никому не рассказывать, есть вероятность, что я задавлю всех своим интеллектом. И эрудицией. Ну на фиг, было бы кого давить.

Больничный день предолгий, такой, что к вечеру кажется, будто прошло их целых два. Курок приходил утром, Джанис — вечером. А мне кажется, будто Максуд был вчера, а мама — сегодня. Я ложусь спать и думаю, что уже шесть дней в больнице. Потом вспоминаю, что на самом деле только три. Нет, четыре, первый вечер и ночь после него я почти не помню. Мне было плохо, вот и всё, больше нечего говорить. Врач сказал: предъязвенное состояние. Ну мэйби, конечно, но откуда оно у меня взялось?

Утром мне стало лучше, и я начала считать дни в больнице. Сейчас уже три, если забыть про тот вечер. Целых три дурацких дня мне приходится тут быть, есть безвкусную еду, спать в общей палате. Слушать разговоры девчонок, моих

соседок. Ладно, шучу, я их не слушаю, мне Джанис принесла плеер, я втыкаю себе уши и иду в коридор. Сажусь на стул, поворачиваю голову направо и смотрю в окно. Просто тупо смотрю и ничего не делаю. Даже музыку не всегда включаю. Мне хочется о многом подумать. Например, о Курке и Косте и о том, с кем из них мне теперь разговаривать. Или о Майке: нужен он мне вообще или нет. Я же не знаю. Но у меня ни о чём не думается, я просто пялюсь в окно. И ничего интересного не вижу. Как будто засыпаю или обо всём забываю. Однажды очнулась, а у меня руки на коленях, спина прямая, ноги ровненько стоят, будто я совсем маленькая и сижу на утреннике в детском саду. Жуть какая, если подумать. Так никто уже не сидит. Ну ок.

Курок, когда днём приходил, сказал, что полицейские долго его спрашивали: зачем он пошёл в дом старика, Виктора Петровича, что там видел? Знает ли, где лежали ножи? Рассказывал ли кому-нибудь, что находится у ВП дома? Спрашивали и про меня: заходила ли я в дом старика тем вечером, была ли когда-то раньше там? Ничего нового он мне не открыл, у меня то же самое спрашивали. Полицейский специально пришёл в больницу поговорить. Ну так, мне не понравилось, как-то мало приятно принёс этот разговор. Совсем не интересно. И страшно почему-то, даже спине стало холодно, хоть мы ни в чём не виноваты и хоть мама всё время сидела со мной рядом. Про Курка меня тоже спрашивали: сколько времени находился в доме, как себя ведёт, не было ли приводов в поли-

цию? Приводов, с ударением на «и». А я откуда чего знаю? В последние годы точно не было, пока он тут живёт, в нашем доме. А что было раньше, не знаю. Как будто Курок мне брат родной. Мы и видимся с ним только по вечерам, во дворе или в доме. В школе он делает вид, что не знает меня. Ладно, ладно, я тоже такой делаю вид, будто мы с ним не знакомы. Это не так уж сложно, когда учишься в разных классах. У нас почему-то считается, что с Курком стрёмно дружить. Ну и со мной не очень, я уже говорила. Что касается Курка, то он скоро всех покорит, это уж точно. Готова спорить на что угодно, никто и не догадывается, какой крутой рэп он сочиняет. Рэпчик. И даже может без мата.

Вечером пришла Джанис, сказала, что полиция будет закрывать дело. Потому что все ножи, рога и шкуру никто не крал. Сын этого старика, ВП, сам увёз их из дома, пока отец лежит в больнице. Специально, чтобы не утащили. Уехал в командировку, никому ничего не сказал. И тут старик возвращается из больницы. Говорят, ему снова плохо стало из-за этой шкуры. Но в больницу он уже не поехал. Так справился.

— А телик? — говорю я Джанис. — Его тоже сын уволок?

— Телик на месте, это в суматохе кто-то ляпнул.

Ладно, нам же лучше. Одна каменюка свалилась с моих плеч.

— А как там Блюз? Выписали его?

— У Кости не была давно. Столько переводов, только и сию с английшем. Телефон у него сломан, не дозвониться.

Ну, с этим мы разберёмся. Я отправляю Курку сообщение: «Есть дело». Прибежит с самого утра как миленький.

СНОВА ЯБЛОКИ ДЛЯ КОСТИ

Все спорят, как нам называть наш город. И тут даже, в нашей палате. Кикнук или Кириллов. Одно название просто старое, а другое — древнее. Мне примерно всё равно, я думаю, оба названия так себе. Ещё когда-то город назывался Враждеком, но это уж совсем никуда. Не знаю, я привыкла к Кикнуку, но можно и Кириллов, ничего это не изменит. Блюз бы со мной поспорил, сказал бы, что Кикнук — это «два оврага» на удмуртском, а кто такой этот Кириллов, большевик и революционер, ну? И закатил бы глаза. Но какой уж тут спор, мы с ним в разных больницах. Я в Чижах, а он в Северной, и нас соединяет один только 46-й автобус, ходит раз в полчаса. Чижи — это бывшая деревня. А парк блюзовской больницы упирается в Северную набережную, вот все её и называют Северной. Даже врачи. Даже в новостях так говорят, хотя на самом деле это какое-нибудь государственное бюджетное учреждение. Надо уточнить, тут на наволочках печати с названием больницы, я этот штамп поворачиваю к матрасу, а сплю на чистом.

Я уверена была, что Курок прискачет утром, — и вот он уже тут. Мы же соседи, а кому охота портить нормальные соседские отношения? Я и так с ним неделю не разговаривала из-за Кости. Принёс пару сигарет, хотя я не просила. Я не взяла. Врач сказал, курение провоцирует язву, и, если я буду курить, он в следующий раз откажется меня лечить. Вот тебе и жож-свистёж. Теперь придётся беречься, хоть какое-нибудь время, диета, каши, ничего острого. Врач с Джанис поговорил, вот она прифигела. Говорит ему:

— Да Хелен нормально у нас питается.

А врач:

— А лапшу быструю ест? Пельмени на ужин? Копчёную рыбу? Имбирь в сахаре?

Имбирь в сахаре, боже! Надо попробовать. Остальное мы едим, точно. Особенно летом, когда вся братва собирается на Поляне. Готовить особенно никому неохота, вот и завариваем лапшу. Настругаем колбасы — и в тарелку тоже, всё это сверху залить майонезом и кетчупом ещё. Вот и наелись. А рыба — это Юлиус-джан. Приносит щепочки, готовит. Такая получается — не голодный, а съешь всю, с костями даже. Все едят, даже Малышка Ии. Она обычно только запахами питается, ну, яблоками, морковью. А тут берёт немножко с тарелки Юлиуса. Никак, кстати, долго не могла понять, что у них за отношения. Юлиус вокруг Ии порхает бабочкой, стул ей пододвигает, когда она хочет сесть. Еду ей на тарелку собирает, приносит. Она тихо ему говорит спасибо. Часто они сидят в обнимку. И при этом я точно знаю, что у Юлиуса есть жена. Я её даже видела раз, встретила Юлиуса с ней в магазине, в «Спице». Долго я гадала, пока Курок однажды мне не сказал:

— Ты чо, они же брат с сестрой. Похожи даже.

Я пригляделась: правда! Похожи. Юлиус толстый, Ии худая, но что-то общее есть. Скулы, мейби, веснушки по всему лицу. Вот Курок глазастый! Сидит там в своей комнате, на нас на всех смотрит, всё видит. А к нам не выходит.

— Слушай, — говорю Курку, когда он приезжает со своими сигаретами, — съезди к Косте, а? Телефон у него сломан, никто

не знает, как он там. Сходи к Джанис, она тебе денег даст. Купи яблоки, что ли. Он их любит. Мэйби, помирись.

— Да какие деньги, — говорит Курок, — приезжала твоя братва, Джан этот с сестрой. Привезли три мешка яблок, весь дом ест, а у нас шарлотка третий день, мать печёт.

Три мешка! Я даже запах почувствовала, так захотелось яблок. Хоть бы одно Курок принёс, так нет, знает, что мне нельзя.

— Отлично, — говорю, — ты яблоки возьми и так Блюзу и скажи, что это Малышка и Юлиус-джан приволокли. Он рад будет.

— Ладно, — соглашается Курок, — сделаю.

— Врач сказал, меня завтра могут выписать. Буду сама к Косте ездить. Или вместе.

— Ладно, — опять говорит Курок, — будем.

И стоит, не уходит. На скамейку рядом со мной не садится. Ждёт будто чего-то.

— Чего? — спрашиваю. — Рэпчик сочинил опять?

— Ну да вообще-то, ага.

— Читал кому?

— Не. Тебе хотел.

— Класс, — говорю, а хотела же сделать вид, что мне всё равно. Эх, не получилось. Всё же люблю я его рэпчик. Да и самого его рада видеть, чего уж. А рэпчик отличный получился, очень даже. Тем более тут про меня и про Костю! Я Курка просила ещё Косте его прочитать, но он не очень настроен. Ну ок, пусть хоть яблоки отвезёт.

СТЕША ПАК

Стеша! Вот тоже имечко. Со мной в палате лежит одна такая Стеша.

— Детское имя, — я ей говорю. А она:

— Обыкновенное. Полное знаешь как? Степанида.

Ещё не легче. Степанида. Четыре слога. А если она ещё какая-нибудь Вячеславовна? Вообще бесконечное имя получается. Ладно, фамилия короткая, Пак. Степанида Пак. Так и тянет её по фамилии звать. Мы с ней как сошлись — жилетками. Меня сюда положили, а перед выпиской мне мама привезла жилетку. Рыжую, мою любимую. Я надела, смотрю, эта Стеша тоже свою напяливает. Джинсовую, а на спине рисунок — чёрно-белый зонтик, как шахматная доска. Я, как только её в жилетке увидела, подумала: уж не сестрёнка ли нашему Косте? Такой у неё был вид в ней — ликующий, как бывает только у Блюза.

— Ты Костю Блюза знаешь? — спрашиваю её.

— Костю? Блюза? Погоди-погоди, как будто что-то знакомое. Но не, не знаю. А чего?

Чего! Ну я ей коротко рассказала, что он мой крёстный, что нам помогает, мне и Джанис. Не знаю, чего это меня на открытость потянуло. Наверно, из-за её жилетки. Сразу видно своего человека. Я вообще не понимаю: почему люди так редко носят жилетки? Это же такая красота. Впрочем, пусть не носят. Мне так будет проще определять своих людей. Тех, с которыми интересно. Вот Стеша меня явно понимает. Я ей говорю:

— Так люблю ходить-бродить...

— Ага! И подслушивать!

— Точно. И в окна заглядывать!

— Не прилетало тебе ещё за это? — спрашивает она.

— Не. Однажды дядька из окна кулак показал. Я смылась.

И мы смеемся. Оказывается, Стеше тоже кулак показывали. Из-за природного любопытства.

— Вредная привычка, — говорю я, — подглядывать и подсматривать, всем интересоваться.

— Хорошая привычка! — отвечает она. И мы смеемся. Давно я ни с кем не разговаривала так. Так, чтобы смеяться всё время. Мне даже из больницы уходить расхотелось. То есть я просто поняла, что завтра снова увижу своих одноклассников и среди них нет ни одного человека, с кем было бы легко. Легко так же, как со Стешей. Ни одного.

— Ну ты что! — говорит Стеша. — Меня выпишут через пару дней. Ты где живёшь?

Вот тебе и здрастье. Мы уже стали родными людьми за этот наш разговор, а до сих пор не знаем друг про друга, кто где живёт, в какой школе учится. Даже телефонами не обменялись. Ну, это мы, конечно, стремительно исправили. Оказывается, Стеша живёт не так уж далеко, у Кикнука-второго, у старинного вокзала, он был первым в нашем городе. Если мне идти по моей Московской, то я почти дойду до неё, правда, потом придётся свернуть на Народную Волю. Народная Воля! Песня, а не название улицы.

— У тебя всё такое странное? Степанида Пак, Народная Воля?

— На себя посмотри! Хелен Измествьева! Никогда не встречала человека с таким именем.

— Это ты ещё с Курком не знакома! Сейчас он приедет за мной.

— С кем, с кем? — спрашивает она и хохочет. — Костя Блюз, Курок!

— Джанис ещё, — говорю я, — Майк, Юлиус-джан.

— Мама дорогая, — смеётся она, — иди скорее домой, я тут с тобой лопну от смеха!

— Малышка Ии, Ана, — не могла я остановиться. — Сейчас пойду. А, вот и Курок.

Курок подходит к нам, такой серьёзный, что мы снова хотим, не можем остановиться. Он стоит, чешет репу, потом говорит:

— Ну вы даёте, — и сам начинает смеяться.

Так мы и стоим в больничном дворе. Мимо проходят санитарки, больные, гости больных. Все смотрят на нас. И нам так хорошо втроём. В другое время я бы не спросила, а сейчас мне жить не давал один вопрос.

— Слушай, — говорю я Курку, — скажи, со мной тоже считается стрёмно общаться? В школе. С тобой вот стрёмно.

— Ну-у...

— Ну скажи. Мне-то пофигу, просто любопытно. Очень.

— Ну типа, — говорит Курок.

— Из-за Джанис?

— И из-за Майка.

— А Блюз?

— Вот да, Блюз!

— О! Снова Блюз! — говорит Стеша и хохочет. И мы тоже смеёмся. Потом уезжаем в Северную больницу, к Косте.

СВОИ

Мы едем молча от Чижей до конечной, Северной больницы. Молчим, будто это не мы только что хохотали и не могли остановиться.

Костя выглядит гораздо лучше, нет серости в лице, глаза весёлые. Он разом обнимает и меня, и Курка, и в этот момент я чувствую, что вторая каменюка сваливается с моих плеч. Каменюка под названием Костя/Курок.

Пока Блюз перечисляет, чем я должна питаться (и попутно — чем не должна), мне звонит мама. Я кое-как убеждаю её, что я сытая, здоровая, что скоро приеду. Блюз не обращает внимания на то, что я уже разговариваю не с ним, и продолжает свою агитацию за зож-свистёж. Как давно я его не видела! Неделю. Зайка мой. Нет, не зайка, скорее, что-то среднее между осой и собакой. Такой же бывает назойливый, как оса. Такой же верный и любимый, как собака. Да, именно так, кто-то между осой и собакой.

Мы ещё болтаем, но тут в палату заходит медсестра и объявляет, что время посещений давно закончено. Блюз передаёт маме привет, и мы с Курком двигаем домой. Идём и снова

молчим. Интересно: вот когда два человека молчат, это считается общением или нет? Мы идём вместе, в автобусе едем вместе, садимся рядом. Просто молчим. Мне кажется, это всё равно общение. С другими мне бывает молчать тягостно, что ли. Хочется поскорей куда-нибудь смотаться.

— А хорошо ведь, — говорю я, — что у старика никто ничего не украл, да?

Курок кивает, молчит, постоянно молчит дорогой мой сосед и друг Курок. Потом говорит:

— Я уж думал, всё. Засудят.

— Не засудили бы. Мы же ничего не сделали.

Курок мотает головой, говорит, что я ничего не понимаю. И мы снова молчим. Он смотрит в окно, а я — на него. Мне интересно смотреть на него, пассажиров в автобусе, на кондуктора. Вот кондуктор садится на своё место, считает деньги, сбивается, снова считает. На остановке входят пассажиры, он берёт с них деньги, выдаёт билеты. Не хотела бы я так работать. Это смотреть несколько минут интересно, а работать — да ну на фиг, скучно. Сзади в автобус чуть не врезается какая-то «шкода», наш водитель выглядывает из своего окошка, кричит, показывает кулак. Такая обычная жизнь, оказывается, я так соскучилась по ней, когда лежала в больнице.

— Ты знаешь, что «Победа» закрылась? — спрашивает Курок. — Не кино, а пустырь тот забрали. Поставили забор. Не будет больше батлов.

— Сгорело что-нибудь? Там дом был вроде.

— Сгорел, ага.

Он так это спокойно говорит, будто это не бог весть какое дело — спалить дом, хоть и нежилой. Спалить, а потом построить на его месте какую-нибудь лабуду.

От остановки до нашего дома не так уж близко. Вечером в сентябре мокрый асфальт блестит под светом фонарей и машинных фар. Люблю это время: можно идти и думать о завтрашнем дне, смотреть на чужие окна и представлять, что делается в незнакомых квартирах. Ещё люблю, если вдруг из какого-нибудь окна запахнет едой, жареной картошкой или грибами. Да хоть компотом из сухофруктов! Мы идём с Курком, и вдруг я замечаю впереди кого-то знакомого. Точнее, не кого-то, а Майка, своего отца. Он идёт в голубых джинсах, белых кедах, подпрыгивает, перескакивает через лужи. Внезапно поскальзывается и падает. Вот нелепый всё-таки человек! Я однажды спросила Джанис, почему она его любит.

— Знаешь, просто люблю, — сказала мама, — он твой отец. И потом, не так много людей, с которыми я могу вспоминать прошлые дни, своих друзей. Они мне снятся, а кому я могу рассказать свои сны? Даже Костя не любит воспоминания.

Мы с Курком помогаем Майку встать.

— Эх ты, — говорю я ему, — вроде бы взрослый человек, а скачешь.

Мы идём дальше втроем. Да нашей Поляны и нашего дома совсем близко. Навстречу нам идёт какой-то толпняк, человек восемь. Они кричат, свистят, машут руками.

— Мужик, — говорит один из них Майку, — мужик, закурить есть?

Майк вытаскивает из кармана сигареты, и тот дядька забирает у него всю пачку. Майк молчит.

— Алё! — говорит Курок. — Последнее воры не берут.

— Да? — спрашивает дядька и закуривает. — Тогда на.

И он возвращает почти полную пачку Майку, только ещё пару сигарет засовывает себе за уши. Пожимает руку Майку, Курку, мне и идёт к друзьям, кричит им:

— Это свои, свои!

ТОЛЬКО РОК-Н-РОЛЛ

Первый раз такого человека встречаю. Все, кто знакомится со Стешей, все начинают её обожать. Что Джанис, что Курок. И даже Майк! Мне он никогда не говорит, что рад меня видеть и всё такое, а Стеше сказал. Когда она у меня объявилась, он ей руку пожал, говорит:

— Рад познакомиться.

Это Стеша на следующий день после больницы пришла ко мне. Мне надо ещё её с Костей познакомить. Он точно будет рад, может быть, даже больше Майка.

Мы заходим втроём к Косте в палату, и он сияет нам навстречу. Стеше он, конечно, тут же устраивает проверку. Спрашивает, какую музыку любит, какие книжки читала. Оказывается, она много читает. Я, например, читать особо не люблю, разве только могу бесконечно рассказ про Эсме с любовью и всякой

мерзостью. Отличный рассказ, я готова его читать раз в полгода. Или даже чаще. Если мне приходится бывать в книжном магазине, я сразу ищу эту книгу, «Девять рассказов». Хотя она у меня дома лежит, даже в разных переводах.

— Ты неужели не читала этот рассказ? — спрашивает Костя Стешу.

— Всё, что угодно, читала, — отвечает она, — но только этого рассказа не читала.

— Погоди, погоди-ка, — говорит ей Костя и лезет в ящик тумбочки, — может быть, у меня есть.

Он вытаскивает всё, что находит. Мыло, зубную пасту, туалетную бумагу, пару книг, бритву.

Бритву! Не понимаю, для чего ему бритва? Не видела никогда людей таких же усатых, бородатых и волосатых, как Костя. Я думала, он и слова такого не знает. Что-то в последнее время я стала много думать, мне кажется.

У Кости нет этой книжки.

— Я принесу, — обещаю я Блюзу.

— Не надо, дай лучше почитать Стеше, — говорит он мне. А Стеше: — Ты когда к Хелен пойдёшь? Сегодня? Вот сегодня же и прочитай. Вслух.

— С выражением? — спрашивает она. Костя морщится, продолжает свою проверку. Рассказывает Стеше о Лу Риде, конечно. Тут же цепляет на неё наушники, включает свой плеер. Ну ок. У неё глаза так широко открылись, кто бы видел! Всё, с этого момента Костя её принял в своё семейство братишек и сестрёнок. К тому же выяснилось, что папа Стеши когда-то играл в рок-группе, и Костя эту группу немного знает. То есть он

не помнит, кто в неё входил, но музыку, которую они играли, он смог даже напеть. Такой человек, музыку запоминает лучше, чем людей.

Когда мы выходим из больницы Блюза, Стеша только и делает, что рассказывает, как ей понравилась музыка. Курок идёт немного пришибленный. И я его отлично понимаю. Он-то надеялся, что в его компании рэперов прибавится народу, а Стеша на The Velvet Underground мгновенно под села.

Но не всё у него потеряно. В автобусе Курок читает ей свой рэп про ископаемого динозавра, и она улыбается до ушей, а потом просто смеётся. Курок, кажется, счастлив. Я тоже — хотя бы потому, что я здорова, и мы едем ко мне, и я покажу свой любимый рассказ Стеше. Обычно мне не с кем поделиться этим своим рассказом. Курок давно его прочитал, но вообще-то ему нравится немного другое. Фэнтези, как моим родителям. Вот уж кто готов бесконечно читать про каких-нибудь орков, эльфов и прочую братию. Курок постоянно приходит к нам за книжками. С Майком они могут долго обсуждать какой-нибудь тёмный лес, белого мага или чернокнижника. Причём обычно говорит только Майк, а Курок кивает, слушает и читает одновременно. Иногда он поднимает глаза на Майка, задумчиво говорит:

— Рагнарёк.

И читает дальше. Курок убеждён, что скоро наступит конец света. Из-за этого, наверно, почти все его рэпчики про что-то страшное. То смерть, то зомби-апокалипсис.

Мы идём мимо Поляны. И тут Стеша останавливается и говорит:

— Шикардос! Что это?

— Поляна, — отвечаю. — Мы тут шашлыки жарим. Видишь мангал?

— Мангал, — повторяет она. — Слушай, это же гениально! Всё, завтра же проведём батл. Или какую другую движуху.

Она тут же достаёт телефон, звонит кому-то и рассказывает, что нашла офигенное место, просто закачаешься. Мы идём ко мне, и она звонит ещё кому-то и ещё. И всем говорит одно и то же. Про батл. Под эти разговоры мы втроём закатываемся ко мне.

— Приятно познакомиться, — говорит Майк, когда Стеша кладёт трубку. — Это какой ещё батл?

— Рэп-батл! — отвечает она. — Курок, ты готов?

— Ну-у... Я?

— Ничего! — говорит Стеша. — Всё бывает в первый раз.

— Но я... — мямлит Курок.

— Никаких батлов на нашей Поляне! Только рок-н-ролл! — говорит Майк и выходит в коридор.

— Только рок-н-ролл, — повторяет Стеша.

ФОТОГРАФИЯ НА ПАСПОРТ

Вот здарсьте, забор покрасьте: Курку пора получать паспорт! Ему исполнилось четырнадцать, ещё перед моей больницей, пока я с ним не разговаривала. Он идёт фотографироваться, ну и мы со Стешей тоже. Не фотографироваться, а так, за компанию. Курок надел рубашу с жилеткой, брюки и стал

не очень похож на себя. Как будто он такой паинька и ни разу не сплёвывал сквозь зубы.

— Слушай, тебе ещё розочку прицепить на карман — полное «Их разыскивает полиция» будет. Парадная фотография.

— Ладно, чё ты сразу, — говорит Курок и немного улыбается. Стесняется.

Идти нам совсем недолго, до Центральной гостиницы вверх, потом направо, перейти перекрёсток — и на углу будет маленькая фотостудия «Фото на документы».

Но идти со Стешей — целое приключение. Она в самом деле готова заглянуть в каждое окно, я думала, шутит. Пока мы дошли до гостиницы, прошло минут двадцать, хотя обычно я туда добегаю минут за пять. Стеша успевала посмотреть по сторонам, заметить, какие цветы стоят на подоконнике, увидеть интересных прохожих. И правда, оказалось, что в нашем районе есть много на что посмотреть. На стадионе тренируются футболисты, Стеша замечает, что один из них не в форме, а тренер — лысый.

— Подождите, — говорит она, — сейчас они будут делать пробежку, три круга.

И спортсмены побежали. Мы прождали: три круга, действительно. Только зачем нам это знать, сколько кругов и в какую сторону они бегают в 15–45?

У гостиницы мы останавливаемся, чтобы дожждаться, когда из неё кто-нибудь выйдет. Вышел мужчина в белом костюме, это осенью-то! Короче говоря, очень много всего мы увидели, пока дошли до студии.

Фотограф оказался человеком опытным, он понял, какую фотографию нам надо, кто будет фотографироваться.

— Садись на стул, молодой человек, — говорит он. — Так, подбородок повыше. Немного налево, нет-нет, совсем немного. Вот так, да. Смотрите сюда.

И щёлкает. Один кадр. Разворачивает экран с фотографией к нам и Курку.

— Чего-то не очень, — говорит Курок, — ну вообще-то... Ладно.

— Сделайте ещё кадр, — просит Стеша, — он нам дорог в другом виде, получше.

Фотограф снова командует, куда посмотреть, сделать по-приветливее лицо. И снова фотографирует. Но нам и этот кадр не нравится, и мы просим переснять ещё. А Курок говорит:

— Да нормально, чего...

Фотограф делает ещё кадров шесть, пока Стеша не говорит, что вот, теперь всё отлично! Нам распечатывают фотографии, и мы вываливаемся из фотостудии. Завтра Курок пойдёт получать паспорт.

— Ты что, и паспорт будешь так же получать? — спрашивает Стеша.

— Как — так же? — говорит Курок.

— Ну ты сейчас чуть не взял сразу первый кадр, дурацкий.

— Да кто его разглядывать будет, паспорт, какая разница.

— Я буду разглядывать, — говорит Стеша, — вот нарочно к тебе приду и попрошу показать паспорт. А там ты такой угрюмый, будто тебе не четырнадцать, а все восемнадцать и тебе

завтра в армию! А вдруг тебе завтра в паспорте не то отчество напишут или запутаются в имени? Ты тоже скажешь: да ничего?

— Ну нет, не скажу, — говорит Курок. — Смотри, Блюз идёт. Куда это он?

— Пойдём к нему! — говорит Стеша.

— Лучше давайте зайдём во двор, — говорю я, — там как раз один дом разваленный стоит, я всегда хотела побывать. Деревянный. Может, подойдёт место?

— О, давай, — сразу же соглашается она, — а чего не побывала?

— Ну как-то мне одной не очень, — говорю я, — мэйби, там кто прячется.

— Уверяю тебя, никого там нет, — говорит Стеша, когда видит дом. Мы бродим по доскам, находим соску-пустышку, начинается нудная морось. В большой комнате Стеша что-то напевает, чтобы проверить акустику.

Но дом не годится для батлов. Во-первых, очень уж бесприютный, а во-вторых, тут рядом военкомат.

— Забреют ещё в армию кого-нибудь, — говорит Стеша, и мы бежим под холодным дождём к дому. Курок прячет конверт с фотографиями в карман, но они всё равно размокают.

ПЕВЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Наша Поляна становится популярным местом в городе, как я погляжу. Точнее, не только сама Поляна, но и площадь рядом с ней. Халтуринская, что ли. Ни разу меня её название

не интересовало. Тоже мне площадь: пустырь пустырьём. Только с памятником этому самому Халтуруину. И вот под ним по субботам стали собираться коммунисты. Придут, включают свою шарманку, она играет и поёт разные революционные песни. Про то, что всё плохо, а надо, чтобы стало хорошо. Так громко, даже в нашей комнате слышно. Где-то с весны коммунисты начали там собираться, проводить митинги. Мы сначала не поняли, что эта радость надолго. К нам пришли друзья Джанис и Майка, распалили мангал. И вдруг — эти самые песни. Кто бы видел, как Блюза всего перекорёжило! Будто он три лимона подряд проглотил и теперь даже вспоминать об этом ему кисло. Юлиус-джан не лучше выглядел, Малышка Ии заткнула уши. Майк сбегал на площадь, прибежал, говорит:

— Они тут на два часа. Пошли пока в хату.

С тех пор коммунисты каждую субботу по два часа митингуют у нашего Халтуруина, поют свои песни. А потом уже приползают волосатые, тихо-мирно жгут угли в мангале, делают шашлыки. И тоже поют, только своё. Как горланит моя Джанис, кто бы слышал! Почти как та самая, Джоплин.

Теперь вот и рэперы будут свои батлы проводить, если Стеша не свистит. Просто певческое поле какое-то, как в Финляндии или Эстонии. Мне даже стало жалко, прощай, тишина нашей Поляны. Ладно, мы тут живём, а другим-то почему это место нравится?

— Ты что? — говорит Стеша. — Во-первых, это центр города, всем будет просто добраться. Во-вторых, мангал у вас стоит

так, что с улицы не заметишь, когда кто-то тусуется. Получается, что тут центр, но найдут только свои. И лишний раз на глаза никому не попадутся. И название: Мангал! И вообще огонь!

Ясно, когда говорят, что у нас огонь, я всегда думаю, что это про вид из нашего окна или с нашей Поляны. На овраг и монастырь. Со смотровой площадки на лестнице вид гораздо беднее. Ну что — крест на самом большом куполе продолжается телевышкой. Такой там угол обзора. Вообще, конечно, могли бы подумать строители, где ставить вышку. Когда её строили, в монастыре был бараночно-сухарный комбинат, Джанис говорит, пахло ванилью по всей округе. Ладаном так сильно не пахнет, только если зайти в монастырский двор, встать возле какой-нибудь церкви. Я раз приходила, постояла — приятный запах.

— Представляешь, темнота, октябрь, батл и огонь в мангале горит! — продолжает Стеша.

— Но тогда вас быстро вычислят.

— Точно. Ладно, придумаем что-нибудь.

А мне вдруг так расхотелось, чтобы тут собирался кто-то кроме нас. Как будто свою родную вещь пришлось кому-то отдать. Или даже не пришлось, а она выпала у тебя случайно, а кто-то другой подобрал. И забрал себе. И ты ничего поделаться не можешь. У меня было такое раз, в прошлом году. Я несла букет цветов первого сентября. Вдруг уже почти у самого класса на меня налетели трое мелких, класса, мэйби, из первого-второго, но первый класс ещё так не носился, значит, из второго. Они друг за другом бежали, и каждый — каждый! —

врезался в меня. У меня букет полетел из рук. Я на них, конечно, наорала, но цветы захотела тут же выкинуть. Не выкинула, отдала Лизон. Ну ок. Потом, когда Лизка их классной дарила, мне вдруг так жалко стало. Классная улыбалась хорошо, любо-дорого дарить, когда человек так радуется. Но было поздно, всё, поезд ушёл, букет завял. Так я думаю. И вот как-то так же и с нашим Мангалом, блин, Поляной. Как быстро названия некоторые приживаются, надо же.

— Как думаешь, — спрашивает вдруг Стеша, — получится у него?

— А?

— Ты заснула, ага? Третий раз уже спрашиваю, получится ли у Курка на батле кого-нибудь победить.

— Не получится, — говорю, — к нему завтра папа приезжает. И у вас тоже не получится тут собраться.

— Факт, — говорит Курок.

— Так что, видно, вам придётся пока поискать другое место, — говорю я Стеше.

— Ага, — говорит Курок, — не даст он.

ГОЛОС ДЯДИ РУСТАМА

Папа у Курка нормальный, только очень уж любит тишину и порядок. Говорит, за вахту ему невыносимо надоедает, когда кругом люди, шум и гам, хочется дома от этого отдохнуть. Когда он приезжает из Москвы, весь дом у нас затихает.

На неделю, две или даже четыре. Смотря сколько выходных у дяди Рустама. Даже мы, на другом этаже, в другом конце коридора, музыку почти не включаем. Так, тихонько. Когда дядя Рустам слышал митинг коммунистов — так кричал, думаю, было слышно на том берегу оврага. Во всяком случае, мёртвый старик Виктор Петрович выбрался из своего дома к нам во двор. Захотел, говорит, посмотреть, кто это такой горластый. Они с дядей Рустамом спелись, именно. Выпили и стали распевать народные песни. Совершенно не представляла, что папа у Курка знает столько русских песен. Он же дагестанец.

Каждый раз, как только дядя Рустам садится в Москве в поезд, он звонит тёте Жене, говорит, что сел в поезд, завтра будет дома. Потом он кладёт трубку и через полчаса снова звонит тёте Жене. И снова говорит, как он скучает и что завтра, уже завтра, представляешь, завтра он будет дома. Потом он звонит Курку, говорит ему по-дагестански, что завтра приедет домой. Потом он ещё несколько раз звонит тёте Жене. Потом обычно пассажиры зовут проводника, чтобы он авторитетно сказал, что уже ночь, все хотят спать, а дядя Рустам им мешает своими разговорами, я ведь говорила, какой громкий у него голос? Если в его отпуск на Поляне будут собираться рэперы — им мало не покажется. Я просто уверена, что он не даст им проводить ни слэмы, ни батлы.

— Так что вам придётся пока поискать другое место, — говорю я Стеше.

— Ага, — говорит Курок, — не даст он.

- А надолго он приедет? — спрашивает Стеша.
- В этот раз, может, надолго. Месяц точно.
- Месяц! Мы не можем ждать так долго! Курок, поговори с ним. Он же тебе разрешит.
- Угу, — мычит Курок, — двести раз разрешит. Жди.
- Всё так плохо? — спрашивает Стеша.

Всё так плохо, факт. Никогда дядя Рустам не одобрит никакую музыку под ухом. С митингами коммунистов он немного примирился, утром по субботам просто уходит к Виктору Петровичу. Им там, в овраге, коммунистические песни не слышно. Они свои поют. И всем ок. Когда митинг заканчивается, мы слышим из оврага песню про коня на поле. Всегда именно её. Тогда Майк или Джанис ставят другую песню, «Конь унёс любимого», и у меня в голове звучит стерео про коней. Майк или Джанис включают музыку негромко, чтобы дядя Рустам не услышал. А то он будет петь всё громче и громче. Почему-то он не переносит, когда кто-то поёт или разговаривает громче него. Я думаю: как же с ним на вахте люди живут? Или там он тихо говорит?

Однажды к нам пришли братишки и сестрёнки Кости Блюза, Джанис и Майка. Ну, обычная компания: снова Юлиус-джан, Малышка Ии, Хэнк, ещё кто-то был, кажется. Быстро был разведён огонь в мангале, быстро стали жариться шашлыки. И Юлиус запел свою любимую «Жёлтую подводную лодку». Когда он её поёт — это всё! Любой начнёт подпевать, танцевать. Веселее я ничего не слыхала. И вот мы пели «Субмарину»

уже раз третий или четвёртый, когда подошёл дядя Рустам. Он дождался, когда песня кончится, и вдруг как запоёт «Дубинушку»! Юлиус прижал уши, Малышка Ии спряталась за мангал, Костя подошёл вплотную к папе Курка. Тот отодвинулся от него. Костя снова подошёл вплотную. Дядя Рустам отодвинулся, но стал петь громче. И так продолжалось и продолжалось, пока вся «Дубинушка» не кончилась. Папа Курка и Костя за это время почти дошли до дверей нашего дома.

— И чтобы тихо! — сказал издалика дядя Рустам и погрозил пальцем.

Юлиус-джан приложил руку к виску, как будто он отдаёт честь по-военному.

Петь в тот раз мы не прекратили, но поняли, что лучше нам в самом деле быть потише. Юлиус тихонько трогал струны гитары, шёпотом пел. Мы все шёпотом ему подпевали. Иногда кто-нибудь начинал смеяться, говорить, что никогда, никогда в жизни он не пел шёпотом. И смех этот казался нам очень громким.

ДО МАЖОР

Далось им всем это переименование. Пришёл новый губернатор и решил разобраться с названием города. Всюду проходят опросы, в школах, в домах культуры, в церквях лежат листы бумаги, на которых надо расписаться. Ты за Кикнук — расписываешься на одной бумаге. За Кириллов — на другой. Так это всё надоело.

Сегодня на истории Валерия говорит:

— Ребята, давайте обсудим, как нам называть свой город.

И голос такой — как на открытом уроке, когда приходит комиссия. Тут все сразу же начали выкрикивать свой вариант, поняли, что, может, сегодня без новой темы обойдётся.

— А как вообще вы думаете, может быть, не стоит переименовывать город? Может быть, начать с улиц? Вот какую улицу первой стоит переименовать? Лена?

Сразу я. Стоило полежать в начале года в больнице, как тебя начинают спрашивать на каждом уроке.

— Площадь Халтурина, — говорю, — и коммунистов оттуда убрать. Надоели уже, каждую субботу поют.

— И как бы ты её назвала? Спасская, как прежде?

А я знаю, что ли?

— До мажор, — говорю я, — нормально с неё будет. А вообще я не думала.

— До мажор. Жалко, что ты так формально относишься к этой теме. Будто тебя это не касается.

— Меня касается, я просто не думала. А меня ещё не переименовали, я Хелен.

Зря вот я с ней связалась. Теперь она на каждом уроке будет меня спрашивать, хоть с места даже, не у доски. И всегда так говорить — «Хелен». Как бы сказать. По-особенному говорить. Ну подумаешь, Лена, я тоже от своего имени не в счастье, можно было промолчать, наверно. Всю жизнь меня все Леной называют. А теперь получается, будто я оправдываюсь.

Ей какое дело, что я там думаю? Может, я только и делаю, что думаю, только побежала ей всё сразу выкладывать, ага. Я ещё толком не решила, как я сама себя переименую, чего уж суетиться с городом?

Из школы мы в кои-то веки идём вдвоём с Курком.

— Слушай, — говорю я ему, — как город наш называется, я уже запуталась?

Он смотрит на меня как на дурочку. Вздыхает и ничего не говорит.

— А площадь Халтурина, ты думаешь, как можно назвать? По-новому или по-старому? И вообще как?

— Тебя историчка, что ли, укусила? — спрашивает Курок. — Ко мне сегодня прицепилась: как назвать да как назвать наш город? Я от неё-то устал, а тут ещё ты.

— А ты придумай рэпчик про это.

— Угу, — говорит Курок, — побежал уже. Тапки теряю.

Я поняла, что этот разговор можно не продолжать. Тем более что Курок сваливает домой, а я поворачиваю в сторону дома Блюза. Надо проведать, его сегодня выписали из больницы, но сказали пока не давать нагрузку на сердце. Я думаю, что каждый день ходить в магазин, а потом подниматься на четвёртый этаж — большая нагрузка на сердце. В лифте Костя не ездит, у него клаустрофобия, повышенная тревожность и ещё что-то, так просто инвалидность не дают. Думаю, в лифте его сердце ждёт самая большая нагрузка.

Дома у Кости пахнет какими-то благовониями и старыми чемоданами. Но ещё больше — горелой фасолью: Костя

пытался подогреть консервы, но что-то, похоже, пошло не так. Я выкладываю яблоки на стол.

— Яблоки хорошие, — говорит Костя, — не вредные. Только яблоки китайки вредные, поверь мне. Там много аллергенов. В других не так много. Ты принесла хорошие. Это какие? Белый налив?

Мне нельзя яблоки, но я не могу удержаться, надкусываю одно — и рот заполняет добрый глоток сока. Точно, это белый налив. Ура! Я иду ставить чайник по узкому коридору. Он узкий из-за того, что всюду стоят коробки и старые чемоданы. Можно подумать, что Костя — заядлый путешественник. Но нет, в чемоданах он хранит пластинки, кассеты — аудио и видео, диски, самиздатовские журналы и книги. Пока греется чайник, я открываю большой чёрный чемодан, который стоит у самой кухни. В нём журналы, листаю один. Все материалы напечатаны на пишущей машинке, буква «р» очень сильно пробивает бумагу своей ножкой. Всё написано только на одной стороне листа. На последней странице — фотография. Она так наклеена, что немного коробит бумагу. Я вглядываюсь в лица людей, надеюсь отыскать Джанис, Майка, Костю, но никого не узнаю. 94-й год, Джанис было пятнадцать, Косте — лет тридцать пять. Чайник кипит.

— Присмотрела что-нибудь? — спрашивает Костя. Это про пластинки. Блюз такой фанат пластинок, что ему кажется, будто все, кто попадает в его дом, хотят включить проигрыватель и поставить пластинку. Или по крайней мере диск. Я говорю:

— Кто там, в первом номере 94-го года? Фотография на последней странице.

Блюз чешет репу, вспоминает. Я могла бы притащить журнал, но мне хочется посмотреть, как Костя постепенно вспоминает. Мне нравится наблюдать, как в голове у человека появляется нужная мысль, воспоминание.

— Это к нам приезжали братики из Перми, — говорит он, — это они там.

Я несу журнал в комнату, показываю фотографию Косте.

— Вот Сэм. Ага! Вот Колечка, смотри какой, — рассказывает Костя, — в него была влюблена наша Лиззи, вот эта. Она даже сорвалась и поехала с ними в Пермь, — и Костя надолго замолчал. Я пью чай и слушаю тишину. Но не выдерживаю и спрашиваю:

— И? Что потом? Что было дальше?

— Она пропала, — говорит Костя, снимает очки и вытирает глаза. Вроде он не плачет, а глаза мокрые, — пропала сестрёнка. Мы ездили искать, перевернули всю Пермь...

Вот всегда так. Почти все истории, которые рассказывает компания Джанис, Майка и Кости, так заканчиваются. Что с кем-то хорошим что-нибудь случается.

— А потом?

— Нашли, в Глазове, в Удмуртии. Они поехали с Колечкой стопом обратно к нам. Зимой. К местным вписались, подружились. Там трасса пустая, глухая, не ездят, если надумаешь. А одна вообще не ездят. Поняла?

— К нам-то вернулись?

— Да. Лиззи потом умерла, быстро. Простыла. Надсадила здоровье. Курила ещё как подорванная, выпивала сколько-то. Колечка уехал, забрили в армию. Всё. Чечня.

Я убираю журнал, что-то мне больше не хочется слушать Костины воспоминания. Звонит Стеша, я ей говорю адрес и код от подъезда. Она прибегает почти в ту же минуту, приносит хлеб, яблоки, макароны. Костя ставит для неё пластинку «46». Удивительное дело! К Блюзу попасть домой не так легко, а уж чтобы он поставил пластинку — для некоторых предел мечтаний. А Стеше он поставил сразу же. Она слушает молча, Костя подпевает, а я читаю в том журнале репортаж с одного стародавнего нашего рок-феста. И вдруг Стеша говорит:

— Приходите к нам на батл в субботу. Курок будет читать. Даже Волков собирается прийти. Знаете Волкова? Дедушка кикнукского рэпа. Ну, Волков! Придёте?

Костя смотрит на меня, на Стешу.

— Ну конечно, — говорит он, — конечно, сестрёнки.

МАЙК И КОСТЯ БЛЮЗ

Пульс у меня, наверно, 120, не меньше! Или даже все 140. В ушах — мощное стерео: с одной стороны Майк с Юлиусджаном играют Yellow submarine, а с другой — Крапива, приятель Стеши Пак, читает рэп о том, какой он крутой. Стеша смотрит на него во все глаза. Я стою посередине и вижу, как

Крапива и другие рэперы идут в мою сторону. Майк с Юлиусом идут навстречу. Вот-вот они встретятся, и мне надо будет решить, на какой стороне остаться. Если, конечно, не перемешаются и не начнётся драка. Так мне кажется. Хотя какая драка, это же будут неравные силы. Майк и Юлиус — взрослые люди. Но если подумать, рэперов больше. Я стою, а вся эта движуха всё ближе и ближе ко мне. Я думаю, что ни за что не отойду, ни за что не дам им подрасться.

Сегодня утром к памятнику Халтурину, как всегда, пришли коммунисты. Они включили свою музыку и начали обсуждать — вот сюрприз! — переименование города, переименование улиц.

Потом к нам пришла Стеша, вытащила из дому на Поляну.

— Максуд, ты в школу? — спрашивает его дядя Рустам.

— Мы к мангалу, — отвечает Стеша.

— А в школу?

— Опоздали уже, — снова говорит Стеша.

— Максуд. Ты обещал мне учиться.

— Мне он тоже обещал. Что сегодня почитает свои текста, — опять Стеша.

— Текста?

— Ну, рэпчик, — объясняет наконец-то сам Курок, — такие как бы... Текста, да. Придётся?

Но дядя Рустам только покачал головой. Мы ушли. Толкались на Поляне, видим, идёт Майк с двумя гитарами: соло и бас. С ним пришли Хэнк, Малышка Ии, ну, обычная компания Джанис.

Но сегодня их как-то особенно много. Юлиус пришёл не один, а со своими двумя сыновьями лет по восемнадцать-двадцать. Все они сразу занялись делом: разводили огонь в мангале, настраивали гитары. А Костя не пришёл, крёстный, называется.

Когда разбрелись коммунисты, у памятника стали собираться друзья нашей Стеши, рэперы. Майк с Юлиусом запели Yellow submarine, а в это же самое время Крапива завёл свой рэпчик. И теперь я стою между двумя этими армиями и хочу только одного: чтобы они остановились. Чтобы никто больше не двигался в мою сторону, иначе меня разорвёт, иначе сердце моё не выдержит и выскочит из грудной клетки. Мне страшно по-настоящему. Никогда ещё не было, чтобы столько людей одновременно приближались ко мне. Они подходят всё ближе. Вот уже каждая компания в полуметре от меня. Наконец Юлиус и Майк останавливаются. Стоят на месте и Крапива, и его приятели.

— Ребятки, — говорит Майк, — вы ничего не попутали? Это наша поляна, свалите по-хорошему.

— Смотри, олды территорию метят, — отвечает Крапива.

— Думают, их менты не заметят, — подхватывает рыжий парень рядом с ним.

— Ребята, я серьёзно, — говорит Майк таким тоном, что я понимаю: он и в самом деле серьёзно. Я закрываю глаза и начинаю визжать. Как говорится, не знаю, что на меня нашло. Мне показалось, это лучший выход из положения. Кто-то пытается закрыть мне рот ладонью, я открываю глаза и вижу

Майка. Но через три секунды его уже держит за руки Костя Блюз. Он говорит тихим голосом:

— Братик, братишка, ты чего? Ты чего это, Майк? Тише, тише. Ти-ше. Пусть ребята погуляют.

Майк пытается вырваться от Кости, но тот держит его очень крепко, я даже не думала, что он такой сильный. Вроде бы у него самая могучая сторона — голова и умище. Прибегает Джанис и тоже вцепляется в Майка.

— Уходи, — говорит она, и мне снова хочется завизжать, — уходи, я не помню тебя таким.

Я вспомнила, как мама сказала, что это один из немногих людей, которого она помнит совсем юным.

Майк встаёт под мой любимый ясень, скрещивает руки на груди, улыбается и говорит:

— Всё-таки тут будет только рок-н-ролл.

— Уходи, Майк, — говорит Блюз, — уходи. Не трогай ребяток.

Майк поднимает с земли свою гитару и играет всё ту же «Жёлтую подводную лодку».

— Мама, — говорю я, но она не смотрит на меня. Тогда я говорю: — Папа!

Никто из них не поворачивается ко мне, они смотрят только друг на друга. Каким-то непонятным взглядом.

— Э, а чего все замолчали? — рядом с Майком встаёт дядя Рустам. — В чём дело-то? Что за митинг? Майк, дорогой?

Майк не отвечает, он один продолжает играть свою «Субмарину». Громче и громче! Как будто звуки у него в руках и он

со всей силы кидает их на струны. Дядя Юлиус начинает тихонько подыгрывать ему. Кажется, будто звуки проплыли рядом с ним и он успел их поймать и передать струнам. Начали играть и два сына Юлиуса. Они точь-в-точь повторяют за отцом, игра у них какая-то мягкая.

Крапива и его друзья разворачиваются и медленно идут с Поляны.

— Э, алё! — вдруг говорит Курок. — Я не понял, а как же батл? Куда все?

— Давай, Максуд! — говорит тихо дядя Рустам. И Курок начинает читать свой рэпчик. Самый последний, я такого ещё не слышала. Может быть, он придумал его вчера, или ночью, а может быть, только что, я знаю, что ли? Его рэпчик ошарашивает меня, будто мне в голову кто-то вкладывает тяжёлые неровные камни. Сначала хочется наклонить голову, а потом, наоборот, поднять её и сказать что-нибудь всему миру. Но я не говорю, потому что всё это уже есть в его рэпчике.

КОМБИНЕЗОН

комбинезон пилота воздушного шара
рыжего цвета папа когда-то купил на ибэй и мне сказал носи
я рос и мечтал стать пилотом как папа сказал своё гран мерси
но он так пристал как будто оса за тобой летает носи занимайся лети
воздушный шар покупает в корзину меня сажает лети мой сынок лети
звони мне сверху давай расскажи каково там в небе без папки и мамки
совсем один
как ты совсем один

как ты совсем один

я буду ждать тебя дома внизу я как собака свернусь клубком
сейчас обернусь я быстро ты любишь мороженое я сейчас в магазин
а я говорю нет папа не надо я не хочу так папа пойду пешком
забери свой рыжий комбез капитана воздушного шара я буду кем-то
другим

я стану кем-то другим

я стану кем-то ещё

тут мама встаёт в дверях говорит слушай отца и немедленно вымой руки
обед на столе ты где до полуночи бродишь
ты думаешь я смогу я выдержу дни разлуки
конечно отдай комбез конечно для роли пилота ты мой малыш
не подходишь

тут я говорю позвольте как не подходишь откуда ты мама знаешь
обед твой давно остыл и ты я смотрю не въезжаешь совсем меня

не понимаешь

да кто тебя понимает кричит отец ты как так с матерью говоришь
пойди вымой рот как в детстве в пижаму и спать и больше чтоб

я не слышал

ложишься спать наступает такая противная тишь заснёшь не устоишь
ты спишь и во сне летишь ты в рыжем комбезе летишь

НЕ В КИТАЕ

моего отца сработали не в Китае
руки-ноги приделали нормальную голову дали
посидели подумали и айда
Рустамом младенца назвали
он вырос выучился молодцом только вот беда
нет нормальной работы не устроиться никуда
ничего подумал Рустам в Москве целенького возьмут
была бы шея ей найдётся хомут

в Москве и правда работа нашлась
на вахты ездил Рустам уставал на стройке
руки-ноги болят по спине житуха прошлась
познакомился с мамой сказал выходи за меня
не гляди свысока я найден не на помойке
стали жить переехали в город Кикнук
всё казалось бы хорошо
каждый день халяльные голубцы колбаса сосиски
только родственники жены никак
не дают в своём доме прописки
говорят ты хач кто знает что у тебя на уме
он им паспорт все справки снилс инн резюме
ни в какую упорствуют денег приказывают неси
он на вахты в Москву то на стройку снова
то на склад то водилой такси
разве имя мне не богатырь не Рустам
я работаю тут и там и там и ещё вот там
руки-ноги шея хомут
за кого он думает меня держат
что спокойной жизни мне не дают
время шло я родился Максуд и меня родня
прописала в свой старый дом
чем я лучше отца да ничем я такой же хач
ничего путёвого в голове рифмоплёт хохмач
чтец и жнец городских законов толмач

МОЙ ГОРОД

мой город ты всё время думаешь будто мы всё время думаем о тебе
ни вздохнуть ни охнуть как любим тебя никогда не покинем
в этом твоя ошибка мы думаем чего нам в этой пустой ходьбе
туда и обратно и снова туда так недолго коньки откинуть

а что в нашем городе нет работы разве только для дворников
но они как раз не работают потому что им почти ничего не платят
из автобуса выйдешь в минус четыре полетишь на лёд расшибёшь голову
летом после большого ливня не пройдёшь как в болоте стели гати
в плюс пятнадцать ветер и пыль непроглядная вечером не ходят автобусы
но не всё так плохо мой друг бывает хуже нам говорят историки
там где-то там есть хорошие города на земле на глобусе
зато нам есть что придумывать есть о чём каждый день призадуматься
есть просторы для споров для зубовязной риторики
Кикнук или Кириллов как называть город нам теперь не до юмора
тут серьёзная вещь решается ты за крепы скажи
или старые бездуховные ценности нам теперь за название поясни
вариантов тут два Кикнук или Кириллов ответишь как надо
мы не тронем с тебя одно слово давай отвечай здоровьем своим рискни
ты за Кикнук или Кириллов
ты за Кикнук или Кириллов
я говорю за дворников вышел на улице подмести вышел лёд колоть
левая рука метёт правая видишь колет не устаёт
голова не думает я за Кириллов или за Кикнук
простите бро не думает голова после школы отвыкла
просто встаньте со мной на лёд
просто возьмите у меня лом
и не ссыте за тем углом
хоть в Кикнуке хоть в Кириллове

РЫБЫ

моё детство прошло среди голых и скользких рыб
вечерами помнишь ходили спускались с тобой на реку
рыб ловили костры горели домой возвращаться влом
помнишь тех отморозков и с ними тот жуткий тип
я запомнил его я запомнил его я запомнил его я запом...

и ты тоже не выкинешь из башки его его так называемого человека
это был наш самый опасный наш крейзи трип
и мы поняли жизни какой мы знали её больше уже не будет
ты сказала молчать никому никогда никому
если не говорить совсем никому ты думала мы забудем
он подходит ко мне бритый говорит даг а ты бы валил по-быстрому
твоя цыпа пойдёт со мной а вот эта видишь пойдёт с тобой
ты ей вынесешь бабки тогда мы твою отпустим здоровой целой и чистой
ну я чё я пошёл конечно а бабок нет на кармане откуда взяться
дома материну заначку вынес той потащились мы с ней обратно
знала б мать с кем сыночку мне с кем пришлось связаться
ладно выручил помнишь ты мне бросалась на шею кидалась в ноги
мы идём домой темнота уже фонарей там нет по дороге
слышим кто-то шуршит навстречу высокий в плаще помятом
за спиной коса в свете дальних фар сверкает сверкает сверкает так жутко

ребята

мы легли в траву и лежим не отсвечиваем не дышим
мимо топает старая смерть мы её дыхание слышим
вот дошла до нас вот остановилась видим носом воздух вдыхает
мы лежим вжались в землю чувствуем жизнь из пальцев от нас утекает
вдруг идёт тот тип от реки со своими идут мои деньги делят
мы лежим те идут смерть стоит неизвестно в чью сторону косой нет даже

пальчиком

пошевелит

в общем парни остановились видно от страха ноги приклеились не уйти
и куда побежишь от старой горбатой с косой это надо было сюда

забрести

а она подходит к ним ближе ближе господи что за жуть
говорит отдай не своё и косой так: фьюи-фьють
и они из карманов всё высыплют всё достают
деньги на дорогу прямо к её ногам не кидают а так кладут

убегают и мы бы тоже с тобой бежали но тут она повернулась
говорит ну что же ребятушки забирайте бабки свои скорее
мы встаём на прямые ноги не гнутся руки не поворачивается шея
берём все бабки и боком боком спасибо едва шепнули мороз по коже
она головой кивнула пропала я эти бабки обратно в заначку матери
спрятал

она не знает а главное батя не знает тоже
мы потом неделю на реку не ходили не было охоты
а пришли и берег пустой эти больше туда не ходят
мы кидаем в реку прикорм рыбы его клюют клюют скоро весь проглотят

ВЗВЕШЕН НА ВЕСАХ

итак медосмотр приготовились одноклассники
вставать очень рано зато не учиться сегодня
рентгеном просвечивают ищут болезни опасные
потом окулист хирург поставит отметку годен
пойду к терапевту пусть тоже смотрит и пишет
и вот прихожу он слушает как мои лёгкие дышат
как сердце моё мою кровь гоняет качает толкает
как связки смыкаются размыкаются сколько я вешу
вставай на весы говорит я встаю молодой человек
говорит я вас не смогу утешить
вы взвешены на весах и найдены слишком лёгким
вы взвешены на весах и найдены слишком нерусским
ну да говорю моё имя Максуд фамилия Гаджикурбанов
когда я хожу по городу ни один из ментов
меня просто так не пропустит
хоть вечером поздно иду или утром рано
они без весов то же самое определяют:
я найден слишком нерусским

не всё мне можно легально
они говорят эй даг не смотри на меня нахально
а я не смотрю иду опускаю плечи
молчу чтобы не смущать акцентом родной моей речи
и ты если хочешь быть со мной приготовься малышка
на каждом углу меня могут остановить
и свиданью нашему большая железная крышка
зато на весах эта крышка на много кило потянет
и никто ни один полицейский в мою сторону и не глянет
мне имя Максим погнало Курок зацени-ка
и с этого дня я больше не даг я больше не горемыка
меня взвешивали на весах находили немного тощим
меня взвешивали на весах находили немного тощим
меня взвешивали на весах находили немного тощим

ДИНОЗАВРЫ

в нашей земле полно динозавров ты их знаешь конечно в лицо
пологие берега исползала а зачем находят их всех на крутых
они простые ребята не как ты сидишь на колёсах ловили живое мясо
винпоцетин тебе говорю гоняет кровь во-первых будит мозг во-вторых
включай побыстрее мозги нужны ли тебе динозавры нужна ли их
тёмная кость
ты скажешь что деньги нужны за кости выручишь точно много дадут
догонят добавят скажу я тебе и проблем ещё полную горсть
сиди потом и гадай на ромашке когда синяки сойдут переломы когда
заживут
однажды я помню ты говорила как шла по берегу из глины торчала кость
ты потянула ещё потянула она ни на дюйм ты нашла лопату и начала
копать
копаешь всё глубже копаешь всё дальше тебя гонит тупая злость

всё дальше и дальше уходит кость понимаешь сегодня её не достать
приходишь назавтра опять целый день кость по-прежнему ни на дюйм
ты уже раскопала большую пещеру туда можно гостей водить
вот приходит мэр города говорит тебе остановись
ты уже подкопала город подкопала вечный огонь
ты сказала ему я копаю и буду копать а ты хочешь так провались
мэр заплакал ушёл все жалели его но никто не почуял вонь
это ты докопалась наконец до края наконец можно кость достать
только вот незадача тянуть одной тяжело но некому помогать
потому что ты подкопала город подкопала вечный огонь
три театра четыре завода все гостиницы на берегу все дороги
это всё полетело к тебе под землю до сих пор там и лежит и полно
тревоги
мы конечно отстроим город мы зажжём опять вечный огонь
только ты не гуляй по нашему бережку а увидишь кость так не тронь
и к тому же хочу сказать кости долго заразой полны
раскопашь чего достанешь и вот болеет гляди полстраны
так что детка держись подальше от всяких костей от всяких подальше
костей
не хватало ещё тебя увидеть опять в выпусках новостей

ЗОМБИ-АПОКАЛИПСИС

зомби-апокалипсис наступил поздняя осень и мы выходим с тобой
из дома
прячемся в голых ветках прячем глаза не встречаемся со знакомыми
вдруг они нам уже не знакомы?
вдруг они уже стали зомби и теперь побегут за тобой
за мной и тобой да моя королева
бежим бежим же отсюда некогда думать о каком-то припеве
бежим отсюда моя королева

зомби-апокалипсис всё гуще и гуще слетаются зомби как мухи на мёд
мы спрятались в доме мы заперли все двери но это не спасёт нас
нет вряд ли это спасёт
нам надо что-то делать куда-то потеряться чтобы нас не нашли
помолчи сидим тихо-тихо моя королева
помолчи не ной нам не надо припева
ты говоришь мне зомби — их не надо убивать надо быть гуманными
а я говорю тебе зомби они тебя не пожалеют отхлещут тебя вениками
банными
потом на костре поджарят с чесноком съедят из серебряной рюмки
запьют
кости запакуют да нет просто так везде рассыут
всюду рассыут
мне страшно открыть глаза моя королева
я знаю: зомби впереди и сзади справа и слева
не страшно лишь тебе о моя королева
поздняя осень и мы не выходим из дома зомби-апокалипсис наступил
медведь в реку лапу а зомби тебя укусил смертельным вирусом тебя
заразил
и вот ты сидишь глазами внутрь я боюсь с тобой рядом быть
с тобой рядом теперь никому не быть моя королева
не зря я не придумал к этой песне припева
не зря я не приду...

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

всё внимание детка мне это я тебе говорю это сам курок
слушай когда ещё остановлюсь с тобой тебе дам урок
это знаешь ли редкость знаешь ли это счастливый шанс
я обойду тебя трижды три и ты сразу же впадёшь в транс
слышишь детка слышишь этот противный хрип этот громкий вой
видишь небо треснуло раскалённое солнце над головой

это даже ты даже даже ты поймёшь я сейчас тебе изложу
это плач всемирный огромный вой даже я погляди дрожу
это просто умник нашёлся такой никому ничего не сказал
утром встал амбал
дважды два сломал
шестью шесть сломал
даже десятью десять он смог сломать
что уж тут сказать про паршивые пятью пять
про родные всем пятью пять
словом умник тот умноженья таблицу сломал
всё по-своему посчитал
передоказал
и теперь трижды три девяти не равно совсем
теперь это будет то ли сорок то ли всего лишь семь
я не помню детка не знаю но я скажу что такого горя
не видали нигде ни на суше учёные ни моряки на море
ни строители
ни родители
ни ученики ни учителя ни чиновники
ни матерые уголовники одинокие подполковники
всё сломалось тут же детка испортилось в тот же час
рестораны закрылись автобусы стали в доме свет погас
все идут к амбалу посчитай как было ну пощади ты нас
мы ни есть ни пить ни гулять ни спать считай ничего
мы помрём совсем хуже вируса косит нас через одного
косит нас через одного
так что слушай детка беги отсюда скорей беги
не оглядываясь послушай я тебе скажу мы же не враги
добежишь проси приюта в ближайшем космическом корабле
поспеши их скоро совсем не останется на земле
без таблицы умножения никому земля не зашла
сразу даль далёкая пыль из космоса всех к себе призвала

все как крысы сдёрнули только я пойду пойду сам курок
я найду амбала может быть он не так суров он не так высок
я заставлю его всё как было опять сложить
только вы не вернётесь теперь буду один тут жить
до свиданья детка прощай гудбай и давай пока
улетай скорей и не жди от меня звонка
никогда от меня звонка

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

западный ветер восточный ветер какое разнообразие
вчера в спину сегодня уже в лицо на завтра обещан штиль
как штиль кто и что мне будет волосы развеять
кто что не поможет не помешает зонт удержать бежать
с прогнозом погоды я Курок выражаю своё полное несогласие
ты там холод ослабь там ветер прибавь солнце что ли усиль
с одного на другое давление поменяй
давай подкрути немного облака расстреляй из пушек
всё равно погода испортилась климат слетел с катушек
пусть время вернётся назад на секунду назад
на минуту назад на сутки назад на месяц
дальше можно не продолжать догадаетесь сами кому куда надо
какую кому погоду кому каких людей рядом
и тогда наступит полная благоухань полная хренотень
вместо ночи день вместо утра день
вместо поезда зелёная электричка
вместо ключа смотри отмычка сейчас вылетит птичка
закаркает свинным голосом заголосит сухопарой волчарой
ментовозка тебя заберёт лети не лети чёрным вороном птицей гагарой
вот такое будущее мой друг вот такая жизнь ожидает тебя на улице
лучше тебе сидеть дома лучше тебе не гневить бога прогноза погоды
смотри влетишь на серьёзные бабки на непредвиденные расходы

так что попусту ни по жаре ни по дождику не разгуливай
а разгуливаешь так молчи молчи каждая благодать погода
каждая капля на твою голову принимай её благодарно как советуют
старики
вот тогда тебе праздник жизнь вот тогда тебе жизнь не мои кривые стихи

СПУТНИК

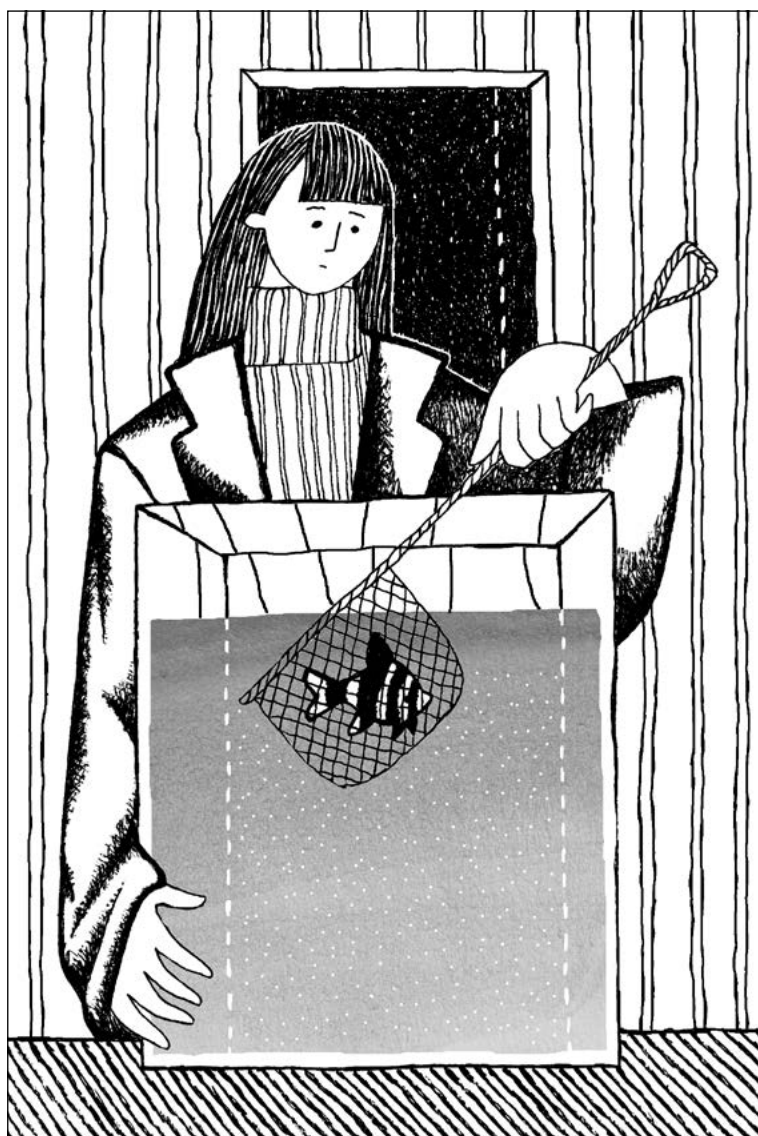
кому сказать свою сегодняшнюю печаль
соседка ворона летела летела и улетела вдаль
и моя кошка орала бежала вороне вслед
я думаю эта картина со мной останется на сто лет
а всё потому что кошка сошла с ума
гонялась она за вороной три дня и ей надоела весьма
однако ворона знайте же благородный и умный зверь
ни ухом ни рылом не понесла репутационных потерь
она только каркнула в горло воронье своё
покинула ранним утром своё дорогое жильё
и улетела совсем улетела вдаль
за ней убежала кошка мне кошки отчаянно жаль
ну ладно ворона советует другое гнездо
а кошка умрёт пропадёт спасёт её кто да никто
и я закрываю свои голубые глаза
а по щеке горячо течёт и течёт слеза
о кошка ко мне обратно прошу вернись
мы заново будем делать нашу совместную жизнь
тебя я отныне на поводок посажу
мы будем гулять только вместе вот что тебе скажу
ты знаешь кошка к земле новый спутник пристал
диаметр шесть метров в центре соли кристалл
земля как ворона оглядывается летит
на спутник на солёный метеорит

чем кончится эта погоня этот по кругу забег
но кошка вернись я прошу тебе твой побег
я буду рассказывать сказки с утра и до ночи тебе
ты кошка естественный спутник в моей непростой судьбе
но кошка не слышит она за вороной бежит
а спутник верно за нашей землёй летит
он что-то сказал бы но голос дрожит дрожит

46-Й АВТОБУС

выхожу один воздухом подышать поглазеть на сентябрь месяц
никого со мной все друзья лежат серьёзно болеют
я стою один на автобусной у главного здания политеха
они в разных больницах между ними ходит сорок шестой автобус
я не знаю в какую сторону мне на нём ехать
я не знаю в какую сторону мне на нём ехать
говорю водителю мне туда и туда нужно
говорю кондуктору я туда и туда поеду
вот вам деньги на два билета и не забудьте сдачу
два свидания сразу я боюсь не смогу не сдюжу
а водитель мне мы сейчас к северной а потом обедать
а кондуктор мне надо же какой ты сегодня приткий
мы сначала обедать а потом считать пассажиров билеты деньги
забери свою сдачу отойди не мешай от тебя нам одни убытки
я стою на автобусной я не знаю в какую сторону ехать
я не знаю в какую сторону мне сперва ехать

НОВОЕ ЧЁРНОЕ ПАЛЬТО

Новое чёрное пальто было коротким, а главное — узким, пуговицы не сходятся. Непонятно, как мама могла так промахнуться, впервые с ней такое. Ну, дальше будет хуже, наверно. Дальше всегда бывает хуже. И военное она не любит, а тут — то ли френч, то ли китель. Ну пусть китель. Назло отцу, что ли, купила? Что сделаешь, удачно получилось, пальто отдали Полине. Китель. Она его надела, пошла в школу. Вот она-то совершенно точно назло отцу. Да и маме тоже. Это они только друг с другом ругаются, но что касается Полины — тут они вместе и заодно. Поздно не ходи, уроки учи, что там ещё? Телефон новый не увидишь. Да-да, и куртки тоже. Вот тебе пальто, деточка. Деточке плевать на это пальто, но раз новой куртки нет, ладно, сойдёт и это.

Конечно, обновку заметила Сонька. Она как раз вешала пуховик на свой крючок. Поцокала языком, показала палец вверх, ушла на урок. Какой сегодня первый? Физика? Полина её ненавидела. Нет, конечно, интересно про то, что там происходит, скольжение какое-нибудь, сопротивление, но все эти формулы... Лучше бы не было. Считать это всё — какой-то запредел.

Ладно, сходит на физику, на алгебру, на всё остальное сходит, может, успокоится, что ли, а то так всё внутри и горит как будто, плакать хочется от любой ерунды.

Физика прошла себе, и ура, к доске Полину не вызвали, хотя она бы могла рассказать про силу трения много чего, да всё, пожалуй, кроме формулы, кроме того, как её вычислять. Но не вызвали, хорошо, живём дальше. Так же и на других уроках, сегодня просто отличный день! Короткий, пять уроков. Если бы ещё не ходить домой, то есть вообще больше не заходить. Полина пошла вместе с Сонькой, как бы уроки учить. Посидит у неё пока. Хотя ночевать оставаться не хочется. Да и мама поймёт, где она. Отец наорёт опять. После того случая Поля не может его называть папа, только отец. А он от этого ещё больше кипитится, видно же, хоть и делает вид, что ему всё равно. Было бы всё равно, его бы каждый раз так не перекашивало. Пусть себе помучается, а сколько Полине пришлось от него вытерпеть. Он, конечно, говорит, кто старое помянет, или ещё новенькое появилось у него: не суди, и не судим будешь. Хоть бы уж не судима тогда, всё-таки Поля и мама женского пола обе. Но ему это всё пофигу. Он ещё и радуется, когда ему Полина говорит:

— Не судима.

— Не судим! — отвечает он. — Не судим! Так сказано в Библии.

В Библии! Что там ещё сказано? Совсем уже поехал головой со своей Библией. Конечно, хорошо, пить перестал, но иногда Полина задумывалась о том, что, может, было бы лучше, если бы всё оставалось как раньше. Она бы тогда ушла из дому к бабушке, была бы причина. А теперь? Отец работает, деньги

приносит, Полину воспитывает. Если бы хоть не воспитывал. И ещё маму заодно принялся муштровать. В армии, говорит ей, ты бы не справилась — это она, по его мнению, кровать медленно заправляет. Хлеб не так режет. Дует на чай, а надо так, сразу. Он и Полине говорит своё, про армию. Далась ему армия, единственное большое у него воспоминание, похоже. Только в армии и был, больше никуда не ездил, жалел деньги. Зато служил он, говорил, в красивых местах, на Дальнем Востоке, другой край страны, вот уж повезло.

Дома у Соньки поели, выпили чаю. Сели за алгебру. Опять формулы, но с Сонькой как-то быстрее всё соображаешь, они вслух всё проговаривали, всё решение. Сначала умножаем, потом делим — ну, всё такое. Решили. Завтра геометрия. Вот это засада, конечно, тетради с собой у Полины не было. Решать на листочке, что ли? А завтра? Не будешь ведь сдавать листочек, Людмила только оборжёт тебя, сиди обтекай весь урок. Ладно, Полина перевернула тетрадь по алгебре, открыла её с конца и там сделала домашку. Опять же вместе с Сонькой. Русский проще, она бы могла и сама его, но раз уж они вместе, то вместе и сделали. Короткое было задание, половина обычного, на Ларису, видно, доброта и милота напали, она немного задала. Вот что делает с людьми беременность. Ходит она уже еле-еле, живот такой, что Поля боится, как бы она прямо на уроке не начала рожать. Интересно, кого она родит, мальчика или девочку? Хотя какая разница. Родит и родит, к ним придёт кто-то другой, другая учительница.

Сделали уроки на удивление быстро, дома бы Полина только села за них. Пока в инете посидишь, пока в шашки компу

продуешь, пока чего-нибудь поешь. Вот Сонька совсем не такая, а какая-то... собранная, что ли. Всё у неё по полочкам в голове. Школа, уроки, рыбы и кошки. Села возле аквариума, кошка Тесла сразу на колени вскочила. Сидят и смотрят обе на рыб. Сонька долго может так смотреть. Главное, что-то там такое видит кроме рыб. Будто бы какой-то вселенский смысл даже.

— Ой, — говорит, — грибок! У барбуса, новенького.

И ушла на кухню. Поля уже знает для чего, не первый раз такая история.

— Марганец наводишь? — спросила из комнаты.

— Ага, — ответила Сонька, — воду придётся менять, наверно, а то все сейчас заболеют.

Полина посмотрела на трёхлитровые банки у батареи. Пять банок — вода уже отстоялась, всё Сонька предусмотрела.

— А я подозревала, — кричит она из кухни, — что грибок может быть. Барбусика этого купила позавчера, — и она пришла с литровой банкой едва розовой марганцевой воды, — что я за балда! Надо было его на карантин подольше посадить, хоть на неделю. А я утром уже в аквариум выпустила. Утром никакого грибка не видно было.

Полина смотрит на барбуса суматранского. У него должны быть маленькие белые как будто прыщики — грибок. Но ничего не видит. А она ведь уже не первый год всю эту возню с рыбами наблюдает, должна уже на раз-два отличать. Нет, не видит. Хотя барбусов в аквариуме три, может, не на того смотрит?

— Что-то не вижу я ничего, — говорит она Соньке.

— Не видишь? — она снова садится у аквариума и внимательно смотрит на барбуса, на этого золотого с чёрным

и рыжим красавца. Вот она сразу видит, который из них новенький. — Ладно, — говорит Сонька, — пусть немного полежится, хуже не будет.

Она берёт сачок, полминуты гоняется за рыбой и вылавливает её. Вытряхивает в банку с марганцем.

— Слушай, — говорит Полина, — а откуда у тебя марганец, его же вроде уже не продают?

— Ха, у меня ещё дедушкина банка до половины не использована. Хватит лет на пятнадцать.

Она снова смотрит на своего барбуса, теперь уже в марганце.

— Нет, пусть посидит отдельно, пока он мне всех не перезаражал.

Через пять минут сажает его в отдельную банку, закрывает крышкой с дырочками, чтобы Тесла не достала. Она уже тут как тут, трогает лапой банку, хочет поймать барбусика.

У Соньки в аквариуме барбусы, гуппи, меченосцы. Всё вроде.

— Ещё я петушков всё хочу купить, — говорит она, — но не знаю, начнут драться, все хвосты гуппёшкам пооткусывают. И грибок у них часто. Вот я видела гурами пятнистого позавчера. Огонь вообще! Но вообще хочу сомика купить. Пусть аквариум чистит.

«Чистит! — думает Полина. — Что тут чистить?» Аквариум у Соньки, как и всё остальное, в идеальном состоянии. Она каждую неделю в нём частично меняет воду, раз в полгода — полностью. Вон банки у батареи, вода отстаивается. Всё для аквариума. Полина думает, что ей уже давно пора покупать большой аквариум, а может, и не один. Бывает же у людей:

не книжные шкафы в доме стоят, а стеллажи с аквариумами. Вот Соньке такое надо. Это будет её личный рай.

— Папа обещал к Новому году новый аквариум купить, сорок литров, — сообщает Сонька, а сама безотрывно смотрит на своих рыб. Кошка Тесла устала царапать банку с барбусом, снова села на колени к Соньке. Ну всё, теперь можно идти домой, если неохота наблюдать целый час, как человек и кошка сидят у аквариума. Целый час — и это не шутка. Полина думает, как же подруга всё успевает, если тратит столько времени на созерцание своего аквариума.

— Да, — говорит Сонька, — надо, надо сомика. В следующий раз куплю. Поедешь со мной?

— Съездим, — говорит Полина, хотя сама в этот момент думает, что не представляет, куда пойдёт сегодня вечером, если домой идти не хочется. Что уж там загадывать на будущее?

Прошло полчаса примерно. Да, где-то так, все сидели и смотрели на рыб. И Полине стало интересно, она даже подумала: не купить ли аквариум тоже? А что — попросить у родителей. Только она вспомнила о родителях, тут же настроение стухло.

— Пойду, — сказала Полина.

— Ага, — отозвалась Сонька, — дверь захлопни.

Не встала проводить, так и сидела у своих барбусов и меченосцев. Интересно, к вечеру она оторвётся от них или так и будет смотреть?

Полина пошла на остановку, решила съездить в библиотеку. Областную, самую старую в городе или даже в области. Старую, короче говоря. Научную. Но там есть и обычные книжки. Полина ходит в абонемент, берёт по программе и не только

по программе. Любит почитать, полистать на ночь книжку. В библиотеке её уже запомнили, есть одна библиотекарь, которая всегда так радуется, когда Полину видит, никто так не радуется, как она. Они иногда вместе пьют чай, когда у Поли время есть. А сегодня его хоть отбавляй. Пойдёт продлит свои книжки.

Она ехала в троллейбусе, смотрела на улицы, немного жалась от мороза. Надо где-то маску купить, в старой куртке осталась её — с кошачьей мордой. Кондуктор уже хотела её посадить без маски, но Поля натянула на нос воротник от водолазки. Ладно, так сойдёт. Пришлось проехать на одну остановку больше, потому что там, у городской администрации, есть аптека, она точно знает, там можно купить маску. В библиотеку вроде нужно теперь по записи и в маске заходить, но, может, пустят, Полина скажет, что пришла в кафе. В кафе же можно без записи, наверно?

У администрации стояли люди с плакатами, а вокруг них — полицейские. Непонятно, кого больше — тех, кто митингует, или тех, что охраняют? И кого они охраняют — тех, кто митингует, или простых прохожих? Что там за собрание такое? Плакатов даже не видно, просто Полина знает, что они есть. Должны быть, не пойдёшь ведь на митинг без плаката, просто постоять! Или пойдёшь? Непонятно, по какому поводу собрание. Может, опять повысили цены на ЖКХ? Или ещё подняли пенсионный возраст? А может, снова кого-то посадили? Но вроде бы мама ничего не говорила про это, она всегда следит. Даже иногда ходит на митинги. Однажды полицейские подошли проверить документы, а паспорта у мамы не было. Ну что, увезли в отделение, продержали несколько часов и отпустили. Установили

личность, непонятно, что это значит и как устанавливали. Мама не сказала, но целый вечер сидела молча, как выключенная из розетки. Зато отец в тот вечер разошёлся:

— А я говорил, не ходи. Не послушалась! А я всегда говорю: собака гуляла — волки съели. Не пошла бы никуда, ничего бы не случилось. И нечего реветь теперь! Ещё легко отделалась. Скажи спасибо, что только штраф дали! Сколько, кстати, ты теперь должна им? Десять тысяч? Где их брать будешь? Опять из семьи?

Тут уж Полина не выдержала, сказала:

— А сам сколько из семьи уносил? Помнишь?

Отец осёкся. Уставился на Полину, покраснел весь, подошёл к ней близко-близко. Поля испугалась, что стукнет сейчас, вся съёжилась. Отец сжал кулаки.

— Не трогай! — тихо, хрипло вскрикнула мама, подошла к отцу. — Только попробуй, — так же тихо сказала она, — ты знаешь, что будет. Только сунься.

Полина не знала, что будет. Отец тоже, наверно, не знал. Но он отошёл от Поли, сел на диван. Потом встал, оделся и ушёл. Мама заплакала.

— Пить будет? — спросила Полина.

— Не знаю, — сказала мама, а потом закричала: — Тебя-то кто совал? Не видишь, мы разговариваем?

После этого Полина первый раз подумала, что нехило бы уйти из дома. Фиг знает куда. Пусть себе ругаются, делят деньги, ходят один в церковь, другая на митинги. Пусть. Вообще странно, что только после этого, — вот как она думала: странно, что раньше ей в голову даже и не влетала эта мысль.

Но в тот раз не ушла.

В библиотеке никто не спросил, записывалась она заранее или нет. Только охранник попросил Полину надеть маску, измерил температуру у неё на запястье, пропустил. Она прямым ходом сразу в абонемент.

— Так, — сказала одна библиотекарь, когда увидела Полину, — сейчас я Леонику позову, — и ушла.

Леоника! Поля каждый раз удивляется её имени: Леоника Константиновна, поди выговори. Она её называет про себя тётя Волкова. Ну или просто Леоника.

Пришла Леоника, обошла вокруг Поли, поохала:

— Выросла как, наша девочка выросла!

Вот ещё новости — выросла. Как с маленькой. Хотя от Леоники и не только хорошедов можно ожидать. Выросла!

— Я продлить, — сказала Полина.

— Хорошо, — ответила тётя Волкова и ушла искать формуляр, — а вот он, твой формулярчик, — почти пропела, — что у тебя? А, «Никогда», слушай-ка, её продлить не могу. За ней очередь знаешь какая?

— Какая? — спросила Поля, хотя понятно, что вопрос был риторический.

— А я скажу тебе какая, — сказала Леоника, достала из стопки листок бумаги, считает, — семь человек за тобой! Семь! Так что сдавай её. Через неделю у тебя срок, успеешь?

— Да, — говорит Полина, а сама думает, что книжка же дома, а она теперь уже не дома, ушла. — А сколько она стоит? Если я не сдам?

— Сколько стоит, сколько стоит, — ворчит тётя Волкова, — потеряла, что ли?

— Да нет, ну просто, вдруг.

— Вдруг бывает только знаешь что? — спросила Леоника. — Не теряй, и всё тут. Что за разговор вообще такой? Вдруг.

Видно, сегодня у Леоники нет настроения, а так-то с ней бывает иногда интересно поговорить. Про книги рассказывает, про всю политику что-то, очень ругается обычно. На всех. Не поймёшь, кто ей из политиков нравится, кажется, никто. И ничего не нравится. Даже библиотека её любимая не идеальна. Даже книги. Найдёт в каждой, что покритиковать.

— Почему, — говорит, — автор такой конец написал? Не мог по-другому? Он же не дал героям ни единого шанса! Никакого выбора! Умирай, и всё тут. Что за разговор такой?

— Ладно, — говорит Полина, — я пойду, — как будто даже спрашивает. А сама думает, что идти-то ей и некуда. Не домой же.

— Что же, чаю не попьёшь? — говорит ей Леоника. — Пойдём, у меня нынче печенье вкусное. Курабье, вот такой разговор.

И они идут пить чай в комнату для библиотекарей. В ней две сотрудницы, они поднимают ненадолго глаза от книг и бумаг, здороваются и работают дальше.

— Что новенького? — спрашивает тётя Волкова.

— Новое пальто, — говорит Полина, — чёрное. Китель такой, френч. Что-то вроде.

— Прекрасно! Просто замечательно! — говорит Леоника, кажется, хорошее настроение возвращается к ней. — Дорогое?

— Не знаю, мама себе покупала, но промахнулась. Оно ей узко, пуговицы не сходятся. Отдали мне.

— Ага, ага, — кивает тётя Волкова, — ну, это как сказать!

И молчит. И Полина молчит. Если честно, то она не поняла, к чему ведёт Леоника. Пьют чай с курабье. Правда вкусное печенье.

— Все вы такие, подростки, — вдруг говорит Леоника, она говорит так громко, что другие библиотекари в комнате как будто вздрагивают. Одна из них говорит:

— Да ладно тебе, не все уж, — и снова приклеивается глазами к своим бумагам.

— Все, все, — говорит Леоника. — Ей пальто купили, а она говорит: матери малó. Что это за разговор такой ещё? Малó! Это тебе и покупали. Думаешь, мама промахнулась? Нет! Тебе как раз пальто? Подходит?

— Как раз, — говорит Полина.

— Так это тебе и покупали! Всё! Иди домой! Быстро! И чтобы сказала матери спасибо. Понимаешь?

Полина не знала, что делать. Встала, сказала спасибо, взяла чашку — она всегда после чая ходила споласкивать посуду. Но тут её вроде бы прогоняют. Поставила на стол, сказала до свидания и ушла. Уже у самой двери из библиотеки её догнала Леоника. Протянула обе руки, закричала:

— Ну вот! В самый раз тебе! Для тебя сшито! Покрутись!

Полина обернулась к тёте Волковой.

— Тебе! Тебе и шили! Как влитое!

Полина вышла из библиотеки, а вслед ей неслось:

— Бегом домой! К матери! Благодарить!

И Полина в самом деле почти побежала домой, но вовремя вспомнила, что она туда вообще-то не собирается.

На улице стемнело. Ещё полшестого, а уже. Позвонила Юрику, сказала, что завтра на тренировке её не будет. Юрик начал истерить, и Полина оборвала вызов. Пусть делает что хочет, пусть Ирсанна ищет ему новую партнёршу. Полине хотелось почему-то всё оборвать, сломать то, что есть. Вот, к примеру, накануне чемпионата отказаться от выступления. Парное катание — пусть это всё теперь без неё. А она пойдёт в одиночное. Если пойдёт, конечно. Нет, вряд ли, это только отца обрадует, если она теперь будет одиночкой. В одного — так это у них называлось, «выступить в одного». Отец спит и видит, что Полина танцует одна, без Юрика. Так он его что-то не любит, говорит, губы толстые, тетеря. Это Юрка. Он, скорее, истерик капризный, но не тетеря. И добрый такой, может и с соперниками когда коньками поделиться, если размер подходит. Фу, Поля бы никогда никому не дала ни своих коньков, ни одежды какой. И сама в чужое влезать не хочет. Однажды пришлось на квалификационных надеть бузаковский купальник, так ей потом всё казалось, что у неё то шея чешется, то живот. Сама ворона, сожгла перед выступлением свой костюм, оставила чуть подольше уютю. Она хотела выступать просто в тренировочном, Ирсанна не дала. Поймала после выступления Бузакову, попросила купальник.

— Она же в нём потела! — сказала Полина. — Нет.

— В этом я тебя не допускаю, — сказала тренер и ушла. Пришлось надевать чужой купальник, а что делать-то, квалификация. Второй взрослый. Ирсанна сказала, что она бы и на первый

могла. «Не могла, — думала Полина, — когда всё чешется». Расстроилась, разумеется.

Она шла к Набережной, вдруг ей пришло в голову, что это сейчас самое лучшее — пойти к Набережной. А может, спуститься под мост вообще? Сидеть там, под мостом, развести костёр, греть руки. Но вдруг там будут бомжи? Или ещё кто-нибудь. Кто-нибудь, ну, такой. Нет, под мост не пойдёт. Вряд ли. «Что я за трусиха?» — подумала она и вспомнила, как отец говорил:

— Да кому ты нужна-то, вот ещё.

Сказал так, когда ей было страшно идти домой после затянувшейся тренировки. Они готовились к областным и катались часа три тогда. Она позвонила отцу, попросила встретить. Встретил, приехал в «Звезду», но вот так сказал при этом. Хорошо ему говорить, он взрослый, он мужчина. А ей? Сколько она слышала рассказов про маньяков. И вот так же тоже, просто девушка шла, как бы никому не нужная, а потом — опа! — маньяк! Выходит, некоторым нужная. Фу, противно думать.

Позвонил Юрик, спокойно спросил:

— Ты чиканулась, детка?

Полина улыбнулась, вспомнила, как они с детства друг друга так подначивали: «чиканулся, малыш», «чиканулась, детка». Это когда они ещё других ругательств не знали. Ну ладно, так уж и не знали, Полина знала, конечно, а что уж там знал Юрка — кто разберёт теперь.

— Ладно, — ответила она, — но завтра прийти не смогу, давай в четверг, что ли, поговорим. Скажи что-нибудь Ирсанне.

Юрка вздохнул, сказал:

— Ладно.

Всё, разговор был кончен. Дело сделано, завтра на тренику она не придёт.

На Набережной было полно народу — что хотите, любимое место всех горожан, издавна, Полине даже хотелось сказать «издревле». Пока вокзал не построили, все ходили к реке. А как построили — встречали поезда, вот счастье-то. «Сейчас всё вернулось, это же наша скрепа — эта Набережная, — думала Полина, — все туда и прутся. Осенью смотрят, как река встаёт, застывает. Весной пойдут смотреть ледоход».

На Набережной, у стелы и Вечного огня, Полина замедлилась, подошла поближе. Тепло. «Хотела костёр? — подумала она. — Вот, получай. И людей полно». Протянула к огню руки, потом отдернула. Не потому что стало горячо, просто засомневалась, можно ли к этому огню протягивать руки, можно ли греться. Он же считается почти священным, а может, и совсем священным. В школе говорили, что он священный, отец на это хмыкал, говорил, что огонь, конечно, не такой, вот ещё язычество, но безусловно, безусловно... Тут он спотыкался, говорил, что священна сама память, а огонь, конечно, не даёт забыть. Так что он такой, да, нужный.

Странно, что мама не звонит. Может, думает, что Полина пошла в город искать подарок. Или — что Полина у Соньки, как всегда почти, если нет тренировки. Мама всегда помнила, в какой день у Полины треника, а сегодня тем более, она так радовалась, что её день рождения выпал на свободный Полин день. Утром, когда пришла будить, сказала:

— Я сама куплю цветы! Ты, главное, приходи побыстрее сама.

— Угу, — буркнула Полина, — с днём рождения!

И встала с кровати. В школу, снова в школу. Вечером домой — и опять в школу. Потом, в ближайшие дни, придёт воскресенье. И дальше будет хуже, потому что дальше всегда бывает хуже. Вчера маме было 38, а сегодня уже 39. Куда уж хуже. Нет, через год вообще 40! Полине скоро 14, а потом будет 15, так и до тридцатчика недолго. Главное, всегда есть что похуже, вот что особенно расстраивает. Она уже думала, что знает всё, а потом оказывается: нет, не всё, есть и похуже вещи. Вот отец продал машину, а Полине её жалко. Сама не думала, что будет жалеть, оказалось — нестерпимо смотреть, как чужие люди на ней ездят. Даже если это родной дядя. Полина смотрела, как машина уезжает от них, и так стало грустно. Ей казалось, что уезжает что-то очень родное. Вот уж неожиданно, что она так привязана к вещам. Чудом за те годы, что отец пил, машина не испортилась, не заржавела окончательно. Это всё дядя Гера, отцовский брат, он за ней смотрел как за родной. Ему отец машину и продал. В воскресенье отец понёс деньги в церковь. И взял с собой Полину, маму.

Как сказать — церковь? Не то чтобы дом с куполом или ещё что-то такое. Просто дом в посёлке. Старый, двухэтажный, с белыми стенами. Раньше, если Поля ездила в Нижнюю Лалу на соревнования и проезжала Старый посёлок, старалась как бы немного высунуться из дверей, ну, не высунуться, ладно, а просто поглубже вдохнуть — здесь всегда пахло свежим хлебом. Это оттого, что тут хлебозавод, прямо у остановки. Полине хотелось выйти, погулять в хлебном запахе. Может, просто постоять на остановке, подождать автобус, поехать дальше.

Они вышли в Старом, и Полина проснулась, а то всё была как сонная муха. В воскресенье рано вставать — смертоубийство какое-то. Ладно бы соревнования, а то отец придумал тащить в церковь. Полину и маму. Хотел, кстати, без мамы, но Полина сказала, что иначе она никуда не поедет.

— Собирайся, — сказал отец маме, и она послушно оделась. И Полина тоже.

Машину продали, пришлось ехать на автобусе. В такую даль, считай, почти в другой город, немного не доезжая до Нижней Лалы. Тоже вот куда эту церковь отцовскую занесло, не мог выбрать поближе, что ли?

— Ты не понимаешь, — говорил не раз отец, — другие не такие. Эта — самая правильная.

— Правильная так правильная, лишь бы не пил, — не раз говорила мама, но сама с ним ехать отказывалась: — Бог у меня в душе, — объясняла, — мне посредники не нужны.

Отец, на удивление, только ухмылялся. Вообще, как ни странно, не настаивал, чтобы все верили, ходили в церковь. Это было удивительно, потому что всё остальное он заставлял делать. Придётся с треньки — обязательно поставь коньки как положено, в ящик. Сам проверял, ещё смотрел, чтобы лезвия коньков были протёрты. Как будто Полина когда-то приходила с мокрыми, как будто хоть когда-нибудь они у неё ржавели.

— Мама, — говорила Поля, — что он всё со мной как с маленькой?

Мама обычно говорила:

— Ну вот такой тебе достался отец.

А однажды сказала:

— Он не только с тобой как с маленькой.

И Полина задумалась и вспомнила, что и в самом деле отец постоянно чему-то поучает не только её, но и маму, и своего брата, дядю Геру. Однажды даже смешно так было, сказал брату про его ботинки:

— Ты чего, сколько тебе лет, а всё носишь сорок первый размер!

Всерьёз так сказал, а мама засмеялась. Полина тоже.

«Ну вот такой тебе достался отец», — эти слова Поля вспомнила, когда они собирались в церковь.

«Небесный, — подумала про себя Полина. — Ой, этот-то земной».

— Платки взяли? — спросил отец, когда они подъезжали к Старому. Мама кивнула так медленно, как во сне. Полине показалось, будто она сама не верит, что они подъезжают к церкви, что скоро наденут платки, войдут в неё. Встанут там со всеми, а что дальше? Молиться? Как это — молиться, зачем? При всех, что ли?

Полина не молилась никогда. Точнее, никогда не молилась именно Богу. Просто говорила:

— Пожалуйста-пожалуйста, пусть автобус поскорее придёт!

Или просила непонятно кого, чтобы получился прыжок на тренировке. Или чтобы за контрольную получила четвёрку, а иногда — чтобы хотя бы тройку. Получалось, но не всегда.

Возле церкви отец велел надеть платки, сам заколол его Полине под подбородком булавкой.

— Нет, — сказала Полина, но мама нахмурилась, и Поля махнула рукой. Ладно, всё равно тут никого нет знакомого, никто не увидит.

Они вошли. Люди стояли, справа одни мужчины и мальчики, слева — женщины и девочки. Им с мамой, получается, надо встать слева. Отец иногда во время службы подходил к ним, говорил, что надо делать. Надо было креститься и кланяться, но Поля с мамой не кланялись и не крестились. К одному священнику почему-то выстроилась очередь. Полина не поняла, как это произошло, но они оказались в ней. Подходили старушки, спрашивали:

— Вы к отцу Глебу?

— Вы на исповедь?

Мама и Поля молчали, зато за них отвечали другие люди из очереди. И вот они оказались перед священником. Полина видела, что возле него сидит женщина на коленях, отец Глеб кладёт ей на голову часть своего жёлтого расшитого одеяния, не знала, как назвать его, пусть, например, передник. Да, кладёт ей на голову передник, шепчет молитву, потом она встаёт, целует что-то, что лежит на подставке, и уходит. Священник поглядел на маму с Полей, махнул им рукой, чтобы подходили. Мама помотала головой и отошла, а вот Полина не успела. Отец подвёл её к священнику.

— Вставай на колени, — сказал он и ушёл. Полина встала на колени на коврик.

— Слушаю тебя, дитя, — сказал священник.

— Здравствуйте, — ответила Поля и замолчала. Что ему от неё надо?

— В чём грешна? — спросил священник.

— Кто? Я?

— Ты первый раз?

— Вообще первый, — сказала Полина, — я тут первый раз.

— Хорошо, — сказал священник. — Подумай.

Поля обернулась. Метрах в двух от неё стояли родители. Мама смотрела как-то жалостно, отец улыбался.

Где-то впереди в церкви читали молитвы или пели, Полине было не разобрать. Голова вдруг стала горячая, Поля чувствовала, что щёки начинают гореть, голос пропал, если ей что-то скажет священник, сможет ли она ответить?

— Как тебя зовут? — спросил он.

Полина сипло ответила.

— Нет, это не то, — сказал отец Глеб, — такого имени нет.

Полина удивилась, но ничего не стала отвечать.

— Так как тебя зовут? — снова спросил он.

— Полина.

Священник так же, как её, подождал рукой отца. Тот подошёл.

— Как её зовут?

— Полина.

— Но такого имени нет. Как её крестили, каким именем?

— Так и крестили, отец Глеб.

— Когда?

— Да вот, как родилась, моя матушка сама её и крестила.

Матушка! Полина впервые от отца слышала это слово. Не знала даже, что он на такое способен. Матушка.

— По-нашему крестила-то?

— Как же, как же, конечно.

— Но такого имени нет. Её Бог не видит. Нет её для него!

Вот новости. Бог Полину не видит. Вдруг у неё стало горько во рту. Стоишь тут на коленях, а тебе говорят, что и имени

твоего нет, и бог тебя не видит. «Я есть», — хотелось ей сказать, но она не смогла, тошнота подошла к горлу. Полина прикрыла рот рукой и выскочила из церкви. Её стошнило, платок, застёгнутый у подбородка, испачкался. Старая куртка тоже. Мама уже стояла рядом, держала её за локоть. Отец был на крыльце.

— Пойдём домой, — сказала мама.

— Они сказали, меня нет, — плакала Полина, — и имени моего нет, меня бог не видит.

— Ну-ну, — сказала мама, — мы его, может, тоже не видим. Мало ли что говорят.

И они пошли на остановку. Мама обняла её за плечи, а Полина нюхала хлебный воздух и никак не могла успокоиться, слёзы текли и текли. За ними, опустив голову, шёл отец. Полина не хотела оглядываться, но знала, что он рядом. Подошёл автобус, и, все втроём, они сели в него. Мама с Полей на одно сиденье, отец за ними. Полина должна была показать свой проездной, но совсем забыла об этом. Кондуктор ничего не сказала.

Дома Поля сразу легла на кровать, отвернулась к стене. Никого видеть не хотелось. В комнату вошёл отец, сел к ней. Погладил по голове. Посидел молча, ушёл. До вечера мама приходила к ней, спрашивала:

— Поленька, тебе что-нибудь нужно?

— Зайчонок, не спишь?

Потом мама с отцом куда-то ушли, Поля встала, прошлась по дому. Сил не было. Снова легла на кровать. Родители вернулись.

— Поленька, я пальто купила. Испекла шарлотку, пойдём, с мороженым поедим.

Против мороженого Поля не устояла. Настроение немного улучшилось. Она посмотрела, все ли уроки готовы. Поболтала немного с Сонькой. Ничего ей про церковь, конечно, не рассказывала. Легла спать.

Утром мама сказала, что сама купит цветы, и Поля вдруг вспомнила вчерашний день. Потом ей отдали пальто. «Меня нет, — подумала Полина. — Так бы мне купили куртку, пуховик, может. Пальто же я не просила». Снова стало горько во рту. Она сидела за столом, пила чай.

— Поленька, как ты? — спросила мама. — В школу пойдёшь?

«А что, так можно?» — подумала Полина. Заплакала. Отец почему-то был дома, обычно в это время он давно уже уходит на завод. Он посмотрел на Полю, сказал:

— Ну хватит, всё это мы вчера видели.

— Зайчонок, хватит уже, всё, — сказала мама.

Полина ушла в ванную, умылась, успокоилась. Надела пальто и вышла. И вот теперь стоит у Вечного огня и не знает, в какую сторону двинуться. Позвонила мама, впервые за целый день. Поля не взяла трубку. Успеется. Может быть. Домой она по-прежнему не хотела. «Пусть уж лучше мама в день рождения меня не видит, — думала она, — чем видит такой, никакой. И потом...» Что потом, Полина не хотела додумывать, ответ был готов. Она сама не хотела никого видеть, вот что потом. Позвонила тётя Люба Фельдман, мамина подруга, из всех других она чаще всего приходила к ним в гости. Просто навестить, проведать, как дела. Когда отец пил, мама часто плакала, и тогда тётя Люба была просто необходима. Поля звонила ей, говорила:

— Мама опять...

И никогда не договаривала, тётя Люба сама понимала, что мама опять плачет, опять не может сама с собой справиться. Приходила, и очень быстро, жила недалеко. Постепенно мама успокаивалась, говорила:

— Поживём ещё, ничего, прорвёмся.

Запирала отца одного в комнате, сама приходила спать к Полине. Полине нравилось спать с мамой, но лучше бы это было пореже. Ну вот, теперь такого уже не бывает, отец бросил пить, а мама — приходить к ней ночевать. Полина иногда задумывалась: стала ли мама веселее? Конечно, она не плачет сейчас, но всё равно как будто грустит, внутри себя грустит, что ли, как это сказать правильно? «Грустная внутри себя, — решила Полина. — Да. Именно так». Было ли это нормально? Когда человек не плачет, но всё время грустит. Полина не знала, а поговорить с мамой об этом почему-то не решалась. «Это же очень личное, — думала она. — Я бы точно о таком говорить не стала».

— Полиночка, привет, солнышко! — сказала тётя Люба. — Ты где?

— Да так, — ответила Полина, — у огня.

— У какого огня?

— Ну, у Вечного.

— А-а, — сказала тётя Люба, — ясно. У Вечного, — она помолчала. — А что ты там делаешь?

— Греюсь, — сказала Полина, — просто так себе стою.

— Полиночка, приходи ко мне, — сказала тётя Люба, — я хотела к вам заглянуть, к маме на день рождения. Но мне что-то нездоровится. Приходи, а?

— А мама? У неё же день рождения.

— Я тебя уже отпросила. Придёшь?

— Может быть, — сказала Полина, а сама подумала, что не может же быть, чтобы тётя Люба одна сидела дома. У неё трое детей и муж, дядя Вася.

— Все уехали, — сказала тётя Люба, будто услышала, о чём Полина думает, — вчера все уехали к бабушке Нюре. А я одна.

— А к маме? — спросила Полина. Надо сказать, она немножко обалдела от таких известий. Никогда её никто из маминых подруг не звал к себе.

— К маме потом вместе ходим, — сказала тётя Люба, — ты же придёшь ко мне, а, солнышко?

Солнышко! Пришлось пообещать. Вот и решилось, куда Поле идти вечером. Не под мост, не на вокзал. К тёте Любе, буквально в соседний дом.

— Не сейчас, — сказала Полина, — попозже. Может быть, часа два ещё.

— Хорошо, солнышко, через два, — согласилась мамина подруга, — а как тебе пальто, подошло? Мы вчера с твоими родителями долго выбирали.

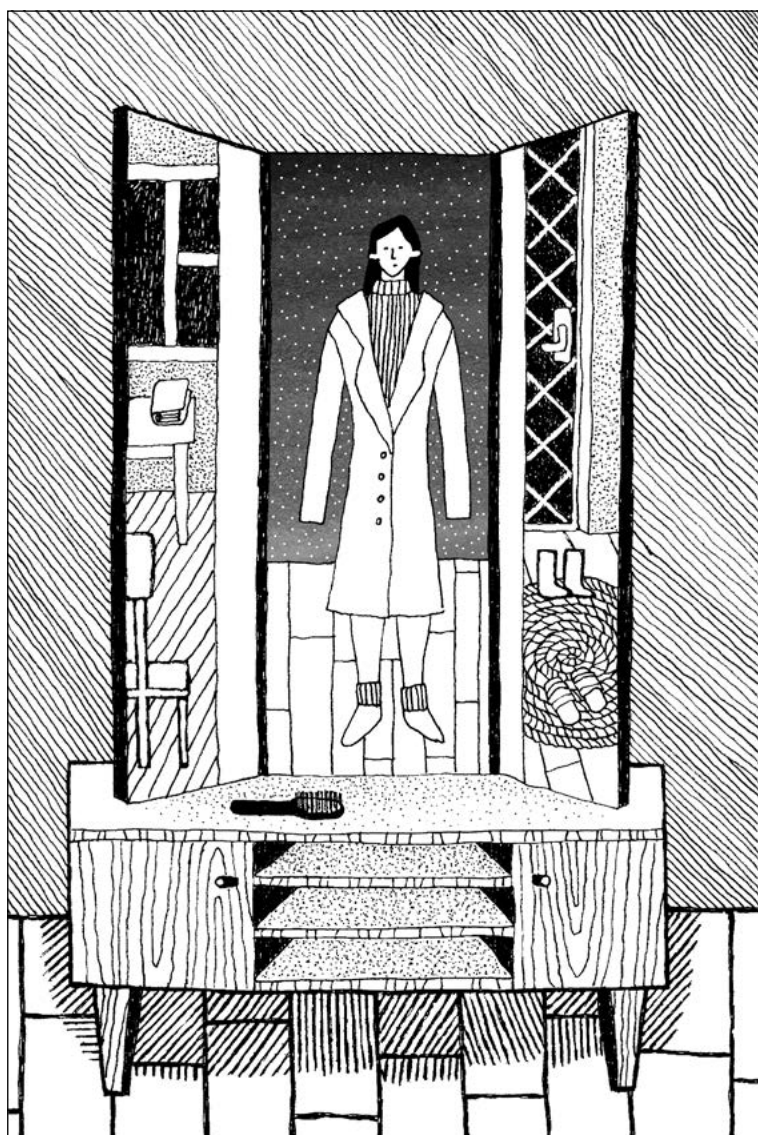
И положила трубку, Полина даже не успела ответить.

Так странно всё повернулось. Вместе выбирали. А сейчас позвонить её мама подговорила? Даже если так, Полине всё

равно стало спокойнее. Она волновалась, что мама испугается, где она. Про отца Полина думать не хотела, но сама собой пролезла мысль, что не все, оказывается, деньги отец отнёс в церковь. Может, и штраф за маму заплатил? Хорошо бы. Полина оторвалась наконец от огня, пошла по Набережной по направлению к парку. Фонари были включены, но всё равно казалось, что кругом сплошная темнота. Полина шла мимо глухого забора женского монастыря, шла и боялась, снова ругала себя, что трусиха. Она могла бы развернуться и уйти, но почему-то ей казалось важным пройти вечером по Набережной, потом по парку. «Чего бояться, — говорила она себе. — Люди вон ходят. Не поздно ещё». Было полседьмого. Выходит, после библиотеки прошёл только час? Полине казалось, гораздо больше. Она взяла телефон, позвонила.

— Мама, — спросила Поля, — ты купила цветы?

ГДЕ ПРАВДА

Ни с какого товарного поезда меня, конечно, не снимали, это я наврала, а остальные почему-то поверили, хотя до этого со мной ничего подобного не было. Смешно, можно придумать всякого, а тебе поверят, даже в самую ерунду поверят, наврал же Длинный Зойке про свою смертельную болезнь, что его в армию не заберут. Она ему поверила и через это полюбила всей душой, не боялась скорой разлуки, хотя ясно, что, если смертельная болезнь, — всё равно расстанутся. Чего она была такая спокойная, непонятно совершенно. Может, просто хотела думать, что не расстанутся никогда, вот и думала, и чего ей дался Длинный? Башган гораздо лучше, то есть Длинный рядом с ним просто ни в какие ворота. А потом пришла повестка, вызов на медкомиссию, и он вернулся оттуда на рогах, а с утра ещё полдня лежал без движения. И только потом все узнали, из-за чего он надрался, — комиссия подтвердила его болезнь, освобождение он получил, правда, всё это было

не в тот же день, не в день комиссии, ему провели большое обследование, и он каждый раз после анализов или каких процедур возвращался домой никакусенький, а это при его болезни никак нельзя, категорически. В конце концов его положили в госпиталь на обследование, но эта идея потом врачам не очень-то понравилась, потому что больной из Длинного никакой — мало что не умещается в кровать, так ещё ходит по коридору туда-сюда целый день, курит втихаря, ругается с санитарками — всё от нервов. К тому же ещё Зойка стала приходить каждый день стоять под окнами. Время ноябрь, а она в джинсовой курточке, в короткой юбке, без шапки. Врачи её гоняли, чтобы шла домой, а она уйдёт, погрееется в кулинарии полчаса — и снова стоит. Пришлось её пускать в больницу в палату к Длинному, а то потом ещё у неё почки лечи, оно надо? У нас весь город в этом госпитале лечится, больше нигде, и врачи уже всех знают, вот и про Зойку известно, что ей до пяти лет матрас сушили, пока почки не пролечили, но ведь постой в ноябре на ветру — и снова позорище. Потом за Зойкой стали посылать из школы — шутка ли, девятый класс, выпускной, а она в госпитале пропадает. К Длинному даже его бывшая классная приходила, чтобы он Зойку гонял от себя. А ему что — он болеет, а он Зойку любит, и она его, вот и весь разговор, оба вдруг поняли, что им недолго осталось вместе, вот и ловят каждую минуточку. У нас на улице никто не верил, что Длинному недолго осталось, люди говорили: тоже мне, натворил делов — и помирать, всем бы так, но он вернулся из госпиталя после

обследования и всем показывал справку, что ему жить совсем недолго, — пришлось поверить. И пришлось простить, и немало, потому что он много чего натворил. Длинный сам ходил по домам со своей справкой, просил прощения. А к кому прийти не смог сразу — подсылал Зойку на разведку, она издалека начинала, мол, Длинный-то, смотрите, болеет, жалко его. Хозяева говорили: да, жалко. Зойка: а сколько всем напакостил, теперь вот кается, но дела-то остались, никуда ж дела не деваются. А хозяйева ей: да уж забыли почти, чего там. Зойка: может, ему самому это и скажете, а? Они: да чего б не сказать? И на следующий день или уже в этот вечер идёт Длинный с пивом или портвейном, вот и всё, и дело готово. Длинного все прощали, даже баба Нюра, по которой он стрелял из рогатки проволокой, и она потом ещё две недели не показывалась из дому в синяках, — она тоже его простила. По правде говоря, редкий урод был Длинный до своей болезни.

Теперь-то всё переменилось, он даже ко мне приходил за прощением, правда не сразу, тянул почти до последнего, хотя никто так и не увидел этого его последнего, последних его минут, он живёт и живёт, правда, всё время лечится. Мы с Башганом всё гадали, придёт он или нет, точнее, брат даже больше думал об этом, мне было всё равно, я уже забыла, что передо мной Длинный тоже виноват, и даже сильнее всего передо мной виноват, то есть я не забыла, а как-то не особенно так вспоминала, если всё время думать о тех, кто тебе подгадил, то времени больше ни на что не останется. Длинный,

кстати, мог бы и не приходить к нам, он уже давно понял, что заявление на него тут никто писать не собирается, он ещё сразу же после того случая приходил ко мне с шоколадкой, но Башган не пустил его даже в калитку, он бы его побил, но Длинный с первого удара упал, а потом стал на колени, почти что лёг, текла кровь, Башган отвернулся, ему стало совсем худо, потом он сказал, что чуть кишки не выплюнул. А Длинный так и стоял у всех на виду, с шоколадкой в руке, и ревел белугой — отправляться по этапу очень не хотелось. Брат смотрел-смотрел на него, хотел побить, но я не разрешила из окна, ему надоело, он и ушёл, а Длинный постоял ещё минут пять и тоже ушёл, только какой-то смешной походкой, ноги-то отсидел до мурашек внутри. Так я и не подала никакого заявления, хоть Башган ещё долго ворчал на эту тему, в другое время он бы орал, но не в этом случае, и мне всю зиму было не в чем ходить — пальто тогда так замазалось в креозоте и в чём-то ещё, что я его сразу сожгла. Правда, Башган продал свой компьютер и купил мне новое, розовое, очень красивое, оно так и висит в шкафу, брат ни за что не соглашается его продать обратно, думает, я ещё надену, но уж фигушки, с тех пор я и думать забыла и о пальто, и о юбках, и о красивых белых кофточках, я их больше не ношу. Иногда дома я влезаю в это пальто, всё-таки оно мне очень идёт, но на улицу не выхожу в нём никогда. И вообще стараюсь не выходить в тёмное время суток, по вечерам меня встречает Башган, мы заранее договариваемся, по каким улицам пойдём, к тому же телефоны пока ещё никто

не отменял. Но всё равно я боюсь наряжаться во что-нибудь очень уж женское и прокалывать уши, тем более ходить в юбке вечером, эту охоту у меня отбил тогда Длинный, когда мы повстречались с ним на железке, всё-таки, если бы я крикнула, всё дело было бы не так, гораздо лучше, но в том и дело, что голос в одну секунду пропал и я смогла только молча обернуться и немного заехать ему в нос. Это и правда был слабый удар, из-за неожиданности, ещё никто у нас не слышал о такой подлости, чтобы кто-то нападал сзади на девчонку, трогал её сзади, такого не было. Но Длинный тогда только недавно переехал к нам на станцию, у него не было никого железнодорожников, честной рабочей косточки, и он поэтому всегда был каким-то уж совсем отморозком — так все говорили, и так и было. Но никто не знал, до какой степени, это я поняла первая, когда развернулась, чтобы вдарить ему, и увидела Длинного. Он тоже понял, на кого напал, и из-за этого повалил меня на землю, то есть на шпалы, потому что повстречались мы с ним в тупике, я тогда искала там маму. Он, наверно, хотел забить меня до смерти, чтобы я не сказала никому про него, а я хотела заорать на него, но голос пропал и не работал, в горле было горячо, и получался только какой-то сип, а жаль, потому что совсем недалеко были рабочие. Он стал бить или душить меня, я не очень поняла, но было страшно, и я не могла ни крикнуть, ни хотя бы поднять на него руку, хоть он и не держал ни руки, ничего, теперь я думаю, может быть, он вообще просто стоял рядом? Как-то плохо помнится. Пнуть

тоже не выходило, я зашла в этот тупик перед школьным вечером, то есть нарядная, в своей длинной юбке, кто же знал, что пригодится пнуть. Мне надо было отдать маме ключ от дома, я тогда как раз потеряла свой и ходила с маминым. Он всё давил и давил и вдруг вскочил и убежал. За ним кто-то погнался, но он успел быстрее, а ко мне подбежали мужики с маминой работы, подняли, спросили, кто это был, но я начала реветь и ничего им не сказала, маму отпустили домой раньше, и мы вместе пошли. По дороге я всё редела, а дома мне захотелось подстричь все волосы на голове — от них сильно пахло пропиткой для шпал, и я их подстригла мамиными портновскими ножницами, очень коротко, но всё равно пахло. Пальто по кускам запихнула в печь, мама не ругалась, она помогала, и Мелкий тоже помогал, ему было грустно тоже, и он тоже хотел сжечь и своё, но мама не разрешила, я редела, и он иногда обнимал меня и всё заглядывал в печку посмотреть на огонь, как горит тряпичное. Башган пришёл вечером, узнал обо всём и закричал громко, заорал, даже задрожали стены и таз на печке: кто это?! Но я не захотела отвечать, к тому же снова пропал голос, так потом повторялось ещё, когда я вспоминала ту нашу встречу, он пропадал. Теперь ничего, теперь только иногда мне чего-нибудь снится, я не помню чего, но чувствую, что голоса снова нет, а так ничего, всё прошло, и волосы тоже выросли, но в тот вечер Башган побрил меня своим станком, он вообще-то себе купил, первый раз, но смотреть на мою башку было нельзя, и я попросила его меня побрить. Всё равно пальто

я сожгла, выходить на улицу было не в чем, а к марту голова уже была похожа на русский одуванчик, потому что у меня русые волосы. У нас у всех в семье русые волосы и особых примет нет ни у кого, поэтому искали бы меня долго, если бы я вправду тогда убежала. Но я не убежала, потому что, во-первых, почувствовала, что Башган прав, а я перед ним сильно виновата, вот и не уехала никуда, и на этот раз уже Длинный не стал меня выдавать Башгану, что я ему вру на голубом глазу, и Башган не стал ничего возражать, что Длинный только что врал всем, будто собирается умирать. Уже после того, как я сказала ему, что простила, как я это ему сообщила, он сказал: вот, теперь я могу умереть. И все ждали, что он вот-вот умрёт после этого моего прощения и своих слов от своей болезни, на Зойке не было лица совсем. Но тут произошло что-то совсем другое.

Зойка несколько раз приходила к нам домой, Длинного выписали, и он обошёл уже всех, перед кем был виноват, а может, только тех, перед кем виноват по-крупному, всех разве обойдёшь? Его все простили, но не я. По правде говоря, я бы его тоже к тому времени простила, если бы он зашёл, но он всё время подсылал Зойку, потому что мы учились с ней в одном классе и потому что сам прийти боялся. Когда я первый раз увидела её у нашей калитки, то быстренько тут же спряталась в шкаф. Башган открыл ей, она спросила, дома я или нет, будто бы ей надо узнать домашнее по математике, она не записала. Он пошёл меня искать, я не слышала, как они

разговаривали, это он пересказал потом, когда она ушла. Может, она говорила ему что-то про Длинного, но это вряд ли, а может, он сам догадался, эта тактика — подослать Зойку — была известна, а может быть, ничего такого не было. Я не знаю, он мне не много всегда рассказывал о себе. Просто, когда она ушла, я выбралась из шкафа и спросила, чего она хотела. Он ответил, что я зря там сидела, очень грустным голосом, но я же хотела сделать лучше! Он-то думал, что она пройдёт в дом, останется подольше, пока я говорю ей про домашнее. А мне хотелось, чтобы они побыли вдвоём, наедине, честно говоря, я ничего против Зойки не имею, было бы хорошо, если бы она кинула наконец свой взгляд на Башгана. Тем более что это она, между прочим, его так назвала, потому что он лучше всех на турнире играл в шахматы, она и сказала ему, мол, ну ты и башкан! Отсюда и прозвище — Башган. С этого всё и началось, она сказала ему так не попросту, а с каким-то восторгом, ещё бы, он обыгрывал всех, всех! И он тогда посмотрел на неё, и с этого у него всё и началось. Вот я и подумала, что ничего плохого не будет, если я спрячусь в шкаф, а они поговорят спокойно, кто знает, вдруг после Длинного она будет гонять с моим братом? Но они не поговорили, и в другие дни тоже, она оставалась верной Длинному до такой степени, что даже не могла и лишнего словечка сказать кому-то на сторону. Закончилось тем, что она на перемене перед физо* подошла

---

* Здесь: сокр. от физкультура.

ко мне и прямо сказала: Длинный хочет к тебе прийти. Я сказала: пускай. И они пришли в тот же день, буквально после уроков, Башган появился уже перед самым их уходом, они как раз засобирались, у нас был заключён мир, хотя мне было жалко, что Зойка всё-таки с большой преданностью смотрит на Длинного. Она уже вышла на крыльцо, когда Башган близко, вплотную подошёл к Длинному, занёс руку и тихонько почесал в затылке. «Ты чё, у нас ведь мир, — сказал ему Длинный и сразу шмыгнул носом, — мир?» — «Мир, мир», — сказала я и поняла, что́ это значит. И вот тогда Длинный и произнёс, что теперь он может умереть, но в это время Зойка уже ждалась его на крыльце и стала через дверь заглядывать обратно в дом.

Они ушли. А мы остались, и мне было плохо и не по себе, Башгану — того хуже, но тут вернулся из садика Мелкий с мамой, и мы пошли как-то жить дальше, надо было готовить ужин, в тот вечер из рейса возвращался наш отчим, а Мелкому отец. Вечером Башган перед сном меня спросил: значит, простила? И ушёл в свою комнату, я даже не успела ему ответить. И я снова, второй раз за день почувствовала себя виноватой перед ним. А когда разговаривала с Длинным, то почему-то думала, что мне тоже надо бы перед ним извиниться, хотя вот уж не за что. Точнее, я почти и не говорила, а только слушала извинения и слова раскаяния, но иногда говорила — ну что ты, ну ладно тебе и прочее такое же, особенно когда он встал на колени, а я поднимала его. Хорошо ещё, брат этого не видел.

Что мне было делать, не побежишь ведь, не скажешь Длинному: знаешь, я подумала, нет, я тебя не прощаю, зря ты вставал на колени, а твоя Зойка вообще, твоя Зойка — дура. Да и это всё неправда. А Башган обиделся. Тем более он лишний раз увидел Зойку с Длинным.

Так всё и получилось, мне тоже было обидно, что Башган не захотел меня понять. Если бы не это, я бы как-то по-другому ответила отчиму и никто бы не пострадал. На следующий день я пришла из школы сразу домой, не стала ждать Башгана, у нас по средам в одно время учёба заканчивается, я иду мимо его учаги, жду пять минут, и мы вместе топаем домой. Но утром он мне ни здрасьте, ничего, а только сказал: я докажу, что он врёт, — поставил свою кружку с недопитым чаем на стол и ускакал бегом. Я уже почти ушла, но тут на кухне появился отчим в майке, ему так не нравится, когда кто-то не допивает чай и оставляет в кружке. Он спросил: это кто не допил? «Ну не я же», — сказала я. И ушла в школу. Это было зря, надо было просто взять и вымыть эту кружку, так я уже делала, но не в этот раз, потому что я разозлилась на брата, что он не подождал и не хочет мириться. Ну и что, даже если наврал, я его уже простила, он мне твёрдо пообещал, что после ни с одной девчонкой такого себе не позволит, даже если произойдёт чудо и он поправится, и тогда тем более так не сделает. И Зойка тоже не будет с Башганом, а будет только с Длинным — она мне открылась, когда они приходили. Правда, я не спросила, а что будет потом, — как такое спрашивать?

Вечером это продолжилось, то есть после школы я зашла к себе в комнату и поняла, что тут уже побывал отчим. Он иногда делает такую вещь: заходит к нам, смотрит, прибрано ли. Если ему не нравится, например, на столе бардак, он берёт и смахивает всё со стола на пол, у меня так однажды испортился будильник. И в этот раз на полу лежали мои тетрадки, книжки и недовязанный шарф вместе со спицами, клубок раскатился по всему полу. Ещё ему не понравилось, что одежда висела на спинке стула, он и её кинул на пол, стул тоже перевернулся. Я быстро всё подняла и пошла к Башгану в комнату, там было то же самое, хотела прибрать и у него, но тут вошёл отчим и отправил меня отгребать снег у крыльца, чистить дорожку до калитки. Пока я чистила, пришёл Башган, я хотела сказать ему, что делается у него в комнате и что отчим злой, но не успела, он начал мне говорить про поддельную справку Длинного. Мне было всё равно, я говорила ему: подожди! Помолчи! Помолчи! Но он всё говорил и говорил. Я разозлилась и сказала, что я тогда сейчас вообще уйду, раз он ничего не понимает, и тут он наконец-то замолчал. Я стала говорить про комнату и про отчима, а брат молчал и смотрел на меня большими глазами, он в этот же вечер позже ещё смотрел так же, но это было потом, а сейчас оказалось, что за спиной у меня стоял отчим и всё слышал, вот Башган и пытался как-то остановить меня, чтобы я замолчала. Отчим нам велел быстро идти домой, обоим, а сам отправился в садик за Мелким. Не поймёшь, хорошо это или плохо. Но настроение у нас всё

равно было дурацкое, дома мы поругались и даже подрались. Я много раз говорила своему брату, что убегу из дома, больно надо терпеть эту ругань, и правильно, что я не прибралась у него в комнате и не вымыла его кружку. На этом я оделась и ушла.

Куда мне было идти? На нашей улице уже несколько лет не горит фонарь, хорошо, лежал снег. Хотя заблудиться негде: всего два направления — туда или сюда. Ещё никогда не заблудишься, если идти вдоль реки. В реке есть рыба и вода — не помрёшь с голоду. Но до реки добираться не было смысла, потому что это далеко, на улице темно, и у меня всё равно нет ни удочки, ни топора, чтобы рубить проруби и рыбачить. Если пойти на железную дорогу, тоже никогда не заблудишься. Там светло, там можно сесть в какой-нибудь поезд. Вот почему я туда двинула. На дальнем пути стоял товарняк, плюс ещё надо было незаметно пройти мимо локомотива. Но тут, можно сказать, дорога хоженная, у нас многие так таскают уголь для печек, хотя железнодорожникам его всё равно продают дешевле. Это как раз оказался состав с углём, южного направления, так что мне повезло в кавычках — сто процентов буду грязной. Хорошо, в поезде были вагоны с тяжёлой техникой, только непонятно, зачем на юге тяжёлая техника, там земля мягкая, лопатами можно перекидать. А уж уголь им точно никому не нужен, и без него тепло.

Правда, в ковш ближайшего экскаватора я забраться не успела, в нём уже спал Длинный, как странно. Я хотела сказать

ему, чтобы двигался, всё же вдвоём в ковше теплее, но испугалась, что он умер тут от своей болезни, он же сказал, что теперь может спокойно умереть, а сюда пришёл, чтобы никто не видел его последних минут, гордый. Может быть, надо было просто уйти, не знаю, но я решила пощупать у него пульс. Он прямо подпрыгнул в ковше! Полностью, всем телом! Посмотрел диким взглядом. Оказалось, жив. Я его спросила, что он тут лежит, что, умирать пришёл? Но он просто лежал и продолжал смотреть на меня молча. Не говорил ничего, ни зачем лежит, ни где Зойка, ни куда собрался, какой-то он был странный, всю жизнь. Вдруг начал реветь, натуральными слезами ревет и лежит в ковше. Я стала тянуть его оттуда, из ковша, но очень слабо, всё боялась сломать, кто его знает, может, у него от костей уже одно название осталось. Я тянула, а он ревел, так я всё и узнала, так он мне всё и рассказал. И про поддельную справку, и про то, что пил с Виолеттой, которая выдаёт справки в госпитале. Он не то чтобы в армию не хотел, ему не хотелось с Зойкой расставаться, вот и всё, вот и ответ. А теперь собрался бежать, чтобы у Зойки навсегда сохранилось о нём хорошее мнение, но теперь уж пусть как-то остаётся нормальным, теперь они не расстанутся, потому что, во-первых, у него всё же кое-что нашли, не такое смертельное, но тем не менее, больше бы ещё лежал в ковше зимой. Постепенно он успокоился, и мы пошли навстречу судьбе. На угольной тропинке мы встретили Башгана, он шёл по моим следам. Брат издали начал кричать Длинному, чтобы отошёл от меня. Но я наврала ему,

что Длинный снял меня с товарняка, потому что я собиралась уехать. Прибежала Зойка и сразу же обняла своего дружка. Никуда она теперь от него не денется, нечего и думать.

Башган всю дорогу молчал, а у самой калитки спросил примерно в том духе, что правда, что ли, Длинный снял меня с товарняка. И я снова наврала, что это правда, а то бы брат никогда больше не простил ему эту справку и случай в тупике. На самом деле никто и ниоткуда меня не снимал. А правда — то, что я рассказала, вот где правда. Ну и пусть.

СЕРЕБРЯНАЯ АМЕРИКА

БУЛКА И ДАНЯ

Когда-нибудь я поеду в Америку. Куплю билет, сяду на самолёт — вжух! — и я уже там! Странно, что не додумалась до этого раньше. Столько времени потеряно — две недели я уже мечтаю об Америке, хрустальной моей, серебряной моей Америке, штате Канзас, городе Санкт-Петербург на реке Миссисипи и даже городе Нью-Йорк. Вжух! — и я уже там. Так мне стало хорошо от этой мысли, что я рассмеялась.

— Кто там смеётся? — спросила Татьяна Сергеевна. — Чей голос из конца строя? Комисару́к, Дарья, что смешного?

— Извините, — сказала я, — ничего смешного.

А сама смеюсь потихоньку, хихикаю.

Татьяна Сергеевна вздохнула:

— Выйди из строя, посиди на скамейке, успокойся.

Я вышла из хоккейной коробки, села на скамейку рядом с парнем из химбио. Он тут не первый раз сидит, я заметила. И всё время что-то ест. Вот сегодня — булку.

— Привет, — сказала я ему.

— Привет, Комисарук, — ответил он. Это было нечестно: я-то не знала, как его зовут.

— Откуда знаешь мою фамилию?

— Так это тебя сейчас учительница чехвостила.

Чехвостила — надо же, что придумал.

— Ну.

— Я наблюдательный, — сказал он, отломил полбулки и отдал мне. — Даня, — сказал он.

— А я Даша, — сказала я, — спасибо.

Он молча жевал.

— Ты почему тут всё время сидишь?

— Ты тоже наблюдательная, — ответил он. — Я домой не хочу.

— А уроки? Ещё ведь рано.

— Сегодня четверг, — ответил он. Понятно. Четверг так четверг, у нас, наоборот, полный загруз.

— Ты в каком классе? — спросила я. Он хмыкнул.

— Самый неинтересный вопрос, который ты могла задать. Давай следующий.

— Я думаю, в шестом.

— Ладно, а ты в пятом.

— Угадал.

— Говорю, я наблюдательный.

И он поглядел на нашу учительницу. У неё под мышкой торчал наш классный журнал с крупной пятёркой на обложке.

— Комисарук, — сказала она, — иди в строй. Долго ты ещё будешь прохладжаться?

И я пошла к своему классу. Бортников меня толкнул, сказал:

— Ну! Ты!

Конечно, наши не терпят лицеистов никого. А тут я с булкой. Я не упала, у меня только булка выпала из рук.

СПЯЩИЕ АТОМЫ

Все мне говорят, что я шумная, опасная, как спящий атом, но мне так не кажется, просто я неуклюжая. Не очень-то уключающая, если можно так говорить. Папа сказал: как слон в посудной лавке. И записал меня на горные лыжи. Не скажу, что мне это в чём-то помогло. Всё у меня летит на пол, книжки рвутся, зубная паста вырывается сразу по полтюбика. Почему-то так происходит. Папа считает, что это от бабушки, а бабушка, когда услышала это, хотела подопнуть его, но промахнулась и попала по ножке кухонного стола, хорошо, он устоял. Хорошо, бабушка не сломала ногу. Я так и вздохнула:

— Уф-ф! Бабушка, если бы ты ногу сломала, я бы не перенесла! Хватило нам и ушибленной папиной руки.

Когда я училась во втором классе, мой папа решил помочь рабочим сбросить снег с крыши. Не знаю, какой-то был у него выходной посреди недели. Он отвёл меня в школу, хотя тут идти три минуты, пришёл домой, а тут как раз рабочие собираются лезть на крышу, скидывать снег. А у папы там антенна

Яги, вдруг ломают. И папа полез с ними. Они ещё пробовали отказываться от его помощи, говорили, чтобы он просто стоял внизу и никого не пропускал мимо нашего дома, чтобы кому-нибудь на голову не прилетел снег.

— Да кто тут пойдёт, боже мой! — так мой папа сказал и полез с ними. И правда, днём мимо нашего дома почти никто не ходит. Да что там, и вечером почти никого не бывает, только наши же соседи. Дом у нас небольшой, двухэтажный, по четыре квартиры на подъезд, жильцов не так много. И чего им по улице гулять после работы? Детей в доме нет никого, только я. А я гуляю во дворе у Жанки. Ну, тогда гуляла, сейчас как-то не гуляю, только учусь и на фехтование хожу.

Папе завязали на поясе верёвку, а другой конец верёвки — к трубе, уж не знаю, что там за труба, наверно, с древних времён, когда в доме были печки. Снизу эту трубу, во всяком случае, не видно. Он взял снеговую лопату и начал кидать снег. Ох как он его кидал! Думаю, очень много и очень сильно, потому что за мной в школу он не пришёл, в это время он сидел в очереди в травмбольнице. Оказалось, он так отчаянно очищал крышу, что почти сломал руку. Не упал, не поскользнулся, а просто так широко размахнулся и так сильно кинул, что ударил руку о ту самую трубу, к которой был привязан. И всё, дело житейское — ушиб руку. Хорошо, что не сломал. Правда, сколько от него я услышала стонов и жалоб за то время, пока рука заживала, — столько никто не слышал, ни один живой человек, я точно могу сказать. К нему первое время приходил бригадир

тех рабочих, которые убирали снег, просил никому не рассказывать, что он был с ними.

— Мы ведь просто тебя, дурака, пустили, думали, позабавишься, да и всё. А ты вон как. А к нам комиссия.

Папа говорил:

— Да понятно, Григорич, понятно, сам виноват. Не бойся, не выдам. Сам полез. Всем говорю, что упал на улице, а? Каково?

— На улице — это наши дворники, это не мы. Но им тоже бы... Может, скажешь, упал где-то в городе? Поехал в травму и упал.

— Ты нормальный, Григорич? — спрашивал папа. — Зачем мне ехать в травму, если я ещё не упал?

— Ну, просто в город. У тебя ведь выходной был? Может, дочке чего купить. Или матери...

— Ты меня не приплетай! — кричала бабушка из другой комнаты. — Человека покалечили, а ответить не могут, это куда бежать же, а!

— А меня приплетайте! — говорила я. — Человек покалечился, а меня приплели!

Не понимаю, что у меня в голове было тогда, ну это же только второй класс, теперь бы я так не сказала, наверно.

Григорич доставал бутылку, ставил на стол.

— Давай, — говорил он папе, — замирился.

— Давай, — отвечал папа, — я зла не держу. А бутылку ты убери.

— Чего так?

— Я при стариках и детях не пью, вот что могу тебе сказать.

В это время бабушка заходила в комнату, целовала его в макушку и уходила. Папа продолжал:

— А руку ударил — это я сам ударил, постарался. Знал бы ты, как я рад, мне не пришлось на одно наше собрание идти. — И он гладил себя по перебинтованной руке. Она у него висела привязанная, будто сломанная.

Григорич убирал бутылку, но прежде ещё раза два спрашивал, не держит ли папа зла на него. Папа не держал, но было видно, что ещё немного — и начнёт злиться. Папа мой по вечерам привык выходить на связь со всем миром, а тут Григорич, не выйдешь.

Бригадир несколько раз приходил к нам, пока у папы рука была на перевязи. Потом, когда увидел, что он стал поправляться, перестал приходить.

А пока папа болел, мы с бабушкой за ним вдвоём ухаживали. Казалось бы — одна рука! — только одна правая рука вышла из строя, а хлопот на всю семью! Во-первых, папе надо было помогать одеваться и раздеваться. Сам он кое-как натягивал штаны, футболку. Но сколько было оханий, аханий и приставываний.

— Ох, — говорил папа и накидывал футболку на голову, — ой-ой, — говорил он и просовывал в воротник голову, — ай! — и пропихивал больную руку. Я ему помогала. Аккуратненько брала эту больную руку и искала рукав, чтобы помочь ей скорее попасть в него. — Да что ж такое! — вскрикивал папа

и просовывал здоровую руку. Потом наступала очередь кофты. Папа ни за что не хотел надевать такую, которая расстёгивается посередине, а брал только свитер. И тоже кое-как забирался в него со всеми своими стонами.

Во-вторых, готовить у него не получалось. Неудобно с перевязанной рукой. Конечно, бабушка хорошо готовит, но на кухне у неё всё летит на пол. Однажды жарила яичницу, повернулась за солью — шварк! — и сковородка на полу. Да ладно, не однажды сковородка так летала. У папы тоже, бывает, что-нибудь да упадёт. Но зато он никогда не пересаливает суп, пюре у него без комочков. И просто красивая картина: папа на кухне, там свет так красиво падает, что у него лысина сверкает. И зубы, кстати, тоже.

В-третьих, просто у него было мрачное настроение, пока рука не прошла. А если папа в мрачном настроении, то и нам с бабушкой как-то невесело.

Вот почему я теперь боюсь, что кто-нибудь что-нибудь сломает. Если бы бабушка сломала ногу, я бы этого точно не перенесла.

ПОД БУЛЬДОЗЕРЫ

Все вокруг говорят, что школу скоро закроют. Папа тоже говорит, скоро нашу школу закроют. С начала осени это не даёт ему покоя. Он очень теперь переживает за меня и за школу. Вот странно, в младших классах папа мой школой не интересовался, на собрания не ходил почти, хотя его Алла Викторовна

ждала. Сама мне так и говорила, что ждёт папу на собрание. А он всё равно не приходил. И вот в этом году у нас новые учителя, все, кроме Татьяны Сергеевны. И он перед учебным годом вдруг соизволил сходить на собрание. Пришёл домой потом какой-то очень отчаянный, что ли. Да, отчаянный, всё бормотал, что не видать им нашей школы и, если надо, под бульдозеры лягут. Нашей — он ведь тоже в пятнадцатой учился, как и я. У него тут даже знакомые учителя остались. Алла Викторовна наша его помнит, библиотекарь тоже ему всё приветы передаёт. Вот память у некоторых людей, удивительно просто. Я не помню, как зовут библиотекаря, а она помнит, что папа брал книжки Стругацких. Это сколько лет назад было!

Папа, когда пришёл с собрания, сжимал кулаки и ходил туда-сюда по квартире.

— Вот им, а не школа, — говорил он и махал кулаком, — подойди сюда, ребёнок мой!

Я не сразу поняла, что это он мне. Никогда так папу не заносило: подойди ко мне, ребёнок мой! Надо же. Я подошла. Он обнял меня, сказал:

— Знай же: я тебя люблю.

Я тоже его обняла. И тоже сказала, что люблю, хотя не помню, чтобы мы друг другу такое когда-нибудь говорили. Разве что иногда папа говорил мне по телефону: «восемь, восемь», это на его радиолюбительском языке значит «люблю, целую». А тут. Я тебя люблю. Я тебя тоже люблю. И всё из-за школы.

— Нашу школу хотят закрыть, — сказал папа, — но ты не думай, мы этого так не оставим. Завтра же отправимся к мэру, в администрацию, в суд.

«Ого, — подумала я, — сразу же в суд».

Папа продолжал:

— В прокуратуру. Ну, куда там надо. Не отдадим этим прохвостам.

Он говорил ещё, что родители готовы бастовать, ложиться под бульдозеры и делать ещё что-то невероятное, лишь бы не закрыли школу. Оказывается, на собрании сказали, что школу хотят закрыть, а помещение отдать химбиолицею. Его будут расширять, а нас — ликвидировать. Переведут всех в сорок пятую, она тут совсем рядом, в двух шагах. Мне вот всё равно, в какой школе учиться, я могу и в сорок пятой. Подумаешь. Но что-то обидно вот так просто отдавать наше здание лицей. Им и так музыкалка почти вся перепала. Оставили музыкантам только четвёртый этаж, остальное отдали химбио. Сейчас это самая странная школа, наверно, во всём городе. На трёх этажах лицей, а на четвёртом — музыканты, скрипачи разные, флейтисты. Идёшь мимо школы — кто-то гаммы учит, кто-то химичит. Интересно бы на эти опыты взглянуть, никогда не видала.

Папа всё говорил про нашу школу, про лицей, в своих планах он уже от бульдозеров перешёл к забастовке и голодовке, но я как-то всё больше понимала, что всё это ерунда. Отдадут нас лицей как миленьких.

— Когда собираются отдавать?

— На каникулах, летом, — и повесил голову. Жалко смотреть стало. Я его снова обняла и так и стояла некоторое время. Пусть успокоится.

БЕЛЫЙ СНЕГ И КРАСНЫЙ СНЕГ, ГАРМОНИЯ

Прыжки в длину без разбега у нас с Жанкой получаются хуже всех. У неё — из-за лишнего веса, а у меня — из-за маленького роста. Вот я и отправилась тренироваться к школе. Звала Жанку, но она только что поела, поэтому не пошла. Сказала, все продукты у неё в желудке начнут прыгать, живот заболит. Ладно, чего там. Я пошла одна. Это раньше мне было как-то не по себе одной быть на стадионе. Через него всё время кто-то ходил, с остановки или на остановку, в свою овощную яму или в гараж. Обычно мне не нравятся те люди, которые ходят в гараж и в яму. Почему-то часто среди них есть пьяные, иногда целые компании. Или ещё мужики вставляли в заросли акации на краю стадиона и писали. И мне часто казалось, что они потом тоже пройдут по стадиону. Как-то Татьяна Сергеевна на уроке закричала одному такому мужику:

— Вижу-вижу!

— Стыдно, кому видно! — ответил мужик, показал кулак и пошёл дальше.

Об этом потом вся школа говорила. Кто-то говорил, что учительница сматерилась, кто-то — что хотела пнуть в его сторону мячик, уже занесла ногу, но не стала.

Летом школу обнесли забором, и теперь я спокойнее прихожу на уроки и так, вечером иногда.

На скамейке снова сидел он, Даня из лицея химбию. И ничего не жевал. Не знаю, что меня больше удивило — что он тут сидит или что он ничего не жуёт.

— Привет! — сказал он.

— Привет! Ты опять не хочешь домой?

— Ага, — ответил он. — Далеко больно ехать, неохота.

— А, — сказала я и пошла тренироваться прыгать в длину без разбега. Попрыгала немножко, потом смотрю — он уже тут. Не заметила, как подошёл.

— Ты прыгаешь? — спросил он. Как будто не заметно, что прыгаю.

— Тренируюсь, — сказала я, — я низкая.

— У тебя не получится, — сказал он, — не теряй время даже. Могу тебе запросто доказать, что выше головы не прыгнешь.

Я ответила, что вообще-то прыгаю в длину, а не в высоту, и что ему какое дело до того, получится у меня или нет. И продолжала прыгать. И лучше стало получаться, между прочим. Жаль, у меня не было с собой ни линейки, ни метра, чем мерить, но я отмечала палочкой, докуда прыгала. Иногда ближе, иногда получалось дальше. Но от чего это зависело, никак не могла понять. Вроде бы каждый раз одинаково делаю прыжок, помогаю себе руками. Но один раз меньше, один раз больше. Вот бы прыгать через раз, что ли, чтобы всегда было дальше палочки.

Даня всё это время стоял рядом, говорил иногда:

— Во! Ура!

А иногда говорил:

— Ну ё-моё! Так ты проиграешь!

Но чаще ничего не говорил, просто стоял рядом. Мне это даже немного нравилось. Ну, как — нравилось: начинало темнеть, наступали сумерки, а мне как-то не по себе было одной на стадионе. Хоть сейчас и стоял забор, и никто лишний сюда не придёт.

Я устала прыгать, встала передохнуть, вдруг мне говорит этот человек, Даня:

— Слушай, — говорит, — школы уже закрыты. Обе. Ты только не смотри на меня, я к забору схожу. Мне надо.

— Зачем? — говорю я.

— Надо, — говорит он, и руку держит между ног, и пританцовывает как будто.

— Ясно. А ты знаешь, что вокруг по всему периметру стадиона камеры? Нас снимают, улыбочку!

Видно было, как Даня расстроился. Ещё бы.

— Пойдём ко мне, — сказала я. — Три минуты ты выдержишь?

— Две! — сказал он, и мы побежали. Я впереди, а он за мной. Мне кажется, добежали мы очень быстро, минуты за полторы, рекорд. Хорошо, что дома было открыто, я просто рванула дверь на себя, и всё, не пришлось стучать или звонить. Я показала Дане, где туалет, и он туда заскочил. Прямо в уличной обуви. Но я вообще-то тоже не сняла кеды. В прихожую вышел папа.

— Привет, — сказала я, — ты уже вернулся?

— Ты что, ты же видела.

— Точно, — я себя даже хлопнула по лбу, — виделась. Я Даню привела. Ему в туалет.

— О, — сказал папа, — как хорошо! Поможете мне как раз. Давай. Я на крышу, а ты следи, что там телевизор показывает. Покручу антенну.

Это у папы какая-то вредная привычка: крутить антенну. Он забирается на крышу и крутит её в разные стороны, всё хочет, чтобы телевизор показывал хорошо. Все соседи подключили уже цифровое телевидение, живут и бед не знают, а мой папа всё лезет на крышу и поправляет антенну.

Тут из туалета вышел Даня.

— Здравствуйте! — говорит. Папа ему руку протянул, спрашивает:

— Поможешь нам? Торопишься?

— Конечно! — сказал Даня и пожал руку, и я сначала не поняла, что значит это «конечно» — что он торопится или что поможет. — Помогу, — сказал Даня, — если быстро. Мой автобус через 23 минуты.

Папа просиял, говорит:

— Нам хватит! Дашка, ты — дома, я — на крышу, а Даня — на улице, объясни, пока я лезу.

— Такое дело, я включаю телевизор и смотрю, какие изменения есть. Кричу тебе, что я вижу. А ты — папе, на крышу. Понял?

Даня понял, отправился к нашему окну. Я подошла к телевизору. Вдруг там как будто пошёл снег, всё изображение покрылось белой рябью.

— Снег! — сказала я через форточку Дане.

Он поднял голову и крикнул папе:

— Снег!

Потом белая рябь сменилась красной.

— Красный снег! — сказала я.

— Красный снег! — крикнул Даня.

Папа снова начал крутить свою ненаглядную антенну.

— Ой-ой-ой! Ничего не слышно и красный снег!

— Красный снег и ничего не слышно! — крикнул Даня. Так прошло несколько минут, по телевизору показывали то снег, то какие-то тени, звук был слышен или не был слышен, и про всё мы с Даней сообщали папе. Вдруг Даня сказал:

— У меня автобус через семь минут.

А я посмотрела на телевизор и сказала:

— Гармония!

Потому что и звук, и изображение пришли в гармонию. Ничего не было видно и слышно. Но пока папа спускался, всё работало. Это подошла бабушка и немного развернула телевизор. Красота!

— Я побежал! — крикнул через окошко Даня.

— Я провожу, — сказала я и в три прыжка подскочила к нему.

— Ждите! — услышали мы из подъезда, и к нам вышел папа.

Идти до остановки — примерно как до школы, минуты четыре-

пять. Вверх по лестнице, мимо тех самых овощных ям, мимо школьного стадиона, мимо больницы, которая стоит рядом с нашей школой. Даже остановка называется «Больница».

— Тебе куда? — спросил по дороге папа.

— В Дороничи.

— Ну ни фиги себе! — сказал папа и немного присвистнул. — Один доедешь?

— Конечно! — снова сказал Даня. Тут подошёл его 53-й автобус, папа пожал ему руку, сказал:

— Семь три.

И Даня уехал в свои Дороничи.

— Ну и ну, — сказал папа по дороге обратно, — из лица?

— Ага, — сказала я и представила, как папа ответит, чтобы тогда он про него никогда больше не слышал. Но папа сказал другое.

— Та-ак, — вот что он сказал. А потом спросил, готовы ли у меня уроки.

ЖАНКИНА СВЕЧКА

Что Жанка обожает, так это свечи. Так она нормальный человек, но стоит кому-нибудь сказать хоть слово о свечках, Жанка всё бросает и прибегает слушать. И сама ещё любит высказаться, только и слышишь её: свечки то, свечки другое. Как говорится, теряет волю. Ни о чём с ней, бывает, не сможешь поговорить, если она в свечном настроении. Запахи, форма

свечи, что там ещё бывает, цены — всё её интересует. Последнее её увлечение — свечи с запахом. Особенно она ценит запах слив. Не знаю уж, чем он лучше остальных, но вот за свечками с таким запахом Жанка просто охотится. Кто найдёт, где такая продаётся, на целый день станет, кажется, её повелителем.

— Просто запах слив — настоящий, — говорит она, — его труднее всего подделать. Поэтому я так его люблю.

Надо же как, а я вот так, с ходу, не отличу яблочный запах от сливового. Если только буду долго тщательно принюхиваться. Вот не завидую я Жанке, если она вдруг заболит ковидом и все запахи у неё сотрутся. Вот это будет горе, уже сейчас я предрекаю.

Мне почти всё нравится в Жанке, кроме свечных закидываний — ну, я так называю её вылазки в магазины за свечами. Однажды мы пошли в дом культуры «Родина», он совсем близко от школы, два шага, почти как до дома, только в другую сторону. На юг, говорит Жанка, я ей верю, география — это её, честно говоря, она её любит, наверно, даже больше, чем свечи.

В доме культуры всё время проходят ярмарки. У входа на улице продают халаты, джинсовые куртки, копчёную рыбу. А внутри, в доме культуры, — мясо, носки, тапки, нарядную одежду, самодельные ножи и свечи из пчелиного воска. Очень интересно, когда подходишь к дверям дома культуры, пахнет копчёной рыбой, потом особенно ничем не пахнет, а когда подходишь к свечкам — будто ты в улье оказалась, такие ароматы. Не сказать, чтобы я очень любила всякие свечки, рыбу или

халаты, нет. Я просто люблю с Жанкой куда-нибудь ходить, смотреть, как она выбирает, что купить. Денег у неё немного, поэтому выбирает она долго и придирчиво, чтобы не прогадать. Другому кому не понравилось бы так долго зависать у прилавков, а мне нравится. Я наблюдаю за подругой, гадаю, какую именно свечку она купит. Ни разу не угадала.

Стать Жанкиной подругой было нетрудно. Во-первых, нам по пути домой из школы, и в детском саду мы были в соседних группах. Во-вторых, она мне рассказала свой секрет, ещё осенью. Секрет такой: папа от них будет уходить.

— Вот так просто соберётся и уйдёт, представь себе.

Нашла кого удивить, у меня однажды мама так ушла, мне не было и трёх лет. Что-то с папой у них не получилось, всё время ссорились. Папа говорит, что он виноват. Ну, я не знаю.

А от Жанки папа не ушёл, так и живёт с ними. Но мы с ней уже стали подружки — трамс-бамс! — дело сделано. У Жанки много секретов, много друзей. Но таких, как я, кажется, нету. Больше никому она не рассказывала про то, что папа от них собирался уходить.

Мы пришли, когда ярмарочный день кончался. Витрины с мясом закрывали, тапочки складывали в картонные коробки, у прилавка с мёдом и свечками никого, только продавщица. Жанка сразу стала её спрашивать, какая свечка сколько стоит. Ей явно понравился мышонок с галстуком-бабочкой, она его вертела в руках, нюхала, вроде бы даже гладила по голове. Я представила, что этот мышонок будет стоять в её коллекции —

на пианино, на котором уже сто лет никто не играет. Да, он хорошо подойдёт в компанию к восковым и парафиновым медведям, пирамидкам, ангелам и разным другим свечкам.

— Бери его! — я ей говорила.

— Надо подумать, — отвечала она. А продавщица сказала, что, если Жанка возьмёт его, она уступит, продаст со скидкой. Не за 350 рублей, а за 300. Жанка поставила свечку на место. Стала разглядывать свечку, скрученную из сот, очень простую. На неё денег хватало, и эта свечка пахла ничуть не хуже мышонка. Я специально понюхала их — никакой разницы!

— Девочки, побыстрее, мне надо складывать товар, — сказала нам продавщица. — Ярмарка закрывается. Приходите завтра, пораньше.

— Пораньше мы не можем, — сказала я. — У нас завтра ещё больше уроков.

— Может, только на перемене прибежать, — сказала Жанка.

— Тогда думайте быстрее, — сказала продавщица.

И тут я увидела Даню, парня из химбиолицея. Что-то он стал часто попадаться мне на глаза. Даня топтался возле стола с малышовыми игрушками, погремушками и подгузниками. Ничего себе! Я помахала ему, Даня меня заметил и подошёл к нам.

— Привет, — сказал, — свечки выбираете?

— Выбрали, — сказала Жанка, — денег не хватает. Может, одолжишь?

— Может, — сказал он, — много?

— Пятьдесят рублей, — сказала Жанка, а я подумала, что впервые угадала, какую свечку она купит. Мышонка, конечно.

Даня открыл свой рюкзак, взял кошелёк и дал Жанке 50 рублей.

— Ура! — крикнула она. — Вот эту беру, — и она показала продавщице на большую свечу из сот. Обычную, только большую. Да нет, лучше сказать, среднего размера. Я снова не угадала!

Продавщица положила свечу в коричневый бумажный пакет и отдала Жанке.

— Спасибо! — сказала Жанка Дане. — Теперь пойдём ко мне её жечь.

— Ого! — сказала я. — Это не в коллекцию? Сожжёшь?

— Ага, чего там на неё смотреть! — сказала Жанка.

ПАПИН ЯЗЫК

У папы есть особый язык. На этом языке его имя звучит как Уа н 4 р б ц. Это никак не расшифровывается, просто у каждого радиолюбителя есть какие-то такие имена, которые они говорят всем, на кого наткнутся в радиоэфире. Когда папа прощается, он говорит «семь три», это значит «наилучшие пожелания». Такой язык. Если кто-то не хочет с кем-нибудь общаться, он говорит «девять девять». Но это радиолюбители не любят говорить. Мне кажется, они всегда и со всеми хотят общаться. Но только по радиоволнам. Мне так кажется почему-то, может,

потому что мой папа такой. Он не любит ходить в гости, мы редко бываем в театре. Зато со своими друзьями-радиолюбителями он готов ехать в какой-нибудь далёкий лес, чтобы там испытать чью-нибудь новую антенну.

Когда папа выходит на связь с миром, я всё время слышу из своей комнаты, как он радостно говорит:

— У а н 4 р б ц, ге!

Это значит, что он представился и пожелал доброго вечера.

Например, ему отвечают, тоже говорят своё имя и это самое «ге». Тогда они уже начинают говорить нормально. Папа плохо знает инглиш, хотя это международный язык общения, он быстро выясняет, может ли тот человек, на которого он попал, говорить по-русски. Если может, папе радость. Но самая большая его радость — если он попал на корабль-ледокол. Он их собирает, так это называется. Как другие отмечают на карте места, где побывали. Но только он не отмечает места, а записывает названия ледоколов, а потом ждёт, что ему по почте придёт карточка с этого ледокола. У него уже шестнадцать таких карт. На каждой написано название ледокола и радиочастота, на которой папа и радист корабля встретились. У папы тринадцать карточек наших ледоколов и три — из других стран: Норвегии, Швеции и Финляндии. Очень он этому рад.

Я бы тоже хотела что-нибудь собирать. Может быть, ножи, они бывают очень красивые, я регулярно смотрю фотографии в инете. И даже однажды собралась на ярмарку кованых ножей, но так что-то и не дошла. Наверняка меня бабушка

отвлекала. Сколько её знаю, она от всего меня отвлекает. Когда я после встречи с мамой прихожу грустная, она мне начинает что-то рассказывать, очень быстро и очень бодро. Я понимаю, что это для того, чтобы я подумала о чём-то другом, не только о маме и о том, что мы не вместе, я всё понимаю. Но иногда хочется погрустить. Нет, не то чтобы хочется, но погрузить в такие моменты я бываю не против. А тут бабушка! Сначала спрашивает:

— Она пришла?

Я молчу. Конечно пришла.

— Одна? Или со своим?

Я снова молчу. Мама пришла не только со своим новым мужем, она пришла со всеми своими, то есть с мужем и маленьким сыном. Ну как — маленьким: младше меня на три года.

— Ясно, — говорит бабушка. И начинает сперва маму ругать. Папы в этот момент нет рядом, почему-то его никогда нет, когда бабушка ругает маму, не знаю, как ему это удаётся. Я бы тоже так хотела, и я говорю, что никого не надо ругать, мы отлично провели время: поиграли в боулинг, поели пиццы с молочным коктейлем, потом они меня довезли до дома. Я только один раз уронила пиццу, мама мне не разрешила её доест, а вместо этого купила мне большую, чтобы я отнесла домой.

— Пиццу! — восклицает бабушка. И лезет в шкаф за мукой. Это значит, будет печь булочки-фигушки. Если, конечно, не рассыплет муку.

— Поздно уже, — говорю я, — и пиццы полно. Попробуй!

— Вот ещё! — говорит бабушка и выходит из кухни. Вот теперь мне можно погрустить, и я сижу в печали, что так редко вижу маму. Правда, не очень долго, бабушка обычно скоро возвращается с какой-нибудь историей про нашу соседку и её рожистое воспаление на ноге. Мне не так уж интересно про это воспаление, но я слушаю. И в самом деле грусть-печаль проходят, и я говорю бабушке:

— Давай ты фигушки завтра сделаешь, а сегодня пиццу съедим.

Бабушка берёт банку с мукой, ставит её на полку в шкафу, но промахивается. Банка падает, мука рассыпается. Мы с бабушкой смеёмся и подметаем пол. Тут на кухню заходит папа, он спрашивает, как я сходила, я говорю, что нормально. Он кивает и ставит чайник. На его собственном, не радиолюбительском языке это означает, что всё нормально, продолжаем жить дальше. Бабушка берёт пиццу, складывает несколько кусков на тарелку и ставит в микроволновку. Пока я ехала домой, пока бабушка рассказывала про соседку, пока мы подметали пол, пицца успела остыть.

В ЖИВОМ УГОЛКЕ

Весной я люблю физкультуру. В зал придёшь — там запахи. А на улице — такие запахи! То тополем свежим пахнет, то просто весной, то какой-то крапивный запах. Выходишь из школы, бегаешь по стадиону, дышишь — как хорошо. Остаётся

время — ещё можно в футбол поиграть. Особенно если это последний урок. Или просто подольше остаться, потренироваться. Мы сейчас проходим прыжки в длину. У меня получается почти хуже всех, конечно, я же самая низкая в классе. Я не очень-то расстраиваюсь, потому что знаю, что Жанка хуже меня прыгает, ну, это потому что у неё лишний вес и ей трудно себя от земли отрывать и перемещать. Когда мы с ней бежим в школу, опаздываем, я прибегаю пораньше и дышу нормально, а Жанка приволакивается потом, и у неё одышка. Я её жду, конечно.

— Успели? — говорит она. И тут звенит звонок.

— Почти, — отвечаю.

Но это не так уж часто бывает. Обычно мы вовремя приходим. А уходим не всегда сразу после уроков. Как правило, бежим в живой уголок. У нас тут мёдом намазано, как говорит Жанка. Как только прибегаем, Жанка — сразу же к Белянке, белой крольчихе с красными глазами. А я — к Огоньку, маленькой рыжей белке. Жанке хорошо, она может крольчиху на руки брать, а я не могу к Огоньку даже руку просунуть. Белка кусается. По крайней мере, так мне сказала Татьяна Семёновна, учительница биологии. Живой уголок — это её царство. Она тут главная. Биология началась в этом году, и у нас с Жанкой это почти самый любимый предмет. У неё — после географии, конечно, а у меня после физкультуры, ненавижу, кстати, когда её называют физра! Физо — ещё куда ни шло, но уж точно не физра.

В живом уголке были не только животные. Тут был Даня, тот парень из лицея химбио.

— Привет! — сказала я.

— Давно не виделись, — ответил он.

— Ты здесь откуда?

— Меня позвали, — сказал Даня, — ваша Татьяна Семёновна просила помочь корм донести. Я теперь часто буду приходить.

— Зачем это?

— Люблю животных.

— А-а, — сказала Жанка. — Ну-ну.

Дальше мы стали рассматривать животных, потом я взяла Белянку на руки. Сегодня была Жанкина очередь прибираться в кроличьей клетке. Пока она там убирала, я держала крольчиху. Мы по очереди, через раз. То я держу Белянку, то Жанка.

— Дай мне поддержать, — попросил Даня, — она не кусается?

— Она тебя не знает, — сказала я, — запах твой незнакомый. Обязательно укусит.

На самом деле я не знала, укусит ли крольчиха, просто очень уж не хотела отдавать её.

— Давай я пока её поглажу, — и Даня начал проводить рукой по голове и телу Белянки.

— Она дрожит, — сказала я.

— Кролики всегда дрожат, — сказал он. Это правда, сколько я знаю Белянку, она всегда дрожит, как возьмёшь её на руки.

— Дай, а! — попросил Даня, и я отдала ему Белянку. Теперь он держал крольчиху, а я гладила её. Она дрожала. — Ой-ой! — вдруг сказал Даня. — Держи её! Сейчас чихну.

И в самом деле чихнул! Беянка с силой оттолкнулась от Дани и упала на пол. И немедленно усакала под шкаф с кормом для животных. Скажу не таясь: доставать кролика из-под шкафа очень сложно. И даже немного страшно, что укусит. Тот, кто когда-нибудь ловил крольчих или кроликов под шкафом, меня поймёт. Я взяла швабру и стала шарить ею под шкафом. Беянка выскочила и побежала куда глядели её глаза, к выходу из живого уголка. Она почти добежала до двери, но тут в кабинет вошла Татьяна Семёновна.

— Лови! — крикнула она, но я не успела, Беянка снова спряталась под шкаф. Втроём — я, Жанка и учительница — мы поймали крольчиху и посадили обратно в клетку. Что касается Дани из химвио, он всё это время стоял и чихал, только пугал беглянку Беянку.

— Пожалуй, я не смогу очень часто у вас бывать, — сказал он, когда все пришли в себя. — Похоже, у меня аллергия на кроликов, — и снова чихнул.

ЧАРЛИ ИЗ КАНЗАСА

В Америке есть группа «Пентатоникс», пять человек, без инструментов. Так и поют, не подыгрывают. Только один делает губами какие-то звуки, стучит себе по коленям, по груди, не поёт, помогает хлопками. Ну, битбокс. Но если надо, то он тоже немного поёт. Я их когда услышала впервые, я заплакала, честное слово. Это была Hallelujah Леонарда Коэна, её все

знают, эту песню. Она иногда как-то звучит, я не знаю, очень прямо, что ли, если бы это была ветка дерева, кто-нибудь обязательно бы натолкнулся глазом. Но её можно спеть и очень хорошо. Вот эта группа и спела так хорошо. Так хорошо, как будто я море увидела впервые. Мы всё ездили с папой на север, и я не верила, что море такое уж прекрасное. Но однажды мы добрались до Сочи. Я увидела из окна море — и заплакала от счастья, такое оно было красивое, какое-то прямо лучезарное. А потом, когда сняла кроссовки и встала в воду, то тут уже только смеялась, папа даже немного испугался, что человек может так долго смеяться. А мне так было счастливо! Как будто мы с папой и мамой пошли в боулинг и там играли, и мама с папой не как обычно сидят молча, а о чём-то со мной разговаривают и улыбаются. Так счастливо было мне на море. Да, ещё где-то там в боулинге как будто бабушка тоже была, но сидела за другим столиком и играла за другую команду в боулинге, кидала шары и плохо попадала по кеглям. Так мне почему-то представлялось. А когда мне представляется, это просто держись и не падай, так называется.

Однажды я представила, что папа познакомился с кем-то из Америки, из штата Канзас, где жила Элли, которая попала в Изумрудный город. Я знаю, что это сказка для малышей, но мне всё равно так хочется побывать в этом самом Канзасе, что я представила, как папа вышел на связь с местным радиолюбителем и тот отправил ему свою карточку. А потом позвал его в гости. Так я это чётко представила, что задумалась, что же

взять с собой в Канзас. В подарок Чарли и просто так. Мы уже обсудили это с Жанкой, с Даней, уже всё решили. Жанка, конечно, была за свечи с лесным запахом. А Даник сказал, что в дороге нам понадобятся шейные подушки — поспать в самолёте. Всё было решено. Я подошла к папе узнать, как там живёт его знакомый из Канзаса.

— Кто из Канзаса? — спросил папа.

— Чарли из Канзаса, — сказала я, — ты что, давно с ним не разговаривал?

— С каким Чарли из Канзаса? — сказал папа. — Ты про кого?

— Ну, он нас позвал в гости, — сказала я, — в Канзас. Покататься на воздушном шаре.

Папа хмыкнул. Потом побряхтел, как бы прочистил горло. Потом сказал:

— Ничего не понимаю.

Я сама уже тоже не понимала ничего. Мне так ясно виделся наш разговор с папой о Чарли, и о Канзасе, и о воздушном шаре. А теперь вдруг он начал исчезать, растворяться, таять. И вот пропал совсем.

— Ой, — сказала я, — ой. Разве не было?

— Дорогой мой ребёнок, — сказал папа, — никакого Чарли из Канзаса, никакого воздушного шара нет. Может быть, тебе это приснилось?

— Может быть, — сказала я и села к папе на колени, как маленькая. Хотелось плакать, но не как на море, от радости, а наоборот.

— Бедный ребёнок, — сказал папа и погладил меня по голове, как маленькую. — Ничего, мы с тобой когда-нибудь попадём в Америку. Смотри, какую группу я откопал.

И он включил мне «Пентатоникс», они пели «Аллилуйю» Леонарда Козна. Тогда я не удержалась и всё-таки заплакала. А Жанке с Даней потом сказала, что Чарли перестал выходить на связь.

МЫ ХЛЕБ ЕДИМ

Мне надо привыкать к высоте, как-то же нужно будет лететь на самолёте в Америку. С Жанкой мы специально ходили в «Джем-молл», там прозрачные лифты, и ты видишь, как поднимаешься и опускаешься. Мне хотелось закрыть глаза, но я сопротивлялась этому, тарасилась вовсю. Даня звал меня поехать к цирку, прокатиться на колесе обозрения, но я сказала, что привыкать к высоте надо постепенно, колесо мне ещё рано.

И вот мы на крыше моего дома. У папы есть ключ от чердака, я взяла его, и мы вылезли. Даня забрался на конёк, я так не могу, сижу на чердачном окне, одна нога на крыше, другая торчит на чердаке. А Жанка стоит внизу и кричит нам, что мы дураки.

— Вот дураки-дураки! — кричит она. — Сумасшедшие! Оба!

— Давай к нам! — кричит ей Даня, а она снова говорит, что мы сумасшедшие, закрывает глаза руками и опять кричит. Даня

снова кричит, чтобы она лезла к нам. Так повторяется несколько минут. Потом оба они замолкают.

— Слушай ветер, — говорит мне Даня.

— Ну, — отвечаю я. — Слушаю.

— Слышишь? Что там?

— Ветер тебе говорит: «Даня, спускайся!»

Даня смеётся.

— Нет, он говорит, чтобы ты ко мне залезла.

— Я не смогу.

— Сможешь. Слушай! Ты хочешь быть моей девушкой?

— Кем?

— Ты хочешь быть моей девушкой?

— Ну. Я не думала.

— Тогда забирайся ко мне. И станешь моей девушкой.

— Я не могу, — говорю я и прыгаю на пол чердака. Жанка снизу кричит что-то, я не понимаю что. Кажется, просто визжит, потому что Даня быстро спускается с конька крыши, бегом, что ли, прыгивает на чердак.

— Извини, — говорит он, — я пошутил.

— Проехали, — сказала я. Он обнял меня за плечи, и мы стояли так рядом, молча, пока у меня не заурчало в животе.

Тогда Даня достал из кармана кусок чёрного хлеба в пакетике, разломил его, и мы немного поели.

— Где вы? — вдруг показалась из люка Жанка. — Я там жду-жду.

— Мы хлеб едим, — сказал ей Даня и достал из кармана ещё один кусок хлеба, — давай с нами.

Я подумала, что вот сейчас ещё не хватает сюда забраться папе или бабушке, и для каждого у Дани найдётся кусок чёрного хлеба. И только мы с ним едим один на двоих. А может, и не найдётся. Тогда и другие будут есть один на двоих. Или даже на троих.

— Поехали к цирку, — говорю я, — только на колесо у меня денег нет.

МЫ НЕ ЭЙ!

Мы с Даником сидели на лавочке на нашем стадионе. Грызли сухарики, разговаривали. Даник — лучший в мире мастер сухариков, и я его обожаю! И его, и сухарики. Как вот ему удаётся делать такие вкусные?

Я рассказывала, как мы с мамой в выходные ездили в боулинг. Он сказал:

— Давай тоже съездим!

— Давай! Но не сейчас, наверно, мне на тренику.

С Даником главное — вовремя его остановить. Родители ему дают деньги, и он может вот прямо так, с места — и в карьер. Точнее, со стадиона — в клуб боулинга.

— Да поехали сейчас! — сказал он и встал. В это время мимо проходил Кравцов, мой одноклассник.

— Эй! — закричал Кравцов. Я не поняла сначала, кому это он. — Эй, ты чё с ним сидишь тут?

— Это он мне, что ли? — спросила я Даню. Он кивнул и сказал:

— Только не отвечай ему, только не отвечай. Даже не смотри. Ты не эй.

И я не стала смотреть на Кравцова, а смотрела только на Даника. Он, кстати, красивый. Рыжие волосы блестят и немного выются, глаза зелёные, подбородок вперёд. Высокий. На кого-то он похож, всё не могу понять на кого. Сам на себя, пожалуй. Может, на своих родителей, я же их пока не видела.

— Э! — снова крикнул Кравцов. Но оказалось, что это не мне, а Данику. — Э, ты, рыжая шпала! Отойди от неё!

— Не оборачивайся, — теперь уже я сказала Данику, — только не смотри на него, ты не э.

Кравцов поорал ещё немного и ушёл, но не домой, а в школу.

— В боулинг-то едем? — спросил Даник, и я согласилась. Мне хотелось поскорее уйти отсюда. Я как-то начала подозревать, почему Кравцов пошёл не домой и что ему делать в школе.

К остановке я старалась идти побыстрее. А Даня, наоборот, останавливался, поправлял свой рюкзак. Жалко, что сейчас поставили забор вокруг школы и через больничный парк, как раньше, не пройдёшь. Надо обходить дом культуры. Но мы пошли на другую остановку, не «Больницу», а следующую, «Улицу Гайдара». Может, зря, а может, нет, я так и не решила. С одной стороны, идти до неё дольше и Кравцову больше времени понадобится нас догнать. А с другой стороны, зато тут всегда людей больше, если что — нам помогут.

Мы почти подошли к остановке, когда нас догнали Кравцов, Бортников и Величко. Они быстро подходили всё ближе.

Бортников при этом пел на мелодию про солнечный круг и небо вокруг мою фамилию:

— Комисарук, Комисарук! Комисарук, Комисáрук!

— Эй вы! — сказал Кравцов и положил Данику руку на плечо. Оказалось, они примерно одного роста. Даня резко обернулся, сказал:

— Мы не эй!

А я спросила:

— Чего вам?

Даник поглядел на меня растерянно.

— Отойди от неё! — сказал Бортников.

— Чё ты с этим хрыщом гуляешь! — сказал Величко. Маленький Величко, только на полголовы выше меня.

Даник сказал:

— Пойдём отсюда.

Мы пошли к остановке.

— Эй! — снова крикнул Кравцов. Но мы шли и не оглядывались. Подошёл троллейбус, и мы сели в него. Посмотрели из окна, на остановке стояла эта троица.

— Запомни, — сказал мне Даня, — никогда не оборачивайся, если кто-то кричит «эй»! Не вступай в разговор, это не тебя зовут Эй.

Мне хотелось ему что-то ответить, но я не знала, что сказать. Сидела и смотрела в окно. Даник задел меня за локоть, спросил:

— Эй! Ты поняла меня? — и улыбнулся.

— Поняла, Эй! — сказала я.

ДАНИК УЕЗЖАЕТ

Ночью я проснулась и поняла, что сплю в одежде на заправленной кровати. Встала, разделась и всё вспомнила. Как папа меня позвал и сказал:

— Дорогой мой ребёнок, мне не нравится, что ты забросила учёбу. Я понимаю всё, что весна, хорошая погода, но надо доучиться.

— Я не забросила, — сказала я и подумала, что папа в этом учебном году что-то довольно часто называет меня своим дорогим ребёнком. — Ты же говорил, что всё равно, какие оценки, главное, чтобы я была здоровой. И вообще, скоро каникулы.

— Вот именно, — сказал папа, — оценки скоро будет некогда исправлять. Давай-ка, взбодрись, подтянись! Чтобы поменьше троек, ага? Это что, уже и по физкультуре тройки пошли?

— Это прыжки в длину без разбега, я самая низкая, — сказала я, а сама стала думать: откуда он узнал, из школы, что ли, позвонили? Алла Викторовна.

— Ладно, — сказал папа, — канат. А как же горные лыжи? Давно ли ты была на тренировке? Почему мне Анатолий Иванович звонит и спрашивает, не заболела ли ты?

— А ты?

— Что я? Сказал, болеет. Или бросай свои лыжи, или ходи, но не заставляй меня больше врать! Дальше! Биология? Вы же со своей Жанкой вечно в живом уголке зависаете!

— Папа! У нас не про животных! Мхи, лишайники, грибы-паразиты! Зачем мне это? Ни разу не пригодится! И в живом уголке этого нет.

— Допустим. А вот история, ты же не хочешь меня опозорить? Меня, историка!

Папа, конечно, историк, но какой-то такой. Историю не преподаёт, научных книжек не пишет. Он только выучился на историка, а работает в пресс-службе своего магазина холодильников.

— У меня четвёрки по истории, — говорю я, — нормальные оценки.

— Вот именно, — отвечает папа, — четвёрки.

Он хочет ещё что-то сказать, но тут бабушка кричит из коридора:

— Лев, не мучь ребёнка! Идите ужинать!

Папа вздыхает, глаза его растеряны. Он тихонько повторяет:

— Не мучь, не мучь, не мучай же, — потом шмыгает носом и говорит: — Словом, душа моя, постарайся. Физкультуру подтяни, грибы-паразиты выучи. И история! Смотри, чтобы история!

И мы идём на кухню. По дороге я думаю, что завтра снова история, а я, кажется, не знаю даже, что нам задали. Тут моя мысль прервалась, потому что от папиной комнаты до кухни всего четыре шага. Квартира у нас четырёхкомнатная, но все комнаты совсем небольшие. В моей стоят кровать, маленький стол и книжный шкаф. А одежду я складываю в коробки под кроватью, вешаю на крючки, прибитые к двери. У папы две комнаты. В одной он спит, а из другой выходит на связь с миром. Я в неё даже заходить боюсь: кругом провода, антенны, рации.

На стене карты. В шкафу какие-то железки, микросхемы, пальники. Кладовка кладовкой, ещё там помещается стол со стулом, а больше ничего нету, только маленькое окошко.

Всё бельё на все наши кровати хранится у бабушки в шкафу. Он такой большой, что мне кажется, в нём можно жить. В детстве я там пряталась, часто засыпала в нём. Я бы и сейчас ещё могла поместиться там, но зачем же сейчас, почти в двенадцать лет, я буду лезть в шкаф? Только за наволочкой или пододеяльником. Ну за простынкой ещё. Но не больше. Ну полотенцем, ладно.

Среда, и бабушка приготовила нам постную еду, овощное рагу даже без запаха мяса.

— Как дела в школе? — спросила она меня.

— В школе, в школе, вы сговорились, что ли?

— Нормально, мам, в школе, только кое-что исправить надо, вот и все дела, — сказал папа.

— Зачем исправлять, скоро школы нашей вообще не будет! — мне вдруг стало так злостно, что ли. Захотелось с кем-нибудь поругаться. — Куда мне упрутся эти грибы-паразиты, эта история древностей, литература эта?! Мне это вообще не нужно. Ты сама говорила: «Не мучь ребёнка».

— Дарья, — сказал папа, — уймись.

— А кто говорил, что не даст закрыть нашу школу? Что пойдёт к прокурору?

— Я ходил, — говорит папа так спокойно-спокойно, безмятежно даже. — Ты же знаешь.

Это правда, папа ходил в прокуратуру, в министерство образования, собрал много таких же активистов, все вместе они не раз побывали у директора химбиолицея. Ходили по домам, собирали подписи. Ничего не помогало. Сохранять нашу пятнадцатую никто не собирался.

— Даже живой уголок? — спрашивала я папу каждый раз.

— А живой уголок, говорят, как раз кстати. Его забирает лицей.

Тут мне становилось лучше. Потому что ну ладно, допустим, мы перейдём все в сорок пятую, а куда девать Белянку, Огонька, ёжика Валерия, безымянную черепаху, хомяков, аквариумных рыбок? Хорошо, что они остаются на месте.

В этот раз до разговора про живой уголок не дошло, поэтому я всё не могла остановиться, хоть бы папа, что ли, сказал мне что-нибудь. Но он сидел молча. И я замолчала тоже.

— Дарья! — сказала бабушка. — Что это было?

— Всё нормально, мама, — сказал папа. — Всё наладится.

Он прижал меня к себе. И я так несильно заревела, можно сказать, заплакала. Просто слёзы потекли, и я не стала их сдерживать. Вообще-то могла бы, я уже натренирована в нашем классе. Папа поднял меня и унёс в мою комнату, положил на кровать. Я не сопротивлялась, вот как устала. Я почему-то всегда устаю после того, как поругаюсь. А тут ещё и ревела, сил никаких не осталось. Даже продолжать реветь не могла. Сразу же заснула.

Я посмотрела в окно, разделась, снова легла спать. Но не спалось. Кажется, было ещё что-то плохое. Что-то про Даника. Кажется, он уезжает. И кажется, надолго.

ПЛАНЫ НА ЛЕТО

Как-то раз Даник спросил меня и Жанку, какие мы знаем языки. Ну, русский, сказали мы, английский учим. Больше не знаем.

— Всего-то? — сказал Даня.

— Как будто бы ты больше знаешь! — сказала я.

— Конечно. Считай! Русский — раз! Инглиш — два! Латынь — три!

— Что за латынь? — спросила Жанна.

— Латинский, — сказала я, — погоди, не сбивай. Латинский — три.

— На немецком один стишок. Значит, немецкий — четыре!

— Ну, знаешь ли. Стишок. Ты ещё скажи, что знаешь заклинания из «Гарри Поттера». Или какую-нибудь эльфийскую песню из «Властелина колец». Или ещё... — сказала Жанка, но я перебила её:

— Вспомнила! Я ещё знаю обозначения радиолюбителей! Значит, я знаю три языка!

— Согласен! — сказал Даня. — Три!

— А я знаю, как будет «я тебя люблю» на языке глухонемых! — сказала Жанка. И показала: приложила руку к груди, потом вторую, потом показала этой рукой на меня.

Так мы считали, кто сколько знает языков. Даник дошёл даже до того, что он знает дорожные знаки, а это тоже язык, значит, это пятый у него. Мы с Жанкой тоже его себе сосчитали.

Мы сидели во дворе у Жанки, обсуждали планы на лето. У нас с Жанкой не было, пожалуй, никаких планов. Я думала,

что лето, как всегда, пройдёт у меня дома, на нашей улице, может быть, буду приезжать ещё к Данику в его Дороники. И он сюда, тем более у них в лицее есть ещё отработка, разные опыты.

— Может, меня не будет, — сказал Даня, — я поеду учить язык. В Германию.

— Как — в Германию? — спросила я. — Ты не говорил.

— Я сам точно не знаю, — сказал Даня. — Вот сегодня папа написал после четвёртого урока, что, может быть, получится поехать. У меня в Дрездене брат, может, меня как родственника пустят. Так-то у них там карантин тоже.

— Зачем тебе этот немецкий? — спросила Жанка. Я бы тоже это хотела знать, но она меня опередила спросить.

— Что хорошего в этой твоей Германии? — спросила я.

— А в твоей Америке? — спросил Даня.

— Хорошо, считай! — сказала я и начала перечислять: — Статуя Свободы, Канзас, Лос-Анджелес, Голливуд, Аляска, Великие равнины, Центральные равнины, озеро Мичиган, Нью-Йорк, остров Эллис, Центральный парк, Национальная библиотека, Музей современного искусства, Энди Уорхол...

— Погоди, не так быстро! — закричали Жанка и Даник.

— Энди Уорхол уже умер, — сказал Даня.

— Я сбилась, — сказала Жанна.

— Умер, но он же там был, — сказала я. — А ещё много музыки. Кантри, поп, рок, этно, госпел...

— Остановись! — закричал Даник. — Понятно.

— Мальчик, чего ты кричишь? — спросила его старушка в тёплой жилетке и вязаной панаме. Откуда она взялась? Только что не было.

— Мы же на улице, — сказал Даник, — здесь можно.

Старушка покачала головой и зашла в Жанкин подъезд.

— Капец ты сказал, это же Курчатова! Ты хоть знаешь, кто это?

— Нет, конечно, — ответил Даня, но Жанка его не слушала, она начала рассказывать про неё. Оказалось, что Курчатова — бывшая директриса пятнадцатой школы, когда-то давно она работала у нас. И тогда школа была образцовая, никто её и не пытался закрыть. В ней было полно победителей разных олимпиад, футбольная команда. Школа проводила свои краеведческие конкурсы, в которых участвовал весь город. Вот какая была раньше школа. Наши родители в этом году, оказывается, ходили к Курчатовой, просили замолвить слово за школу в министерстве образования.

— А она? — спросила я.

— Нет. Не замолвила. Сказала: довели школу, сами и отвечайте. А родители ей: дети же не виноваты.

— А она?

— Дверь закрыла.

— Значит, школу точно закроют, — сказала я. — Грустно.

— Ты же говорила, тебе всё равно, — сказал Даник.

— Говорила. Но всё равно как-то грустно. Это будет уже не то.

— А ты переходи к нам! В лицей! Серьёзно! К экзаменам я тебя подготовлю. Ты же любишь биологию! Математика у тебя нормально тоже, да?

— Это Жанка любит.

— Обе переходите!

— Ух ты! — сказала Жанка. — Правда подготовишь?

— Смотрите, экзамены будут в... А, уже были экзамены, я в прошлом году уже к каникулам знал, что сюда поступил. Да они простые! Если мало приняли, ещё будут принимать. Я узнаю!

— Что-то этого не было в моих планах на лето, — сказала я. Но подумала: «Чем чёрт не шутит, может, и попытаться?» Бабушка бы сказала, что в лоб-то не треснут, можно и попробовать.

— А тебе вообще сам бог велел, я серьёзно говорю! У нас есть программа обмена, когда в лицей приезжает кто-нибудь из Америки, или Италии, или ещё откуда-то, а кто-то из наших едет к ним. На весь учебный год! Представь: с сентября до июня ты в Америке.

Честно говоря, я содрогнулась от этой мысли, будто от внезапного холода. Нет уж, год без папы, бабушки, Даника, Жанки я не смогу вынести. Пока я думала, Даня продолжал говорить о том, что на такие поездки тоже конкурс, его надо пройти, сдать язык и ещё что-то, я не очень-то вслушивалась, его голос был таким фоном. Как вдруг фон пропал, а Даник сказал:

— Я сам такой конкурс проходил. В сентябре уезжаю. В Австрию. Там тоже говорят на немецком.

— Вот для чего тебе немецкий! — сказала Жанка.

Да, вот для чего.

ВОТ ТЕБЕ И ОГОНЬ

Жанка сказала:

— Я его побью.

Так серьёзно сказала, не в шутку, я даже испугалась, что и в самом деле побьёт.

— Не надо, — сказала я, — за что его бить?

— Ты знаешь, — сказала Жанка. А лицо всё такое серьёзное, кулаки сжаты. Я подумала, что с ней надо так же серьёзно, и сказала:

— Жанна, боже мой, он не сделал ничего плохого! О чём тут говорить?

— Да? Не сделал? Просто влюбил тебя в себя и уезжает теперь! Это значит, ничего плохого?!

— Не кричи! Ничего не влюбил, придумаете тоже, — сказала я. — Пойдём домой. Что-то мне плоховато.

У Даника уроки кончались через полчаса. Раньше я бы подождала его, не сложно, но не сегодня. Сегодня у меня что-то со спиной. И с ногами. Как будто что-то их тянет, и ноги, и спину. Наверно, от недосыпа. Ещё на папу вчера накричала зачем-то. Ночью я проснулась и вспомнила, что Даня в сентябре уедет. И сон прошёл. Лежала, смотрела в потолок, в стену. Ни о чём не думала, не было никаких мыслей, совершенно. Просто лежала и не спала. Только под утро задремала.

Когда я пришла, дома никого не было, папа на работе, а бабушка, наверно, на своём собрании цветоводов, любит она цветы, хоть они у неё плохо растут.

— Это у меня рука тяжёлая, — объясняет она. — Ну-ка, попробуй ты, может, от тебя цветы начнут расти.

Я попробовала посадить ей бордовую лилию — ничего, прижилась. Теперь она часто меня просит посадить, считает, что у меня лёгкая рука.

Никакой еды мы с Жанкой не нашли, взяли и пожарили серого хлеба на подсолнечном масле. По всей квартире, конечно, чад стоял! Согрели чай, перекусили. Хлеб хорошо прожарился, вкусный получился, почти как Данины сухарики. Вот как он, должно быть, их делает: жарит на сковородке. Мне захотелось тут же спросить у него, права ли я, но рядом была только Жанка.

— Ничего не влюбил, — сказала я ей, — просто он всё время чем-нибудь меня угощает. И вообще...

— Ага! А почему ты вдруг о нём заговорила? — спросила Жанка.

Я пожала плечами. Почему-почему? Откуда я знаю почему! Просто вспомнила, из-за хлеба.

Зазвонил телефон. Я сняла трубку:

— Даня! Привет. Мне что-то плоховато стало, ноги болят.

— Мышцы? — спросил Даня. — Или кости?

— Не знаю. А какая разница?

— Большая, ты что! Я сейчас приду.

— Хорошо.

Пока я разговаривала с Даником, Жанка сидела как на колючках. Или как на горячем? Она чуть не подпрыгивала на стуле. Когда я повесила трубку, она сказала:

— Короче, так, Комисарук: или я, или Даня! Всё! — и сложила руки на груди. Левую на правую.

— Ты что, левша? — спросила я и вспомнила, что однажды мне так Даня сказал. Попросил сложить руки на груди, у меня тоже левая оказалась сверху. А под ней правая.

— Какая левша ещё? — спросила Жанка.

— Обыкновенная. У тебя левая рука на правой, значит, левая главнее. Хотя нет, пишешь ты правой, это точно.

Загадка с этими руками, этими правшами и левшами. В конце концов, какая разница и стоит ли обращать на это внимание? Так я размышляла, совсем забыла, что Жанка поставила мне ультиматум. В дверь позвонили. Пока я открывала, она соскочила с места, схватила свой рюкзак и выбежала за дверь.

— Что это с ней? — спросил Даня.

— Поздравляю, — сказала я. — Ты только что увидел, как меня бросила подруга.

— Жанка? — спросил он. — Бросила? Как это?

— Да, — сказала я и стала набирать Жанкин номер. Разговаривать ушла в папину комнату, ту, откуда он выходит на связь с миром. Но это я зря, Жанна всё равно не брала трубку. Вернулась на кухню. Даня пил чай с нашим жареным хлебом.

— Отлично получился! — сказал он с набитым ртом.

— Что?

— Отлично у вас хлеб получился, говорю. Огонь!

Огонь-огонь. Вот тебе и огонь. Вернётся ли Жанка?

ФЛЕШМОБ

— Эй, не грусти! Может, письмо ей напишешь? — спросил Даник.

— Богатая идея! — сказала я. — Она же мои сообщения не читает. Видишь вот: галочка, что доставлено, есть, а галочки, что прочитано, нет.

Целый вечер мы пытались дозвониться до Жанны. Я писала ей сообщения, несколько раз мы приходили к её подъезду, звонили, кричали. Старушка Курчатова даже выглянула из своего окна и сказала, что ей мешают писк домофона и наши крики.

— Мы ещё немного, — говорил ей Даник и снова кричал: — Жанна! Жа-анка!

Бывшая директриса захлопывала окно. А Жанка своё не открывала. Может быть, её и дома-то не было. Может, она ушла к своей глухонемой тёте.

— Придумал! — сказал Даня. — Давай устроим флешмоб! Ты знаешь про Грету Тунберг, девочку, которая борется с загрязнением воздуха?

И он рассказал мне про шведскую девочку, которая каждую пятницу сидит с плакатом перед шведским парламентом, добивается, чтобы выбросы в окружающую среду прекратились.

Утром Жанка выглянула в окно, а на асфальте было написано: «Жанна!» — и стояла стрелка, куда смотреть дальше. Потом, по дороге в школу, ей ещё несколько раз попадались такие же надписи. На двери школы я приклеила альбомный лист, на котором написала: «Жанна, ты не права!» Первый наш урок в тот

день был английский, и я по всей дороге к кабинету развесила листы с надписями на английском и на русском: «Жанна, вернись!», «Zhanna, come back!» Я пришла раньше всех, встала у двери нашего класса с альбомным листом. Когда Жанка появилась на этаже, я раскрыла этот лист, на нём было написано: «Привет, подруга!» И вот эта самая подруга обняла меня.

— Ты чокнутая, что ли? — спросила она. — Тебя же вычислят! Сразу понятно, кто это написал.

Про меня в самом деле быстро догадались. К тому же наш охранник Юрий Алексеевич мог меня заметить. На первом же уроке, на английском, в класс заглянула сама директор, вызвала меня к себе. И Жанку тоже.

Никогда не была в кабинете у директора, а он, оказывается, большой. Там стоит стол с целыми стопками бумаги, компьютер. Над столом висит портрет Николая Гоголя, старинного русского писателя. Елизавета Георгиевна отчитывала меня за испорченные стены:

— Теперь каждый будет читать, что Жанна не права и что Жанна должна куда-то вернуться. Куда, кстати, мне кто-нибудь ответит на этот вопрос?

— Всё равно школу закрывают, — сказала я. Дурацкое, я считаю, времяпровождение, пустое — слушать, как тебя ругает директор школы.

— Правда, Елизавета Георгиевна, школу же закрывают.

— Так, — сказала директор, — значит, вы думаете, что раз закрывают, то можно портить? И вообще, здание пригодится, его заберёт лицей.

— Ненавижу лицей, — тихо сказала Жанка. А я сказала, что школу всё равно ремонтируют каждое лето и вообще через неделю уже наступят каникулы. А Елизавета Георгиевна сказала, что удивительно, где это я выучилась так хамить, мой папа совсем не такой.

— Мама зато такая, — сказала я и вышла из кабинета. Тоже мне, хамить я научилась. Следом за мной вышла Жанка.

— И что дальше? — спросила она.

— Не знаю, я в туалет.

— И я!

Я хотела пописать и увидела, что трусы запачканы кровью.

— Жанка! — сказала я. — Я умираю, кажется, — и рассказала ей про кровь.

— Дурочка, что ли, это у тебя месячные. У меня уже два раза были.

— Ничего, что мне ещё нет двенадцати?

— Всё в норме, подружка! — сказала Жанка. — От этого ещё никто не умирал. Прокладки у тебя есть?

— Нету.

— Купи тогда. В аптеке продаются.

— Слушай. Денег совсем нет. И спина болит. И ноги. Что делать?

— Пойдём, — сказала Жанка, и мы вышли из туалета. Сначала выглянули, чтобы не попасться никому на глаза.

В медкабинете никого не было. А без справки Юрий Алексеевич меня не выпустит, это точно. Мы заглянули в буфет. Врач сидела там.

— Нам плохо! — сказала ей Жанна.

— Обеим, что ли? Что за флешмоб у вас?

Жанка наклонилась и тихо рассказала, что со мной произошло. И что прокладок у меня нет и денег с собой тоже нет. Справку мне выписывать не стали, просто врач сама проводила меня к выходу мимо охранника.

— Ладно, — сказала я Жанке на прощание, — я домой. Принесёшь мой рюкзак? И знаешь что? Если я помру, скажи Дане... Нет, ничего не говори Дане, я завещание напишу.

ПОБИТЫЙ ДАНЯ

Даня пришёл с моим рюкзаком сердитый и побитый. Только что он встретил в нашем школьном дворе Бортникова, Величко и Кравцова. Даник, друг мой побитый, пришёл, когда я лежала на кровати и обдумывала своё завещание, бабушка ему открыла. Но как только я увидела его, извалянного в пыли, грязного, несчастного, с разбитой губой, тут же вскочила, отравила его в ванную. Он умывался, а я топталась рядом и говорила:

— Падал? Вымой, где упал! Все ссадины, хозяйственным мылом! Чтобы не было столбняка. Губу тоже мой, но без мыла, давай! У бабушки зелёнка!

И я помчалась в бабушкину комнату за аптечкой. Только прикоснулась к губе ватной палочкой с зелёнкой, а Даник как закричит:

— Не надо! Больно же!

А бабушка смеётся, говорит:

— Терпи, казак!

Даня замолчал.

Потом, когда мы пили чай, бабушка спросила:

— Кто тебя так? Почему?

— Ну вот те трое, помнишь, Даш, на остановке? — сказал Даня.

— Да уж понятно, больше некому. Бортников, Кравцов и Величко. Я терпеть их не могу!

Особенно Бортникова. Этот мне устраивает весёлую жизнь всё время. Сидит через проход от меня, всё время дёргает за рукав, чего-нибудь говорит. Я поворачиваюсь, а он фоткает, сто раз уже так попадалась, а он всё меня поддавливает. Представляю, какая я злая на его фотографиях! Он сидит, смотрит на них и смеётся. Однажды его за это выгнали с урока. А ему-то что? Он и за дверь продолжал смеяться, ещё и нарочно встал у двери класса и хохотал. Я потом ему сказала:

— Ты нормальный, нет?

А он снова, уже в лицо мне, заржал. Как конь, честное слово, коняга.

— Чего ты телефон с собой не взяла? — спросил Даня. — Знал бы, не пошёл бы в твою школу.

— А Жанка где? Она собиралась принести рюкзак.

— Она за свечками убежала, сегодня в ДК ярмарка закрывается.

Ясно, чего тут непонятного. Конечно, свечи. Надо бы в завещании написать, что я оставляю для Жанки свою единственную свечку-барашка. Она же мне сама её дарила. Пусть будет память. Но мне уже стало гораздо лучше. Вот что значит увидеть побитого человека. Сразу свои беды забываются.

— Бедный Даник, — сказала я.

— Нормально всё. Им тоже досталось. Завтра твой Бортников красавцем придёт. Или не Бортников? Я в них не разбираюсь. Но фингалюгу один из них точно получил! — сказал Даня. — Ну ладно. Я-то подрался, а ты чего? Жанка говорит, пошла домой помирать.

— А она не сказала?

— Нет, только сказала, что ты завещание писать хочешь, и умчала за своими свечками. Я ещё подумал, серьёзно, что ли, собралась. Вот и свечи.

— Ну, я так, женские дела.

— Да? — спросил Даня. — Ну ладно тогда.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИНЕЙКА

На прощальном чаепитии мне подарили путеводитель по Америке с картой города Нью-Йорк. Он такой толстый, а туда вошло далеко не всё, только информация про Нью-Йорк, Лас-Вегас, Лос-Анджелес, Сан-Франциско и Чикаго. Жалко, что нет про Канзас, но это ничего, в интернете я найду и про него. Жанке подарили набор для мыловарения — понятно, какое у неё новое увлечение, да? А Сеня Бортников получил

самоучитель по фотографированию. Теперь мне точно от него житья не будет. Хотя мы можем оказаться в разных классах теперь и даже в разных школах.

На прощальной линейке мы сделали спортивный номер: Оксанка Мерзлякова показывала красивые гимнастические упражнения с мячом, Жанка с Ирой играли в бадминтон, я каталась вокруг них на лыжероллерах, и всё это на фоне Бортникова и Кравцова, которые наперегонки подтягивались на турнике. Наш класс сорвал самые громкие аплодисменты.

На прощальной линейке что-нибудь сказали про каждый класс. Про пятый — что мы хорошо пережили этот непростой год, а год после начальной школы у всех бывает непростой, а тут ещё последний в школе. Про выпускной девятый тоже сказали, что у них был трудный год. Можно подумать, в школе у кого-то бывают простые дни, а тем более годы! Было видно, что и директору, и завучам трудно говорить. Наверно, они бы сейчас расплакались, если бы не были на общественном мероприятии. Все остальные тоже были какие-то кислые. Что ни говори, а навсегда прощаться со школой непросто, никогда бы не подумала об этом. За каждым классом стояли родители — даже первого сентября их бывает меньше, — и я видела, что некоторые папы шмыгали носом, а некоторые мамы утирали глаза.

— Дорогие ребята, — говорила в это время Елизавета Георгиевна, — уважаемые взрослые! Я не говорю «родители», я обращаюсь ко всем взрослым людям нашей школы: родителям,

учителям, техническим службам. Мы прошли с вами нелёгкий путь. Прошли, к сожалению, до конца. Кто же знал, что он будет таким коротким? Дальше вам предстоит выбирать путь самим. Алексей Викторович, директор химико-биологического лицея, попросил меня передать вам слова благодарности. Он просил обратить внимание детей и родителей, что в шестом, седьмом, десятом классах ещё есть места для новых учеников. И если кто-то из вас, ребята, захочет поступать в лицей, экзамен для учеников нашей школы, наших бывших учеников, откроется раньше остального набора. То есть вы сможете сдать вступительный экзамен раньше учеников других школ. Я прошу обратить на это внимание тех, кто хочет связать свою жизнь с биологией, химией, медициной, экологией.

Пока директор говорила это, Жанка за моей спиной шептала:

— Ненавижу лицей, ненавижу.

Так же говорили и некоторые другие люди, и не только в нашем классе, так что над стадионом проносились негромкие слова ненависти к лицее.

Директор спросила, кто из родителей хочет сказать что-нибудь на прощанье. К микрофону подходили родители и говорили спасибо школе и учителям, многие плакали. Но тут неожиданно вышла моя бабушка и сказала так, что её и без микрофона было бы слышно.

— Конечно, спасибо учителям! — говорила она. — Но хочу сказать, что вы плохо боролись за нашу школу. Видимо, вам было всё равно. Конечно, учителей у нас в городе не хватает

и вы найдёте себе работу. А кто подумал о наших детях, об их родителях? Что нам теперь думать о вас? А я скажу, что теперь мы будем думать: что вы были равнодушны! Что были ненастойчивы! Что вам, кроме себя, никто не нужен!

К бабушке подошёл папа и стал гладить её по плечу и тихонько что-то говорить. Бабушка сказала что-то ещё, но сквозь её рыдания было не разобрать, что именно. Бортников в это время стукнул меня по плечу, а когда я обернулась, показал мне большой палец вверх и шепнул:

— Мировая бабка!

Удивительно, дома бабушка почти не говорила ничего про закрытие нашей школы.

Папа увёл бабушку подальше от микрофона. Родители начали выкрикивать с мест, что бабушка не права и учителя делали что могли. И директор делала что могла, и сами родители много всего испробовали.

— Да мы, — кричал папа какого-то восьмиклассника, — придём летом! Не дадим им делать ремонт! Мы под бульдозеры ляжем! Мы встанем!

Папа осенью, я помню, тоже говорил про бульдозеры. Откуда вот у них в голове эти самые бульдозеры и что под них непременно надо ложиться? Теперь папа мой стоял, держал бабушку за руку и как-то потерянно улыбался. Это у нас семейное, мы умеем улыбаться, когда что-то неприятное происходит.

Родители спорили и кричали долго. Удивительно, что их никто не останавливал, никто не просил замолчать. Мне кажется,

они так говорили почти что час. А когда все уgomонились, директор сказала, что, конечно, каждый боролся за школу как мог. И спасибо всем, кто хотел её отстоять.

— Мы отступаем, — сказала она, — но отступаем с сознанием, что сделали что могли. И даже что не могли. Школу хотели закрыть ещё в прошлом году, мы сберегли её ещё на один учебный год. К сожалению, он уже кончился.

НЕ БУЛЬДОЗЕРЫ

Во время каникул в сторону школы я даже не смотрю. Вот ещё, есть и другие стороны, например спортивного лагеря. Решено: пусть там школы меняются местами, делятся своими зданиями — летом меня не это будет беспокоить, а что-нибудь другое.

Каждое утро я вставала ещё раньше, чем в школу, бабушка готовила мне овсянку с замороженными ягодами, я завтракала и шла к трамплину, в спортивный лагерь. Даже удивительно, как я могла забросить свои горные лыжи, отвлеклась на Даника. Каждое утро бабушка спрашивала меня, не надумала ли я, пойду ли на экзамены в лицей или отправлюсь вместе с Жанкой в сорок пятую школу. Я ничего не говорила. Не разорваться же мне, я и Жанку люблю, и Даника. Кстати, почему он не пишет и не звонит? Две недели мы переписывались по телефону, две недели созванивались как сумасшедшие. Это, конечно, не то что видаться и гулять каждый день, но тоже ничего.

А сейчас второй день от него ни слуху ни духу. Может быть, он уехал и вовсе разговаривает в Дрездене на немецком. А может, заболел. Не знаю я! Иду каждое утро через железную дорогу, потом по Октябрьскому проспекту. Проспект поворачивает направо, а я иду себе прямо, вперёд. Гонять на лыжероллерах мне нравится, да, почему бы нет? Если пока нет снега, приходится приспосабливаться. Мы ездим по асфальтированным дорожкам холмов у трамплина так же, как зимой на лыжах, — задевая вешки.

Однажды я ехала так, потом поднималась наверх, на старт, вдруг вижу — кто-то идёт прямо по размеченной трассе мне навстречу. Даник! Ого!

— Ты вернулся? — спросила я его. — Как там Дрезден? Ты болел?

А он отвечает:

— Ты чего, без телефона? Я звоню-звоню... Там строительство началось, — а сам бледный-бледный и запыхался. Обычно бывают красными, когда быстро бегут куда-то.

— Не волнует! — говорю я. — Это самое неинтересное, что ты мог мне сказать.

— Там... там твой папа.

— Что? Бульдозеры?

— Не бульдозеры, — Даник отвечает, — бетономешалка.

Тут я сняла свои лыжероллеры и побежала с ним. Наверх, наверх, крикнула Анатолию Ивановичу, что мне срочно домой, и мы погнали с Даней к школе. Я не знаю, что опаснее, бульдозеры

или бетономешалки, но я помню, как папа говорил осенью, что, если будет надо, он ляжет под строительную технику. И вот теперь, видимо, этот час пришёл.

Бежать до школы далеко, больше двух троллейбусных остановок. Хорошо, что у магазина остановился пятьдесят третий, Данин автобус. Мы проехали две остановки, выскочили и побежали к школе. Дурацкий забор, пришлось его оббегать, раньше мы могли бы просто пробежать мимо гаражей и овощных ям — и уже были бы возле школы. А когда-то этот забор меня так радовал!

Возле нашей школы лежала груда белых кирпичей. Нет, не одна груда, а несколько. Все кирпичи были упакованы в плёнку и сложены в аккуратные кубы. Из лица собирались строить переход из своего здания в наше, бывшей пятнадцатой школы. Это близко, метров тридцать. Ну, семьдесят. Уже стояли бетонные столбы, на них лежали бетонные плиты, были построены леса, чтобы забираться по ним и строить переход. Бетономешалка стояла и мешала цемент. Под этой бетономешалкой стоял мой папа. Он стоял, подняв правую руку вверх, и кричал:

— А-а-а! Не да-а-ам!

И так много-много раз. Никогда я не видела своего папу таким. Над головой его крутилась бетономешалка. Неподдалёку стоял полицейский и что-то говорил в свою рацию, наверно, вызывал подкрепление, сам он сдвинуть папу с места не смог бы.

— Папа! — крикнула я. — Пап, уйди оттуда!

Но он меня не слышал.

— Папа! У а н 4 р б ц! Папа! У а н 4 р б ц! — кричала я. Наконец папа услышал меня.

— В эфире! — сказал он, как говорил другим радиолюбителям, когда его окликали.

— Папа, не надо! Восемь восемь! Семь три! Восемь восемь!

— Девять де... — начал говорить папа, но тут жерло бетонешалки стало наклоняться к земле. Того и гляди цемент полёётся на папу. В тот же миг полицейский и Даник прыгнули к папе и оттолкнули его подальше. И отбежали сами. Жидкая цементная смесь полилась на землю.

— Отойдите все! — закричал строитель в каске. — Устроили!

— Папа, ты что, хотел сказать мне «девять девять»? — спросила я. А он стоял, смотрел безумными глазами на бетонную жижу. Полицейский снова говорил в рацию. Он говорил, что подкрепления уже не надо, всё решилось.

— Задержания будут? — спросила его рация.

Полицейский посмотрел на папу, на Даника, на меня.

— Нет, — сказал, — задержаний не будет, мирно разошлись. Приём?

— Понял вас, — ответила рация. — Конец связи.

— Конец связи, — ответил полицейский. Подошёл к папе, спросил: — Конец связи?

— Конец, — сказал папа, — семь три.

— Папа, — сказала я, — я буду поступать туда, в лицей. Там же теперь живой уголок. Больше не надо под бульдозеры.

Так я сказала, а сама подумала, что Жанка меня теперь прийдёт.

— Понятно, — ответил папа. — Понятно. В лицей.

Он помолчал, потом спросил у Даника, где он был так долго.

— Так, — сказал Даня, — выходил на связь с миром. Искал Чарли. В Канзасе.

— А, — сказал папа. — Понятно. А я нашёл. Только его зовут Энди. И у него есть воздушный шар.

СОДЕРЖАНИЕ

КУПЛЮ ЧЕРЕПАХУ	3
Мама и сырники	5
Катерина	10
Не хватает черепахи	16
Черепахи	19
Нежные почки	19
Черепашество	23
Седины Льва	24
Вот кто будет рисовать!	30
Сенсация	33
Молочный брат	37
Федосья	41
Пластмассовая черепаха	43
Копилка бесполезных знаний	44
Схема	47
Карточки	50
Плоская тайна	53
Единое черепашество	57

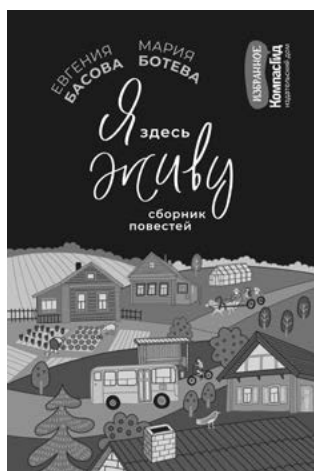
Среда и Древняя Греция	57
Немного о черепашестве	62
Ахиллес не догонит черепаху	62
Хладнокровное долгожительство	68
Прогулка с Иркой	69
Одинокое черепашество	74
Тайна нежных почек	74
Озимые черепахи	79
Дизель матерится	80
Черепашеская неловкость	84
Зачем?	84
Черепашеская тишина	90
Встреча у гардероба	90
Прощание с черепашеством	95
Грохот учебников	96
 КОСТЯ БЛЮЗ	 99
Живой старик	101
Миссия Кости	103
Плюс в карму Майка	107
Курок не читает рэп	110
Яблоки для Кости	113
Один камень с плеч	118
Снова яблоки для Кости	122
Стеша Пак	125
Свои	128
Только рок-н-ролл	131
Фотография на паспорт	134
Певческое поле	137
Голос дяди Рустама	140
До мажор	143
Майк и Костя Блюз	148
Комбинезон	152

Не в Китае	153
Мой город	154
Рыбы	155
Взвешен на весах	157
Динозавры	158
Зомби-апокалипсис	159
Таблица умножения	160
Прогноз погоды	162
Спутник	163
46-й автобус	164

НОВОЕ ЧЁРНОЕ ПАЛЬТО	165
-------------------------------	-----

ГДЕ ПРАВДА	191
----------------------	-----

СЕРЕБРЯНАЯ АМЕРИКА	207
Булка и Даня	209
Спящие атомы	211
Под бульдозеры	215
Белый снег и красный снег, гармония	218
Жанкина свечка	223
Папин язык	227
В живом уголке	230
Чарли из Канзаса	233
Мы хлеб едим	236
Мы не эй!	238
Даник уезжает	241
Планы на лето	245
Вот тебе и огонь	249
Флешмоб	252
Побитый Даня	255
Последняя линейка	257
Не бульдозеры	261

Я здесь живу *Сборник повестей*

Евгения Басова

«Открытые окна»;

«Танец ветра сирокко»;

«Уезжающие и остающиеся»

Мария Ботева

«Ты идешь по ковро»;

«Несколько кадров
для дедушки»

Иллюстрации и рисунок на обложке: Алёна Зайцева (Sweetpirat)

Для старшего школьного возраста: 12+

Когда человек уже не ребенок, но еще не взрослый, его одолевает вихрь мыслей. Ведь подростки ищут себя и близких по духу друзей, ссорятся и мирятся с родителями, спорят с учителями и переживают первую любовь.

Два автора, чьи произведения вошли в эту книгу, удивительно тонко подхватили это ощущение «перепутья», взгляда в будущее. Они рассказывают о жизни подростков в городе и деревне, в благополучных и не очень семьях. Их герои не становятся супергероями и не переживают какие-то потрясающие приключения — они просто живут. Здесь и сейчас.

Пять историй, вошедших в сборник, объединяет тема взросления. Именно поэтому читатель без труда узнает в них себя и свои переживания. И, возможно, найдет ответы на волнующие его вопросы: зачем искать общие интересы со сверстниками, можно ли сохранять доверительные отношения с родителями и почему отстаивать свою позицию в среде одноклассников иногда легче, чем кажется...

«КомпасГид. Избранное» — серия переизданий наших лучших текстов.

Евгения Басова пишет прозу, преимущественно для подростков. Известна также под псевдонимом Илга Понорницкая. Лауреат «Книгуру» и конкурса им. К. Чуковского, а также финалист премии им. В. Крапивина.

Мария Ботева — журналист и драматург. Финалист и лауреат литературных конкурсов. Ее произведения дважды были включены Мюнхенской международной детской библиотекой в список выдающихся современных книг «Белые вороны».

Мария Ботева Мороженое в вафельных стаканчиках

Иллюстратор и автор обложки
Тимофей Яржомбек
Автор предисловия Ольга Мязотс
Для старшего школьного возраста: 12+

«Мороженое в вафельных стаканчиках» Марии Ботевой — это сборник, состоящий из трех пронзительных и удивительно честных повестей о жизни подростков. Герои повести «Мороженое в вафельных стаканчиках» — необычная семья, чей дом открыт каждому, кому трудно жить в большом

мире. Дети и взрослые могут в любой момент уехать — к морю, на край света, в неизвестные дали... А потом обязательно возвращаются — туда, где их любят и ждут. Одноклассники из «Школы на Спичке» вместе делают важное открытие: спасти других можно, лишь научившись понимать самих себя. А смешная и трогательная девочка, рассказчица повести «Место празднику» знает, какой хрупкой может быть человеческая душа, — и громко произносит: «Да здравствует сердце!»

Об этой книге очень сложно рассказывать — настолько ее герои и обстоятельства, в которых они оказываются, не похожи между собой. Ее нужно просто читать. Читать, останавливаясь, задумываясь, возвращаясь к предыдущим страницам, улыбаясь или с трудом сглатывая комок в горле. Чтобы потом почувствовать, что открыл для себя нечто важное.

Книга «Мороженое в вафельных стаканчиках» в 2013 году вошла в список лучших книг года от интернет-ресурса «Библиогид», в лонг-лист премии «Книгуру» и получила специальный приз премии им. В. Крапивина. А в 2014 г. вошла в список выдающихся детских книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой.

Мария Ботева Маяк — смотри!

Иллюстратор и автор обложки
Сергей Гаврилов
Автор предисловия Ольга Мязотс
Для младшего школьного возраста:
без ограничений

Маяк стоит у моря. Обычное дело, скажете вы. Но маяк, где живут рыжий Эдвин и Эльза, не просто у моря — он почти на самом краю света. И когда Эдвин вдруг отправляется в плавание, Эльза остаётся на далёком северном берегу совсем одна. Ладно, не совсем: с ней волк по кличке Кулик-Сорока

и некий Капоряк в бутылке. Капоряк в бутылке — не игрушка или статуя, это просто старый знакомый Эдвина, посылающий письма бутылочной почтой. А рыжий Эдвин? Он в пути, волны за бортом бушуют. Он говорит с кораблём по имени «Антоний и Сладкая Н.». Даже вступает в сговор с ними. С кем это «с ними»? С Антонием и Сладкой Н., конечно: он просит их помочь ему в одном исключительно важном деле. (Спойлер: они обязательно помогут, а вы всё равно удивитесь.)

В новой повести Марии Ботевой удивительно всё: и жизнь героев, и стиль повествования, и цепочка сюжетных поворотов. Читателя ждёт увлекательное путешествие по открытому морю, с обязательными туманом и штормом — а разве бывает плавание без шторма? Но сквозь мглу и брызги то и дело проглядывает огонёк — мерцающий, слабый: кажется, этот маяк давным-давно не закрывали на ремонт. Но он нужен героям книги — и развалиться на кусочки просто не может, несмотря на все бури и ненастья.

Мария Ботева — автор популярных сборников рассказов «Мороженое в вафельных стаканчиках» (включен Мюнхенской международной детской библиотекой в список выдающихся детских книг мира «Белые вороны») и «Ты идёшь по ковру» (обе книги изданы «КомпасГидом»), лауреат молодёжной премии «Триумф», финалист премии Андрея Белого. При всей лёгкости проза Марии Ботевой отличается богатством эмоциональных красок, непредсказуемостью и глубиной. Стиль писательницы, что называется, неподражаем: это действительно уникальный язык, который каждый читатель, однажды узнав, полюбит.

Литературно-художественное издание
Для среднего и старшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 12+

Мария БОТЕВА
Новое чёрное пальто
Повести и рассказы

Иллюстратор Вольга Пранкевич

Издатель Виталий Зюсько

Главный редактор Марина Кадетова

Художественный редактор Дмитрий Дервенёв

Ведущий редактор Яна Сартан

Литературный редактор Ольга Корф

Подготовка обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Художественное оформление и верстка Дмитрий Дервенёв

Корректоры Надежда Власенко, Евгения Якимова

Регистрационное свидетельство

№ 5087746578123 от 11.12.2008

ООО «Издательский дом «КомпасГид»

115172, Москва, Краснохолмская набережная, дом 11, стр. 1.

Купить книги «КомпасГид» вы можете на сайте www.kompasgid.ru

или в отделе продаж издательства:

тел. (499) 707-74-75, book.kompasgid@gmail.com

Заказать книги в библиотеку: пишите на kompassgid@gmail.com

Читать в электронном формате: ищите нас на www.litres.ru

Следить за новостями и книжными новинками:

подписывайтесь на нас в социальных сетях VK, Яндекс Дзен

Подписано в печать 30.05.2022.

Формат 60×90/16 (140×210 мм).

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17.

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»).

Заказ № 180130.